

ПОСЕВ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

3 руб.

D. 21651 F

POSSEV 5/1992

Где наши корни?

*Восстановленная могила Столыпина
в Киево-Печерской Лавре*

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПОСЕВ"

Со дня основания (1945 г.) и до сегодняшнего дня издательство "Посев" видит свою задачу в печатании и распространении вольного русского слова, правдиво отображающего жизнь, мысли, надежды и стремления народов России. Хотя издательство "Посев" по вине тоталитарной власти десятки лет было вынуждено работать в трудных условиях эмиграции, оно рассматривало свою продукцию как часть культурной, общественной и политической жизни нашей страны. Большое внимание издательство всегда уделяло той ветви российской культуры, которая развивалась в эмиграции.

В соответствии со своей задачей издательство выпускает книги, брошюры, а также периодические издания: общественно-политический журнал "Посев", литературный ежеквартальник "Грани", сборники избранных статей...

ЖУРНАЛ "ГРАНИ"

Ежеквартальный журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической жизни. Проза, поэзия, очерки современности, философия, публицистика, литературная критика и пр.

Со дня своего основания в 1946 году журнал "Грани" считал своим долгом способствовать развитию свободной мысли, свободного творчества, способствовать публикации произведений, которые не могли быть изданы на родине из-за цензурных или политических ограничений. Одновременно журнал старался привлечь наиболее талантливых авторов эмиграции. Вернувшись на родину, журнал будет следовать своим традициям.

Из широко известных авторов в "Гранях" были опубликованы произведения:

А. Авторханова, А. Ахматовой, Л. Бородина, М. Булгакова, И. Бунина, Г. Владимова, В. Войновича, Б. Вышеславцева, Ю. Галанскова, А. Галича, В. Гроссмана, Ю. Домбровского, И. Елагина, Н. Заболоцкого, Б. Зайцева, Е. Замятина, Д. Кленовского, Н. Коржавина, С. Левицкого, Н. Лосского, В. Максимова, С. Максимова, О. Мандельштама, В. Некрасова, Б. Окуджавы, Б. Пастернака, А. Платонова, Д. Поремского, Р. Редлиха, А. Ремизова, Л. Ржевского, А. Светланина, А. Солженицына, В. Солоухина, Я. Трушновича, М. Цветаевой, Б. Ширяева, И. Шмелева, В. Шульгина...

Не в силе Бог, а в правде! – Александр Невский

ОБЩЕСТВЕННО-ПолИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 5 (1409)

Сентябрь-Октябрь 1992

Год издания XLVIII

СОДЕРЖАНИЕ

КОММЕНТАРИЙ

Е. Романов. Важнейшая часть российской государственности (3)

ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕФОРМА

Владимир Петров. Дорога, ведущая к дому (4). – **И. Брумин.** "Зло не-медленного блага..." (10). – **Леонид Милованов.** Вышневолоцкие страдания (16)

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Человек на своей земле. Интервью с писателем Борисом Можаяевым (21)

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

Роман Редлих. Директора и чиновники (29). – **Татьяна Иванова.** Мы теперь другие (36). – **Леонид Радзиховский.** Вечно вчерашний (43)

ПРОГРАММЫ И ПАРТИИ

Г. Иванов-Смоленский. После бала КПСС (48)

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

А. Артемов. "Деловое представительство" в программе НТС (55). – **А. Серяков.** Нужно Учредительное Собрание (59)

АНКЕТА ЖУРНАЛА "ПОСЕВ" (63–66)

РОССИЯ И СНГ

Марина Перевозкина. Приднестровье: зона конфликта (67)

СТАТЬИ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

Анатолий Байкалов. О национальном вопросе в России (76)

ПОЗИЦИЯ

А. Буровский. Что же дальше? (84). – **И. Джов.** "Самое дорогое на земле – свобода" (86)

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Игорь Епифанов. Уходит вода сквозь песок... (90). – **Анна Сокольская.** "Тайну гарантирую" (94). – **Наталья Михайлова.** В Москве, на толкучке (97)

КУЛЬТУРА

Николай Иовлев. Лечение через повешенье (99). – Фонд Культуры, а не "обком культуры". Интервью с заместителем председателя Российского Международного фонда культуры **В. П. Нерознаком** (102)

НАСЛЕДИЕ БОЛЬШЕВИЗМА

Д. Штурман. Дополнительные штрихи к портретам (106)

60 ЛЕТ НТС

Ярослав Трушнович. Аресты руководства НТС в Берлине. К истории Народно-Трудового Союза российских солидаристов (117)

ПИСЬМА

М. Никитин. Систему знаю изнутри (123). – **И. Куклина.** Помогите механизатору! (123). – **В. Ботнарь.** Настоящие преступники – не мы (124). – **И. Ульянов.** Требую суда над КПСС! (125). – **О. Барберг.** Подписку на "Посев" не принимают (126)

На обложке – фотография Л. Мюллера

Демонтаж учреждений социалистического государства – длительный процесс, и не каждый гражданин может сегодня в нем участвовать или на него прямо влиять. Но в новых условиях каждый может, еще при жизни социалистического государства, **участвовать в отстройке учреждений нового, независимого и открытого гражданского общества, в создании подлинно независимых от государства общественных объединений.**

Конечным этапом демонтажа существующей системы будет принятие новой Конституции, которая вернет стране ее историческое имя "Россия" и определит структуру учреждений, охраняющих правовой строй и гражданские свободы.

**Путь к будущей России. Политические основы
Народно-Трудового Союза российских солидаристов.
(Изд-во "Посев", 1987)**

Важнейшая часть российской государственности

Е. РОМАНОВ

"Земельная реформа" - эта тема не сходит со страниц газет, ею полны и другие средства массовой информации, она - предмет ожесточенных споров в так называемом парламенте, ею занимается вице-президент страны с советниками... По вопросу о собственности на землю даже планировался всенародный референдум. Похоже, уже многие отдадут себе отчет в том, что без решения этой проблемы не могут быть успешны проводимые экономические реформы. Необходимо, чтобы страна могла сама себя прокормить, страна, где земля - основное богатство, страна, в свои лучшие времена экспортировавшая продукцию сельского хозяйства.

Но дело не только в экономическом аспекте земельной реформы. Землепользование, право собственности на землю - это политический аспект реформы. Человек, трудящийся на земле, должен быть безусловным собственником своего надела. Полноправный хозяин земли - опора государственности. Это понял Столыпин, когда задумал и начал проводить сельскохозяйственную реформу с целью постепенной ликвидации общинного землепользования, обезличивающего и землю, и саму крестьянскую общину. Сегодня, как и тогда, реакционные силы, выступая против земельной реформы и препятствуя передаче земли в безусловную частную собственность, выступая за сохранение колхозов, ссылаются на "традиционно-русское" общинное землепользование. Колхоз - это объединение безземельных. Таков и был замысел коммунистов. За сохранение этого политического замысла и идет политическая борьба.

Есть и еще один аспект у земельной реформы. О нем мало кто говорит. Это - возрождение крестьянского сословия, земледельцев, людей, которые любят землю, которые не по принуждению и не только из экономической выгоды обрабатывают ее, а сопереживают тот творческий процесс, который им являет природа каждодневно. А сейчас разорена и земля наша, и земледельцы. И выйти из этого разорения сможем только, если, помимо экономических мер, помимо политических решений, воспримем землю как дар Божий, который так щедро дан нашей стране.

Нам нужна великая Россия, сказал Столыпин. Но не внешнее величие он имел в виду. Его реформы (не только земельная) выражали идею новой российской государственности, которая заключала в себе экономическое, социальное, культурное, правовое, политическое развитие страны на благо народа, на укрепление ее державности.

И сегодня, после крушения коммунистической государственности, в обстоятельствах гораздо более тяжелых, чем в начале века, мы стоим перед такой же задачей. Земельная реформа - важнейшая часть этой задачи.

Дорога, ведущая к дому

(Контурь будущего российской деревни)

Владимир ПЕТРОВ

Деревня является основой формирования и существования сельскохозяйственных народов России, это место жизни трудолюбивой, наиболее патристичной и чистой ветви народа. Труд на земле эффективен только при условии, что жизнь крестьян является полнокровной, духовно глубоко осмысленной и потому свободной. И поэтому аграрная политика в новой России должна исходить из того, что решение наиболее актуальной и острой продовольственной проблемы является не целью, а явится лишь одним из объективных следствий возрождения культурно-исторического бытия народов России.

Десятилетия антинародной деятельности партийного руководства нанесли страшный урон Российской земле. На большей ее части был практически уничтожен институт крестьянства - национальных профессиональных земледельцев, носителей самобытной культурной традиции, изуродованы строившиеся веками исторические агроландшафты России. Непрерывно сменяющие одна другую кампании коллективизаций, механизаций, химизаций-мелиораций превратили цветущие некогда области с высокoeffективным сельским хозяйством в безжизненные агроландшафты колхозно-совхозного типа с деградирующей структурой, вымирающим или убегающим населением, загрязненными полями и реками, немислимой конфигурацией полей и антиэстетичным типом сельской застройки, в место, где жить тяжело, скучно, стыдно.

В 1989 году развал страны советов вступил в затяжную полосу дворцовых микро- и макропереворотов. Такие периоды всегда особенно тяжелы для народа, поскольку сопровождаются развалом экономики, гиперинфляцией и гиперкоррупцией, мельканием на политическом горизонте мелких невнятных фигур, вооруженных не знанием страны, а верой в лозунги и скоростные чудодейственные экономические программы.

От автора. В прошлом году по совету одного из моих друзей я изложил на бумаге свои мысли по поводу концепции культурно-исторического агроландшафта России как одного из возможных прообразов будущей российской деревни. Он же положил мою работу на стол А. И. Солженицыну, который сделал и переслал мне краткий и как всегда точный ее анализ, за что, пользуясь случаем, приношу ему глубокую признательность. В более популярном изложении концепции я постарался учесть замечания Александра Исаевича, соотнося их с реальностью сегодняшнего непростого времени. Результат - переданная мною для публикации журналу "Посев" эта работа.

Трезвые, истинно государственные политики в такие времена начинают искать поддержки у наиболее консервативного сельского населения, чуждые народу и земле политики больше доверяют политическому и экономическому террору. Нынешнее правительство Ельцина-Гайдара, похоже, унаследовало худшие "аграрные" традиции своих коммунистических предшественников. Опять жесточайший экономический нажим на деревню, опять поддержка нежизнеспособных в подавляющем большинстве совхозных структур, воссоздание управлений сельского хозяйства и создание новых номенклатурных кормушек - комземов. Снова компанейщина, непрофессионализм (руководит "аграрным сектором" боевой генерал-летчик Руцкой). Желание любой ценой заткнуть продовольственные прорехи привело это правительство к неоправданно высоким ставкам на гуманитарную помощь, унижительные займы, на малочисленный в нашей истории (то есть исторически малообоснованный) слой фермерства, на "экономические рычаги", рынок и пр. Опять непонимание основ, социально опасное экспериментирование, азартная вера в одно-два удачных законодательных решения. Самое обидное, что именно сегодня Россия имеет уникальный шанс заложить веки государственной долгосрочной сельскохозяйственной политики, двигаясь вдоль которых наша страна сможет вернуться на свой исторический путь сильной и самобытной деревни. И шанс этот может быть упущен. Ставка только на "рычаги", жадность или, попросту говоря, вовлечение народа в бесконечную погоню за прибылью в современном морально опускающемся обществе скорее всего лишь усугубит экологические, медицинские, нравственные и криминальные проблемы и не создаст устойчивой базы сельского хозяйства. В реальности перед обществом стоит задача разработки жизнеспособной, учитывающей особенности сегодняшнего дня и удручающее советское наследие программы возрождения российской деревни, соизмеримой по масштабам с политической программой возрождения земледельческих народов России.

С чего начать? Академик В. Тихонов и многие вслед за ним верят, что возможно быстрое самовозрождение деревни после реализации известного лозунга "землю - крестьянам". К сожалению, быстрого и простого решения нет, как нет сегодня того крестьянина и той земли, которые были в России в начале нынешнего века (есть самородки-мужики, есть заповедные, сохранившие фольклор и культуру уголки России, но фон, увы, иной). Проблема осложняется тем, что заимствовать опыт возрождения деревни нам негде: ни одна страна мира не имела на таких больших пространствах столь печальной экологической, демографической и экономической ситуации, столь нарушенного почвенного покрова. Речь может идти, по-видимому, только о поиске собственного пути развития с использованием в качестве главного основания исторически апробированных моделей землепользования и способов ведения сельского хозяйства. При этом мы вполне отдаем себе отчет в том, что попытки полного возврата к традиционным крестьянским укладам, культуре, орудиям труда на большей части территории невозможны и бесполезны. В первую очередь имеется в виду распознавание и использование огромного земледельческого опыта народа, включение механизма национального осозна-

ния, мудрости жизни на земле наших предков. Иными словами - мы имеем все возможности начать не с нуля, начать строить здание новой России на дедовском фундаменте. Альтернатива: начать эксперимент по внедрению в российскую деревню западных моделей, формирование абсолютно новых страт сельского населения, соответствующих новых экономических и политических форм взаимоотношений. На наш взгляд, использование импортных агротехнологий, научно-практического опыта советского периода должно протекать традиционно для России - после творческого осмысления и адаптации к местным условиям.

Наиболее простой и безболезненный подход к возрождению деревни - это по возможности быстрое возвращение на нормальный многовековой исторический путь развития земледелия, постоянно усложняющегося многообразием форм собственности на землю и способов ведения хозяйства, с широким привлечением достижений отечественной и мировой науки и практики. И, может быть, самое главное сегодня - это распознать контуры будущего российской деревни, что позволит формулировать верные политические решения, совпадающие по направлению с вектором народных устремлений. Давление, навязывание грозит национальной катастрофой.

Аграрная политика - внешне малоэффективная - по сути является одной из профессиональных, почти деликатных сфер государственной деятельности, поскольку непродуманный шаг здесь грозит обернуться нехваткой продовольствия и последующим социальным взрывом. Это - аксиома для всех мудрых правителей. Следует отметить, что государство всегда стремилось выжать из российской деревни побольше, но в допетровскую эпоху отчетливо видело ту черту, за которой начинается запустение деревень и забрасывание пашни. В аграрной стране качество управленческих решений моментально отражалось на состоянии казны. Петр I был первым из российских государей, кто позволил себе облегченно относиться к крестьянству и труду на земле. За блестящей серией внешнеполитических прорывов и строительством дворцов стояло оголение целых областей от лучших мастеров, наиболее крепких мужиков, началось быстрое зарастание тысяч десятин земли лесом, было прервано строительство малых городов и дорог. Был дан и мощнейший импульс развитию отмиравшего рабовладения, положено начало быстро терявшему связь с землей служилому и военному дворянству. Развитие сельского хозяйства вследствие петровских реформ было заморожено более чем на столет, началось, продолжающееся, кстати, до сих пор, запустение северных земель, было подорвано землевладение монастырей - традиционных центров сельскохозяйственной культуры.

Однако крестьянская цивилизация устояла. После принятия в царствование Александра II серии законодательных актов, облегчивших жизнь крестьян, в России стали увеличиваться валовые сборы зерна, быстро развивалось животноводство, аграрная наука, что укрепило международное положение страны к началу XX века более значительно, чем это ранее достигалось военными кампаниями (вспомним, хотя бы, значение Нижегородской ярмарки в формировании мировых цен на зерно, масло, значительную часть промышленных товаров). Любой шаг правительства в

сторону крестьянства неизбежно оборачивался увеличением национального благосостояния. Уместно вспомнить и впечатляющие темпы роста производства сельхозпродукции периода НЭПа.

За всеми цифрами, кампаниями, дворцовой и парадной стороной истории России всегда стоял простой крестьянин, его непростая жизнь, работа, семья, выверенные веками взаимоотношения с природой и землей. Российский крестьянин - это мастер-универсал, владеющий десятками крестьянских специальностей и ремесел. Производительный труд мужика, несущего тяжелую обязанность, но и права незаменимого кормильца страны - это труд свободного человека, осознающего, но не кичащегося своей незаменимостью в обществе. Столетия тяжелого труда в сложных и весьма разнообразных природных условиях приучили крестьян фиксировать в фольклоре, обычаях и традициях, нюансах земледельческого искусства и названиях окружающего мира (как в изустном, передаваемом по наследству учебнике) малейшие оттенки и особенности природных явлений, рельефа, климата. Постепенно сживаясь и срастаясь с ландшафтом, крестьяне умели использовать под посевы максимально возможную площадь, не нанося вреда природе. Сотворение урожая ежегодно требовало значительных творческих и физических усилий и одновременно духовной осмысленности своего труда, что принципиально отличало тяжелую, но многообразную и насыщенную жизнь крестьянина от жизни рабочих (и от жизни советских "сельхозрабочих"). Небольшие, на первый взгляд, различия в устройстве поверхности, климате, почвах, исконном соседстве с другими народами привели к обособлению в России сопряженных в пространстве, но самобытных агроландшафтов со своими говорами, различиями в постройках, орудиях и приемах труда, костюмах и обрядах. Тем не менее крестьянство всех земель России существовало как единое целое. Объединяющим началом на огромной территории выступало триединство символов Бог - Царь - Отечество, своеобразных координат, в которых формировалось народное сознание, воспринимаемых как триединство общих духовных истоков, доверия к верховной власти, незыблемой государственности. Без возвращения народу почтения к Отечеству, его истории и символам, без доверия тружеников земли властным структурам не будет необходимого психологического и идеологического комфорта, позволяющего вести тяжелую работу по возрождению земли.

Возрождение российской полнокровной и кормящей деревни, очевидно, потребует времени, соизмеримого с затраченным на ее развал в советское время, и потому правильнее сейчас говорить не о программе, а о политике возрождения деревни, рассчитанной на жизнь двух-трех поколений. Приходится осознать, что на большей части России самовозрождение земли либо невозможно, либо растянется на долгие десятилетия. В связи с этим необходимо планирование активной помощи государственных структур, городского населения, русского зарубежья, научных и общественных организаций. Любое принципиальное решение должно быть взвешено и апробировано среди сельского населения, и здесь вполне применим врачебный принцип "не навреди". Конкретные программы возрождения земледельческого бытия должны разрабатываться на региональном уровне, учитывать местные условия, неодинаковую степень иско-

верканности земли и масштабы геноцида, должны иметь механизм регулярной корректировки.

Россия огромна. Природные и внутриполитические условия, в которых существовали крестьянский труд и быт, чрезвычайно разнообразны. В связи с этим никаких единых универсальных моделей ведения сельского хозяйства в России никогда не было и быть не может. На российских просторах одновременно существовали и огромные монастырские владения и малые хутора, цепочки небольших деревень вдоль рек на севере и крупные помещичьи поместья в центре и на юге России, особую специфику имели казачьи станицы и немецкие поселения. Природа сама подсказывала наблюдательным труженикам и размеры полей, и лучшие формы жилищ и поселений, и различные виды использования земли.

Исходя из сказанного, мы считаем, что содержанием аграрной политики возрождения должно явиться законодательное восстановление в правах всех исторических типов тружеников земли, в первую очередь институтов крестьянства и казачества, соотнесенное с постепенным параллельным воссозданием саморазвивающейся системы культурно-исторических агроландшафтов. Для этого необходимо поддерживаемое государством одновременное начало работ по нескольким взаимосвязанным группам проблем, стоящих перед российской деревней (мы остановимся лишь на некоторых наиболее принципиальных положениях):

- правовое обеспечение свободного труда на земле, включающее законодательный запрет экономического и политического давления на земледельцев, немедленное введение частной собственности на землю и уравнение ее с другими формами собственности; многообразие форм ведения хозяйства, видов землепользования должно быть не уже разнообразия природных ситуаций и разнообразия психологических типов труженика на земле; сугубо местное определение размеров земельных участков и их стоимости; меры по нейтрализации действий центральных и местных руководителей, удушающих сегодня остатки инициативы жителей села, захватывающих в условиях правовой неразберихи лучшие земельные угодья под дачи и усадьбы;

- демографическая политика в практически обезлюдевших районах должна исходить из первоочередного восстановления земледельческого бытия коренных народов и народностей; необходима государственная всероссийская политика стимулирования возврата на малую Родину горожан; необходимо сохранение и воссоздание максимально большого разнообразия земледельческих культур, льготное налогообложение крестьян, восстанавливающих традиционные промыслы и подходы к землепользованию;

- восстановление географической структуры агроландшафта должно предусматривать научно обоснованное изменение структуры землепользования, восстановление элементов, усложняющих и одновременно украшающих сельские ландшафты (рощ, парков, прудов, лесополос и др.), замену или прекращение работы вредных мелиоративных систем, возрождение малых рек, хуторов, деревень, мест традиционного отдыха и обрядных действий, памятников архитектуры, культуры и природы; восстановление географической структуры имеет целью обеспечить многообразие форм труда, занятости и отдыха сельских жителей, развитие

промыслов, является фундаментом реальной, истинно экологической программы; деревня с прилегающими полями, лесами, реками и болотами является местом жизни, домом крестьянина (и нашим родительским домом), и дом этот должен быть красивым, удобным и чистым;

- система культурных агроландшафтов должна обеспечить нормальное воспроизводство населения России, возрождение здорового морально-этического климата в стране, восстановление традиционных укладов и семьи, устойчивое воспроизводство культурной традиции народов, включающей древнюю культуру землепользования, возвращение народу традиций и повседневного фольклора; в связи с этим должны измениться подходы к сельской школе (придется учить детей тому, чему должны, но уже не могут научить родители), обязательно расширение системы религиозного воспитания и образования, изменение медицинского и информационного обслуживания.

Это далеко не полный перечень задач, решая которые мы можем вернуться к животворной российской деревне. Среди первоочередных задач сегодня выделяется создание сети агроландшафтных заповедников и заказников в тех местах, где крестьянская культура сохранилась в относительно не нарушенном виде, а также системы опытных крестьянских хозяйств-школ, позволяющей тиражировать положительный опыт земледелия, удачные агротехнологии, традиционные и заимствованные адаптированные подходы к ведению высокоэффективного сельского хозяйства. Определение приоритетов в финансовой, экономической, налоговой и культурной поддержке требует срочного и детального изучения истинного положения российской деревни.

Мы убеждены, что главное сегодня стать пусть на трудную, но верную и свою дорогу из великого прошлого к великому будущему России.

Москва

Из письма А. А. Солженицына по поводу прочитанной им работы В. Б. Петрова:

"Ваши соображения "О возрождении земледельческого бытия России" я прочел с большим интересом.

...Однако возврат народа к вере - никак нельзя делать предварительным обязательным условием этих социальных преобразований: это бы должно родиться само, а не родится - тем хуже для всех нас, но устраивать "бытие" все равно надо.

Согласен, что общий процесс возрождения сельского бытия будет очень долг, однако в Ваших разработках сквозит и некоторая мешкотность. Первый этап - да, надо разработать ясно и подробно, но следующие этапы - хоть даже и не называть, жизнь потечет сложнее, элементы следующих будут нахлестываться на предыдущие, и этого нельзя предусмотреть и разработать заранее. Невозможно за год-два ни к чему не приступить практически, только инвентаризуя, но не создавая.

...А вот что необходимо: чтобы кроме научного документа, представляемого "инстанциям", консультативным советам, - Вы бы составили популярный документ... Этим мыслям - не по канцеляриям бы храниться, а двигаться к массовому читателю..."

"Зло немедленного блага..."*

И. БРУМИН

В условиях бедственного положения с продовольствием и совершенно беспросветного ближайшего и не очень ближайшего будущего, если верить новым борцам за счастье народное, все надежды только и связаны с фермерством и фермером.

В нашей Самарской области по данным ассоциации крестьянских хозяйств и кооперативов их около семисот. Много это или мало? В области свыше 400 колхозов и совхозов, а площадь пашни около трех миллионов гектаров. В России фермеров около 30 тысяч, а колхозов и совхозов 42,7 тысяч - меньше, чем по одному на хозяйство.

Можно ли ждать массового наплыва фермерства или по аналогии с известным опытом - "сплошной фермеризации"? И, главное, нужно ли торопить этот процесс? Что делается в республике и нашей области в рамках земельной реформы, на которую мы все возлагаем такие надежды?

Эти и другие вопросы волновали, очевидно, не одного меня, когда в последних числах ноября прошлого года открылась первая областная конференция Самарских фермеров. Ее организовали ассоциация крестьянских хозяйств, агропром и администрация области, в зале присутствовало 310 фермеров.

Обратила на себя внимание общая тональность выступления фермеров - откровенная конфронтационность по отношению к властям. Вплоть до выкриков - "Долой!". И главное, преобладающее настроение зала - "Дай!". Не пересказывая дневник конференции, обращаюсь к главному ее лейт-мотиву: **фермеров можно понять и трудно понять.**

Можно - ведь кроме земли, кредитов и первых машин они мало что получили. Переустройство хозяйственного уклада, фактически революция в обществе и в селе в частности, на что в развитых странах ушли десятилетия и столетия с естественной подготовкой к каждому очередному шагу, здесь проводится удивительно бесечно. Словно и нет ни мирового, ни своего горького опыта. Земля в большинстве случаев предоставляется по первому требованию. Никого не интересуют ни способности, ни подготовка человека к работе на земле в новой должности - Хозяина! А раз не интересует, то и нет никакой учебы. Председатель ассоциации крестьянских хозяйств И. Нуриев в своем выступлении сказал об английском опыте: там нужно проучиться три года и получить диплом прежде, чем доверят работать на земле.

* Поэт Николай Глазков.

Люди самоотверженно кинулись в омут самостоятельного землевладения наедине со своими проблемами. Нет системы, где можно бы просчитать различные варианты хозяйственной деятельности, разработать систему земледелия, просчитать под нее систему машин, поставку их. Нужны безотлагательная агрохимическая оценка почв, рекомендации по поддержанию плодородия, обеспечение необходимыми удобрениями, химикатами, семенами интенсивных сортов и многое, многое другое, без чего на земле как без земли.

Ни в докладах руководителей областного уровня, ни в реальной жизни нет глубоко продуманного системного подхода. Все на уровне настроения, поспешности, хозяйственной наивности. Ну, еще сто тракторов, ну, еще сто автомобилей... Обладая всей полнотой власти, производственным потенциалом такой могучей индустриальной области, достаточными научно-педагогическими силами (сельскохозяйственные и экономические учебные институты, научно-исследовательский институт сельского хозяйства, Гипрозем, селекционная станция, Поволжская зональная машиноиспытательная станция, филиал института сельхозмашиностроения) и ничего серьезного для развития фермерства.

Фермеров можно понять!

И трудно - никто из выступавших фермеров, а это были люди с разным жизненным и производственным опытом и образованием, и не заикнулся о степени готовности наших первых фермеров к самостоятельному владению землей и хозяйством, не задался вопросом, достае ли мудрости, профессиональных знаний, предпринимательской сметки, умения прогнозировать на шаг-два вперед. Не ставились задачи комплексного решения фермерских проблем. Хотя бы крохотный анализ скромных первых успехов и совершенных ошибок - бесценный опыт для тех, кто пойдет по этому следу. Выступление директора преуспевающего совхоза "Солнечный" А. Ф. Пирогова, на мой взгляд, самое глубокое, взвешенное и честное, просто захлопали. А ведь ему, бывшему главному агроному, есть чем поделиться. И есть чему у него поучиться.

Прошлым летом на севере нашей области (умышленно не называю район, хозяйство и фамилию) познакомился с пионером фермерства. Горожанин, правда, с крестьянскими корнями, решился и взял 130 га земли. Продали ему пару тракторов, немного сельскохозяйственных машин к ним, и стал человек вершить свою судьбу. С нуля. Нет у него ни дома, ни двора, ни семьи.

Встретились мы на полевой дороге. Я не мог разглядеть, чем загружена тракторная тележка. Оказывается, нанял он в колхозе комбайн и скосил горох в валки, а так как ни кола, ни склада, то молотить не стал, а свозил солому вместе с зерном в село, чтобы потом как-нибудь обмолотить. Это так-то с капризной недотрогой - горохом, когда, чуть не угадай со сроками, и все останется на земле. С точки зрения - нет, не агротехнологии, а просто крестьянского опыта - это детская наивность. Чтобы не обидеть исподволь, попытаюсь вызвать его подготовку. Однако человек умный, сразу понял мои неуклюжие ухищрения и прямо сознался, что наделал массу ошибок. Он сказал резче. В разговоре утешительно про-

мелькнули слова отца, которые помнит с детства - "Пахать - это не ездить на тракторе".

Основным источником пополнения фермеров является, конечно же, село. Можно ли ждать добровольного массового наплыва именно из села? Хорошо бы с научной достоверностью исследовать, о чем мечтает среднестатистический житель села, к чему стремится. Эмпирически - это работа мужу и жене, хорошо бы по специальности, и так называемый коттедж (трехкомнатная маломерная квартира). Пусть умеренные зарплаты, но в сочетании с подворьем (корова, на откорме быки и свиньи, птица, другая живность; огород, участки под картошку и бахчи, покосы или готовые корма) создают фундамент семейного благополучия, по нынешним временам и нормам общественного мнения вполне приличный. Засуха, мор, отсутствие горючего в разгар уборки, отключение электричества и срыв дойки стада с долгими отрицательными последствиями и многое, многое другое - головная боль руководителя предприятия. Он, среднестатистический, свое малое отстоит и получит.

Расстаться - пусть с трудной, но защищенной жизнью механизатора, шофера, агронома, инженера-механика, зоотехника и даже главного специалиста и броситься в штормовое море фермерства - во имя чего? Во имя профессионального тщеславия? - его надо иметь. Во имя приобретений? - каких?! Ради благополучия горожанина? Нужно быть наивным, чтобы сохранить веру в идиллию отношений "серпа и молота".

Для того, чтобы пойти в фермеры, нужны не только личная смелость и внутренняя потребность стать "сам по себе", но нужны и разносторонние знания и прежде всего предпринимательская сметка. А откуда этому взяться? От отца и деда не унаследовать, связь поколений прервалась еще до них. Официоз давно низверг предпринимательство в ранг бесчестности. Правда, с десятков лет тому возникло и слабо трепалось на газетном ветру понятие "социалистическая предприимчивость". Что это, мы не успели разглядеть. И слава Богу. Потому что то, что успели, - лучше бы и не знать.

Для того, чтобы достаточно ощутимое по результатам количество людей потянулось к фермерскому укладу, нужно одолеть долгий и трудный путь. Еще нужно пройти неизбежный и тем трагический этап селекции, когда отойдут, а точнее разорятся слабые и разочаровавшиеся. Западная беллетристика и отечественная печать снабжали нас примерами подобных житейских катастроф.

Теперь нашим предпринимателям предстоит пройти через эти огни и воды.

Еще нужно вложить астрономические средства на создание материальной базы фермерства (жилье, дороги, коммуникации, хозяйственные и производственные помещения), оснастить техникой и оборудованием. Еще нужно создать систему их социальной защиты, иначе легкое РВЗ в разгар работ угробит или годовой результат, или самого фермера. Еще нужно создать систему учебы и научиться учить фермеров, это в стране, где начисто утрачен такой опыт. Как бы то ни было, но в колхозе и совхозе имеются специально подготовленные агрономы, инженеры (механики, электрики и др.), зоотехники, ветеринарные врачи, экономисты... Зав-

тра фермер останется один на один с хозяйством, а знаний у него в лучшем случае только одного специалиста. В лучшем - только около 8% работающих в сельском хозяйстве окончили техникумы и вузы.

Нынешнее поколение начинающих фермеров спокойно относится к своему профессиональному невежеству, возможно потому, что себя оно прокормит в любом случае. Угроза разорения еще им и не ведома, они как малые дети, не знающие страха высоты или огня.

Наша кафедра совместно с Домашкинским профтехучилищем создает школу повышения квалификации земледельца (механизатора, арендатора, фермера). Наши выпускники получают знания по основам предпринимательской деятельности, технологии, новым машинам, животноводству и кормопроизводству и т. д. И хотя мы заручились поддержкой ассоциации крестьянских хозяйств и облагопрома, но и те, и другие не очень верят, что нынешний фермер пойдет учиться.

В условиях плюрализма хозяйственных укладов любому, кто хочет, должна быть предоставлена возможность работать на земле. Но прежде, чем давать землю, а она является общенародным достоянием, необходимо убедиться, может ли он работать на ней. Так бездумно предоставлять землю, как это делается у нас, можно только в откровенно рекламных политических целях.

Никто никогда в любом захудалом производстве не поставит человека и к простейшему станочку без предварительной подготовки. Здесь же раздается святая святых - земля, единственный источник существования человека, в любые руки. И все это под флагом борьбы за благо всенародное. Неужели у наших лидеров нет консультантов, которые бы объяснили, что земледелие вообще, а современное в особенности, это сплав разносторонних производственных знаний и опыта с даром, что определялся как Божий.

Когда наши парламенты обретут спокойную мудрость, достойную народных избранников, они заведут порядок - землю предоставлять только заведомо подготовленному человеку. Разумеется, обучение должно быть дифференцированным. Одно дело - переподготовка тракториста или агронома, другое - горожанина. Для этого годичная учеба с практикой у опытного фермера должна стать нормой. Хватит постигать секреты производства методом проб и ошибок за счет налогоплательщика. Учитесь, господа, и тем, как минимум, докажите свою способность владеть землей - нашим общим достоянием.

Руководитель земельной реформы области А. К. Зинин излагал планы развития фермерства: на конец текущего года - 800, и к весне будущего - до полутора тысяч. В запасе имеется 220 тысяч гектаров земель. Дело за малым, за человеком. И если судить по обстановке, что складывается в агропромышленном производстве области, планы будут выполнены, а то, как в лучших традициях, и перевыполнены.

Сегодня половина колхозов и совхозов области уже не могут выдать зарплату. Что же это за экономическая система, где в полуголодной стране производство, занятое воссозданием продовольствия, не может наскрести на зарплату. Ведется планомерная работа на разгон нерентабельных колхозов или, как сказал один докладчик, их "финансовое удушье".

Но ведь только ленивому непонятно, что нерентабельность, убыточность в нашем народном хозяйстве творения искусственные. Когда в начале восьмидесятых годов подняли закупочные цены, примерно в течение 2-3-х лет в области не было убыточных хозяйств. Однако где-то с 1985 года государство в галоп запустило цены на продукцию промышленных производств и вновь повергло колхозы и совхозы в прозябание. Оперировать экономическими категориями подобным образом сегодня - это бесчестно. В высоком человеческом измерении продовольствие не имеет цены, оно бесценно, и его нужно производить в любом случае.

Еще долго колхозы и совхозы будут основными производителями продовольствия. "Еще долго"... а почему бы не предположить, что в условиях свободной конкуренции и предпринимательства они и сами преобразуются и проявят свои новые, неведомые никому жизненные способности? За всю свою историю ни колхозы, ни совхозы никогда не были свободными. Сюжет "Тринадцатого председателя" - это повседневность отечественного сельского хозяйства. Жизнь и производство в условиях непрерывного понукания, унижения, поборов как плацдарм для безответственных и безнаказанных экспериментаторов - от жалкого районного инструкторишки и до верховных политиков правящей партии и государства - сделали колхозы и совхозы такими, какие они есть.

В конечном итоге потребителю безразлично, кто произвел хлеб или штаны. Важно, чтобы это, прежде всего, было, а потом уже - по умеренным цене и качеству.

Автор не защищает колхозы и совхозы. Да, они плохи. Плохи в таком виде, как их создала система. Но сегодняшний, да и завтрашний фермер еще хуже. Начинаящее фермерство - это снижение валового производства, поголовное немедленное фермерство в нынешнем виде - это голод на многие годы. Об этом нужно говорить честно. Современное фермерство - это не решение продовольственной проблемы. Это реабилитация нормального крестьянского уклада, бездумно порушенного в нашей стране. Фермерство - это акт покаяния, нравственный поступок общества. А для реальной материальной отдачи нужны годы и годы. Считается вполне естественным, что предпринимательство не каждому по плечу, точнее по уму. В условиях свободного рынка происходит естественный отбор способных к такого рода деятельности. А в селе все, поголовно все способны вести самостоятельное хозяйство, быть предпринимателями. Просто для этого надо разогнать колхоз и поставить людей перед выбором: фермерстуй или... (см. историю советского крестьянства).

Если завтра в одночасье разделить всю пашню области, то на одного работающего придется около 20 гектаров.

Во многих хозяйствах области, предвосхищая принудительную ликвидацию, примерно по столько же и намеряют. В тех же хозяйствах, где появились фермеры с наделами в 100 и более гектаров, при поголовной раздаче земли их ждет передел, и никакие законы не защитят. Указанные 20 гектаров - это без пенсионеров. А они имеют право? В некоторых районах с учетом пенсионеров расчетная норма - 5-6 гектаров.

Однако формально людей, способных работать на земле и управлять машинами, в каждом селе примерно 18-20%. Именно столько механизаторов в области от общей численности работающих. Пусть число этих лиц удвоится за счет шоферов, рабочих мастерских, специалистов, но все равно при любой тотальной мобилизации их едва ли наберется половина от общей численности новых землевладельцев.

Проверяя себя, автор обратился за оценкой к специалистам районных служб, колхозов и совхозов, фермерам. Рассев ответов уложился в интервал 10-30%, ощутимо скорректировав мой оптимизм. Именно столько жителей села способны вести самостоятельное хозяйство. А это значит, что часть пашни останется невозделываемой и пойдет под бурьян. Появление неиспользованной земли породит невиданный размах спекуляции ею. Если в стране не могут разобраться с золотым запасом, что хранится в бункерах госхрана, то земли на просторах самого крупного в мире государства просто пойдут в распыл.

В обыденной жизни никто и никогда не выбросит старые, пусть разбитые, ботинки, не купив предварительно новые. Здесь же на уровне государственной политики, уничтожаем старое, не успев создать новое.

Если официальная позиция властей - многоукладность - не пустой звук, то и нужно следовать ей. Не бездумный разгон колхозов и совхозов, а спокойное, терпеливое, хозяйское преобразование их. Они должны становиться вольным объединением вольных земледельцев. В нынешней ли форме, или объединением арендаторов, или объединением фермеров, или... или что еще придумает вольный человек. Разве не удобно в любом объединении совместно использовать систему материально-технического снабжения, сбыта продукции, ремонтную и строительную базу, подсобные перерабатывающие предприятия и т. д.

Мыслимо ли фермеру, имеющему зерновые площади 20-30 га, покупать зерноуборочный комбайн стоимостью в 100 тысяч рублей (пока!). Бережное отношение и умение использовать все, что было создано в колхозах и совхозах, - это показатель нашей способности управиться с собственными заботами. Уже сегодня имеется первый опыт создания ассоциаций крестьянских хозяйств на базе бывших, в том числе и благополучных, колхозов.

А фермерство нужно развивать, всемерно поддерживать, в том числе и предупреждающими мерами. Человек должен стать наконец свободным в выборе судьбы. Главная идея нашей Домашкинской школы повышения квалификации землевладельцев - полученные у нас знания позволят человеку увидеть иные горизонты, задуматься и выбрать наиболее близкие для души и ума уклад работы и жизни.

Достанет ли мудрости нашим демократически избранным лидерам не избобретать и не навязывать свои формулы, а прислушиваться к ее величеству - **жизни**. Не торопить ее кнутом и пряником. Горький опыт: "сплошная коллективизация", "догнать и перегнать" (ДИП), "пять за четыре" - наше кровное достояние. Очень хочется верить, что мы приступили к глубочайшим и мудрым преобразованиям в селе. И... и вместе с тем не сорвемся, не повторим нетерпимый экстремизм начала тридцатых - кровавой зари коллективизации.

Самара

Вышневолоцкие страдания

Леонид МИЛОВАНОВ

Он устало вылез из кабины, хмуро пожал мне руку, сплюнул и спросил:

- Сын дома?

- Дома. А чего нужно, Николай?

- Пускай исторический кадр сделает - фермер вручную картошку сажает.

- Ты это серьезно?

- Серьезней некуда. Дни уходят. Картофелесажалку обещают, да не дадут. Не за так. За деньги. Вот и едем в поле. Пускай сфотографирует.

К трактору была прицеплена тележка. В ней поверх аккуратно сложенных мешков восседал долговязый сын Николая.

- Сколько картошки-то?

- Двести пятьдесят мешков. Голландская. Под кредит взята, - махнул он рукой, захлопывая кабину. Потом высунулся в окошко. - Так ты сына подошли. Тут недалеко. С километр. Рядом с дорогой. Он увидит.

...И он действительно увидел 15 гектаров земли, которые вручную засаживали полученной издали голландкой. Увидел не он один. По дороге пылила мимо машина директора местного лесхоза Рыжова. Николай соскочил с трактора и успел остановить лимузин. Не первый день Рыжов обещал ему помочь с посадкой. Но и на этот раз еще издали начал разводить руками. Нет техники.

Пока высокие договаривающиеся стороны вели бесперспективный диалог, припылил лесхозовский тракторист. Остановился поодаль, сидит покуривает, слушает лай и посмеивается...

- Лучше бы не ржал, а помог, - озлобился Николай. - Вижу, вам делать нечего, техника простаивает. Плачу-то наличными.

- А мне наличник не нужен, - ржет тракторист.

- Да-помоги ты ему, - вякнул Рыжов.

- Да пошел он... - выматерился тракторист и рванул проселком.

- Видишь, - вновь развел руками Рыжов, - подчиненные не слушаются.

Времена наступили...

Обещанная помощь от лесхоза и от подсобного хозяйства вышневолоцкой фабрики "Парижская коммуна" к Николаю так и не подоспела. Злые языки утверждают, что техника обслужила личные огороды более влиятельных в районе лиц, чьи дачи появились в окрестностях Жилоткова.

А картошку Николай все-таки посадил. Честно купленную и потом политую. В ожидании урожая выкручивается теперь с погашением взятого кредита. За трактор приобретенный, за голландку, за стройматериал под будущий домик... Кредит немалый - 500 тысяч. Только за обрабатываемую им землю деньги его внесет мать. Николаю 15 га в собственность не дали. Не работал, мол, в местном совхозе и живет все еще в Вышнем Волочке. А землю дали матери нынешней весной, когда все-таки прикры-

ли убыточный из года в год совхоз "Яконовский". Тогда во исполнение указа президента России "народное достояние" поделили между тремя вышеуказанными предприятиями, основавшими здесь свои подсобные аграрные хозяйства. Заодно пожелавшие получили свои земельные пай. Те, кто долгие годы отбатрачил на совхоз. Так мать Николая стала управительницей 15 га и тотчас же оформила на него доверенность на право пользования землей. Если здраво рассматривать, Николай даже не фермер, а поденщик на семейном подряде. Не позволяют пока что ему районные власти вновь вернуться в деревню полноправным крестьянином.

Да только ли ему?!

В прошлом году приехали из столицы и осели на землях колхоза "Верный труд" фермеры В. Алисов и А. Просеков. С тех пор и борются за выживание. Воюют за сохранность своих пчел, кроликов, кур, гусей... Правда, гусей в канун Нового года пришлось прирезать. Кормов не достали. Воюют за стройматериал, чтобы поднять крестьянские усадьбы. Воюют за все необходимое для становления рентабельного хозяйства. Конец нынешнего года даст ответ - продержатся ли эти горожане. Именно тогда придет срок выплат по ссуде. А где взять деньги?

Это больной вопрос для всех 123 фермерских семей в Вышневолоцком районе. Для уяснения финансовых нужд отправился я в районную фермерскую ассоциацию "Древний Волочок". Она объединяет 37 семей. Размещается в центре городка в здании районного управления сельского хозяйства. Выделили им на Осташковской улице как бедным родственникам комнатенку, где помещаются только стол да два стула, но много места под объявления о купле-продаже на двух стенах.

- Не в этом пенале счастье, - усмехнулся исполнительный директор ассоциации Анатолий Бабаев. - В основном здесь сидит секретарь, а время пролетает в мотаниях по районным и областным конторам. И, конечно, самая главная забота - кредиты. На счету ассоциации ныне ни копейки. Почти нет средств сегодня и на индивидуальных счетах фермеров.

Ассоциация оказывает посредническую помощь объединившимся фермерским хозяйствам. К примеру, производители техники, стройматериалов, семян не хотят иметь дела с конкретными фермерами. Слишком хлопотно. За посредничество ассоциация отчисляет в свой бюджет 10% от суммы сделанного фермерами приобретения. В идеале это неплохой процент. Причем на зарплату малочисленного штата уходит ничтожная сумма. Основная же часть средств рассчитана на привлечение нужной фермерам клиентуры и на оказание необходимой им финансовой поддержки. Однако...

На счет ассоциации сейчас выставляются поставщиками продукции платежные требования, но у фермеров, как и у ассоциации, нет денег. Причина в отсутствии кредитных фермерских ресурсов, которые выделяются российским правительством. Обещанные средства фермеры получают как правило через полтора, а то и два месяца спустя установленного срока.

На момент моего посещения ассоциации кредитных ресурсов не было ни в Земельном банке в Твери, ни в отделении Россельхозбанка в Вышнем Волочке. Имевшиеся до этого у ассоциации деньги пошли на приоб-

речение посевной картошки. Миллион семьсот тысяч выложила ассоциация за 1700 тонн голландки. За ту самую, которую Николай Кузнецов высаживал вручную. А фермеры без кредитных ресурсов не могут рассчитаться с ассоциацией. Или фермер Потапов из Федорихи. Его карманы полны счетов на выписанную технику. Были бы деньги у ассоциации - она бы заплатила. Но их нет. А Агроснаб без предварительной оплаты товар не отпускает. Как и другие, впрочем.

До середины марта нынешнего года центральное правительство по линии фонда "Российский фермер" выделяло прямые инвестиции фермерским ассоциациям. Эти деньги, расписанные по районам, лежали в области как гарантийный фонд. И на каждый рубль такого фонда банки давали семь рублей кредита. За счет этого ассоциация могла кредитовать неимущих хозяев. Отныне прямых инвестиций не предвидится. Выделяются только кредитные ресурсы непосредственно на Россельхозбанк. Так что, если раньше ассоциация выступала гарантом кредитования фермера, теперь она такой функции лишена. А без гаранта фермер в банке кредита не получит. Он может сам выступать гарантом, заложив имеющиеся у него средства производства. Но таких крестьян единицы. В основном же будущие фермеры приходят на землю голыми.

В Вышнем Волочке члены совета ассоциации все-таки не опустили руки. И если районная исполнительная власть как бы не замечает деятельности ассоциации, чтобы не дай Бог ненароком не оказать ей помощь, то мужики, ставшие собственниками, не сдаются. Обратились в коммерческую страховую компанию АСКО. Под четыре процента годовых она страхует сейчас кредиты фермеров.

Государство выдает банку кредиты под 50 процентов. Банк ссуживает под 53%. Сумма немалая. Минфин России обещает компенсировать 42%. На фермере повисают 11%. Ощутимый процент. Но полбеда, если бы деньги получить и инвестировать сейчас, а если 42% вернут им лишь через три-четыре месяца? При нынешней инфляции этот возврат обесценивается. А кредиты за первый квартал необходимо гасить уже в третьем. И нет уверенности в щедрости Минфина. Однако этот путь на сегодняшний день единственно перспективный, чтобы безразличие местной власти и безденежье не подорвало на корню возрождение российской деревни.

Можно, конечно, фермерам воспользоваться услугами спонсоров. Но богатых дядей в российской глубинке нет. По крайней мере в Вышнем Волочке. Рентабельная фабрика "Парижская коммуна", стеклозаводы имени 9-го января, Красномайский и Яконовский часть прибыли вкладывают в развитие своих сельских подсобных хозяйств на землях расформированных убыточных колхозов. И практика показала, что помогать фермерам им не с руки.

Только сейчас на развитие фермерства в районе нужно минимум три миллиона рублей. С учетом инфляции через два месяца эта цифра может возрасти до шести и девяти миллионов. Так что кредиты, даже не земля, стали тернистым путем российского фермерства. На сегодняшний день. Завтрашний грозит долгами земельными дрязгами. Если, конечно, индивидуальные хозяйства выстоят и будут расширяться.

О реальности данной перспективы говорит хотя бы тот факт, что в ноябре прошлого года в районе насчитывалось 30 крестьянских хозяйств.

Сегодня их уже 123 и пополнение медленно, но прибывает. При мне в ассоциацию заглянули двое москвичей - представители группы горожан, пожелавших переселиться на село. Так для таких переселенцев отведены лишь площади из государственного земельного заказа, разбросанные по окраине района. Нет там коммуникаций и инфраструктуру нужно создавать с нуля.

- Лично я там никогда не осел бы, - доверительно сказал мне Анатолий Бабаев. - Как бывший главный агроном района все земли знаю. Так вот отдаленные площади дорого обойдутся новоселам. Москвичи говорят, что у них есть спонсор. Но особой уверенности я не почувствовал. Госземзаказ определяли прошлой осенью. Но почему-то с расчетом, что запланированные площади выделяются в эту категорию навечно и без расширения. Этого я не пойму никак, и проблема нуждается в разъяснении российскими министрами. У нас еще немало колхозов и совхозов, которые дышат на ладан. Так, может, при реорганизации часть их площадей передавать в госземзаказ, если нынешние приватизаторы не хотят новых форм землевладения? Это тем более необходимо, так как предприятия, вступающие в права владения их землей, уже не имеют права выделять наделы даже постоянно проживающим здесь жителям, не говоря уже о тех, кто хочет переехать из города.

Дельные предложения, разумное рассмотрение появившейся неожиданно проблемы. Но ответа в районе нет. Его ждут от российского правительства. Ждут разумных указов о земле. А пока здесь распоряжаются те, кто еще совсем недавно клял на чем свет стоит робкие шаги демократических преобразований. Ныне же они в первых рядах бойцов за... реформы. Как, в частности, бывший первый секретарь горкома и райкома КПСС, а позднее полозковской РКП В. Васильев.

Полтора месяца пребывал не у дел бывший защитник общественной собственности после августовского путча. Потом выплыл. Нет, главой местной администрации стать не позволили, но номенклатурные пружины сработали и выплеснули его в кресло председателя комитета по управлению имуществом района. Воспрял быстро. Уже в ноябре прошлого года на традиционном собрании по окончании сельхозработ партийгеноссе Васильев четко выразил свое последовательное отношение к земельной реформе: "Мы всегда трудились коллективно. А сегодня нам предлагают "разбежаться" в разные стороны. Но деревня всегда была хранителем народных традиций..." Конечно, тех, которые насадили большевики за 70 лет правления Россией. Отстаивает старое, зная, что район в прошлом году от животноводства получил прибыли лишь 6,5 миллионов рублей. Около 50% того, что было годом ранее. И так во всех отраслях аграрной области. Не досеяли. Не добрали. Не сохранили... Но сообщая, коллективом. Объем производства сельхозпродукции в 1991 году сократился наполовину. И в то же время 500 фермеров всей Тверской области произвели в том же году столько продукции, сколько ее дал средний район, такой, как Вышневолоцкий.

Дрогнули было приверженцы коллективной собственности нынешней весной, когда правительство установило жесткие сроки реорганизации убыточных хозяйств. Под эту кампанию попал совхоз "Яконовский" и несколько других. Но заданные сроки в канун посевной были нереальны-

ми. Вплоть до одного-двух месяцев. И посевная не позволила, оказывается, развалить "народное добро". Вожжи верховные власти отпустили, и на местах быстро сориентировались, что гроза миновала. Свои люди остались в своих креслах. Слава тебе Господи, все потекло по-прежнему.

Подобная непоследовательность отбивает у крестьян охоту браться за собственное дело. Они хотят быть уверенными, что не прогадают. Пока таких гарантий нет. Успевшие же выйти и обзавестись землей стали для бодрствующей администрации "врагами народа".

Один механизатор, рассказывал мне Анатолий Бабаев, в своем колхозе был с директором "Вась-Вась", целовались как Брежнев с Хонеккером. Знатный работяга. А сейчас занял свой пай и стал для директора лютым врагом. И на 50% виновата в том непоследовательность правительства. Русский мужик к галопу не привык. Пыл поубавился, когда кучера сидят пружины.

Деревне не возродиться, пока не будет равных условий для развития различных форм землепользования. Об этом часто говорит и глава тверских фермеров В. Горьков. Худо-бедно в совхозах, колхозах есть база, машинный парк, скотные дворы, постройки, жилой фонд... Другое дело, что отдачи от этого мало. Но от единоличника, брошенного в поле с лопатой, вообще никакой отдачи не будет. Разве что вести о неудачниках окажутся бальзамом на недавние раны партаппаратчиков.

...Анатолий Разумов сражался полгода с городской властью Вышнего Волочка. При поддержке парламентского комитета по земельной реформе. И всего лишь за право получить участок болота в 0,25 га, прилегающий к дому его матери. Хотел сделать пруд, развести карпов для горожан, разбить по его берегам яблоневый сад. Не вышло. Власть не пожелала вкушать его карпов и яблок...

Вышний Волочек

1. Закон устанавливает трудовую собственность крестьянина на земельный участок, на жилые и хозяйственные постройки, на живой и мертвый инвентарь и на продукты крестьянского хозяйства.

2. Для каждой сельскохозяйственной зоны устанавливается максимальный размер земельного участка, чтобы предотвратить скупку земли и не допустить появления нетрудовых землевладельцев.

3. Устанавливается минимальный размер недробимого земельного участка, передаваемого владельцем наследникам на основе завещания. Величина недробимого земельного участка определяется для каждой сельскохозяйственной зоны соответственно требованиям эффективности хозяйства и обеспеченности крестьянской семьи.

4. Крестьянам предоставляется право свободного выбора вида землепользования; единоличного (хуторского или отрубного) или коллективного (общинного, товарищеского, артельного и т. д.) (Программа НТС, 1974 г. Часть III, гл. Сельское хозяйство).

Человек на своей земле

...Мы сидели с Борисом Андреевичем Можаявым на скамейке в писательском сквере, в том, что у бывшего правления бывшего Союза писателей бывшего СССР. И разговор наш во многом состоял из его воспоминаний о бывшем и былом, а иногда напоминал перелистывание страниц многочисленных эссе, рассказов и повестей писателя Можаява, в которых помимо яркости таланта меня всегда поражала цельность его взглядов и непоколебимая последовательность суждений вне зависимости от времени и правителей. Большой и сильный человек, он и сейчас удивил меня мудрым сочетанием трезвого, порой безжалостного анализа и внутреннего спокойствия духа. Он, и в жизни, что нечасто бывает, совпал с тем писательским "я", которое присутствует в его книгах. Может быть, поэтому я наше беседу попыталась "прояснить" цитатами "из Можаява".

- Борис Андреевич, не считайте за комплимент, но я искренне восхищаюсь бодростью тела и духа у человека, которому, как я знаю, в следующем году "грозит" 70-летний юбилей.

- Да, Вы правы, юбилей будет, но мне им некогда заниматься, времени нет.

- По-видимому, в этом и заключается ваш секрет. Но откуда столь крепкие (тьфу-тьфу, не сглазить!) корни?

- Из Рязанской губернии. Вернее, эта местность когда-то входила в Тамбовскую губернию, знаменитую своим "бунтовским людом". После революции здесь первые крестьянские волнения были уже в 1918 году. Ну, а если углубиться в историю, то мои корни из Муромо-Рязанского княжества, где Соловей-разбойник водился. Это, так сказать, все в моих пределах. Один из предков, Максим Коротков, участвовал в Отечественной войне 1812 года, прикрывал в арьергарде отход русских войск под Можайском. Вот оттуда наша фамилия и пошла. Оба моих деда, и по отцу, и по матери, моряки. Отец мой продолжил эту традицию, но затем осел на земле. В 30-е годы он решительно отказался идти в колхоз, попал в "ежовые рукавицы" и в 1935 году был репрессирован. Так что выросал я уже сыном врага народа.

("Порог чести может переступить или трус, или бесчестный человек. Каждое время имеет свой порог чести. И не пора ли нам сурово осуждать тех, для кого честь или предрассудок, или пустой звук". - "Не взирая!", 1987 г.)

- Так вот откуда бунтарские замашки! Значит, это у Вас в буквальном смысле в крови?

- Может быть... В моих краях 30-е годы отмечены крестьянскими восстаниями. В Пителинском районе, где я родился, все и началось. И, ко-

ично же, я с давних пор мечтал написать об этих событиях. Долго подбирался к этой теме, тщательно изучил всю историю этого времени. Вот так и получились "Мужики и бабы". Шла книга очень тяжело, приходилось преодолевать массу всяческих запретов. Уж очень "горячая" тема. Впрочем, в жизни всегда много всяческих сложностей. От этого никуда не денешься, но надо помнить, что ничего не бывает случайного, все связано между собой.

(Недаром говорят в народе: жизнь прожить - не поле перейти. Иной человек в какой только шкуре не побывает, чтобы обрести истинное лицо свое. Трудно найти себя в деле, а еще труднее придерживаться высоких нравственных принципов. Вот уж где успех человеку обеспечен истиной! - "Какой мерой?", 1982 г.)

- Не случайно даже то, что Вы росли с клеймом сына врага народа?

- Это осложняло мою жизнь, но, с другой стороны, заставляло смотреть на все внимательно, задумываться чаще над происходящим и делать необходимые выводы.

- Но на лучшую долю трудно было рассчитывать?

- Да, это было затруднительно, но я все же мечтал поступить на морской факультет Инженерной академии. В 1940 году меня не приняли - как сын врага народа не прошел мандатную комиссию. И все-таки впоследствии я добился своего: уже после войны, в 1948 году, окончил Высшее инженерно-техническое училище Военно-морского флота. Получил звание инженер-лейтенанта и уехал в Порт-Артур восстанавливать крепость. Столько мы там понастроили, а потом все отдали не за понюшку табаку! Впрочем, сейчас мы видим все это разбазаривание в гораздо больших размерах.

- У писателя Можаяева такая морская биография, а где же литературные истоки?

- Я ведь в Ленинграде параллельно учился на филологическом факультете университета. Там было много великолепных педагогов, таких как фольклорист Азадовский, литератор Гуковский, историк Предтеченский. Посещал я и поэтическую студию при Доме литераторов, которую вел Всеволод Рождественский. Так что мне повезло.

Я везучий... Исаак Осипович Дунаевский еще в 1952 году написал сюиту о флоте на мои стихи. Меня вызвали с Дальнего Востока и мы с ним работали. Когда-нибудь напишу об этом. Интересный был человек!

- Как же получилось, что сюита была написана именно на ваши стихи?

- Просто они ему понравились, хотя предлагали и других авторов, но он вот выбрал меня. Сюита шла с большим успехом, особенно на Тихоокеанском флоте. А потом еще и другие композиторы: Калмыков, Мирский, Садовой - писали музыку на мои стихи. И все же я к стихам своим относился прохладно, а потом и вовсе перешел на прозу. С одной стороны, ощущал к ней большую склонность сам, а с другой считал, что стихи требуют не только особого таланта, но и предельной обнаженности, а в те времена весьма сложно было этому следовать.

- В прозе было легче спрятаться?

- Может быть, и так, хотя мне не очень это удавалось и в прозе. Мои рассказы и повести очень туго шли.

(У литературы задача вполне определенная - художественное отражение жизни... По этому отражению мы судим об истории человечества, о его нравственном росте и о его падениях, о том, что мечталось, что создавалось, а что не заладилось и не сбылось... Литература - это художественный код нашей жизни, который создается художником и передается будущим поколениям". - "Тише едешь - дальше будешь", 1980 г.)

- Значит, спрятаться Вам не удалось?

- Нет, все было весьма сурово. Как-то случайно проскочила в журнале "Октябрь" моя повесть "Власть тайги". Заказали мне даже сценарий, я обрадовался, написал, но все застопорилось. В 1956 году, на волне оттепели, в Хабаровске взялись ставить одну мою пьесу, а затем опять началась лупцовка литераторов, и ее запретили. А за меня уже взялись по-настоящему: провозгласили, что я занимаюсь очернительством. Так что я очернитель с большим стажем.

За такие повести, как "Сани", "Наледь", "Тонкомер", меня в 1959 году исключили из Союза писателей. Полгода длилось разбирательство, пока не нашлись все-таки честные люди и не отстояли меня.

- Мне думается, что в разряд очернителей Вы попали еще и потому, что позволили себе откровенно и прямо писать на одну из самых больных тем - о русской деревне.

- Я писал на разные темы, но, конечно, много и о деревне. Особенно важным считал для себя написать о тех событиях, которые стали основой романа "Мужики и бабы".

(Уклад сельской жизни, который воспитывал русского человека, делал из него прекрасного работника, стойкого воина, беззаветно преданного своей отчизне, наконец, нравственный опыт, накопленный целыми поколениями, - чрезвычайно важный предмет для каждого литератора. Исследовать это, писать об этом крайне необходимо, особенно в переходные периоды жизни общества. Мы не должны и просто не имеем права обрывать нравственные связи с предшествующими поколениями, мы обязаны перенимать все то лучшее из народного наследия, что накоплено веками". - "Отголоски былого", 1987 г.)

- В Вашем романе одна из главных мыслей - разрушение крестьянской общины. Сейчас, в связи с медленным и тяжелым переустройством жизни на селе, этот вопрос вновь вызывает у многих интерес.

- Община появилась раньше государства и община же создала государство российское. Она сыграла великую роль в становлении страны и нации. В наше время представление об общине бытует поверхностное и ложное. Полагают, что община это нечто вроде крепостного права. Явная нелепость. Община была ячейкой по управлению, обороне и хлебопашеству и, естественно, определяла устав жизни.

Уничтожение нашей общины началось с Ивана Грозного и Бориса Годунова. Юрьев день очень сильно ударил по ней, то есть по праву наших земледельцев быть вольными. А что было после этого? Смутное время. В 1649 году вышло уложение царя Алексея Михайловича, которое узаконило крепостное право. А после этого что было? Стенька Разин, крестьянская война. Все, кто мог уйти, уходили на Черное море, в Сибирь и другие места и селились общинами.

В общине не было обезлички труда. В казачьей общине, которая и является старорусской, наделы были в зависимости от местности от 25 до 50 десятин - в Амурских краях, а в Уссурийских - даже до 100 десятин. Это была земля крестьянина, которую он мог сдать в аренду, завещать по наследству, он он не имел права ее продавать. Община строго следила за этим, так как могли появиться ростовщики и земельные спекулянты, а как следствие - новые волнения.

Когда теперь говорят, что нужно пустить в вольную продажу землю, я спрашиваю: "А может ли крестьянин ее купить?". Не то что землю, он штаны себе купить не может, потому что мы его разорили совершенно! А те другие, что придут с деньгами, - кто они? Работать на земле будут или нет? А если пойдет спекуляция, то все полетит в тартарары.

- А в чем же выход?

- Выход простой: землю нужно отдавать бесплатно всем работающим на ней крестьянам. И горожанам давать надо, но тем, кто хочет обрабатывать ее. Вот сейчас стали паи земельные делить: на каждого работающего в совхозе можно получить 8-12 гектар, а если работают из семьи двое, то это уже 24 га, то есть почти голландская ферма. Но и этого мало: просто дать землю - лишь проявить формальное отношение к переустройству. А истинное требует выделения техники, кредитов, стройматериалов. Всего того, чтобы человек на земле мог обосноваться и работать независимо, самостоятельно. Но нужно очень многое сделать со стороны властей, а наши власти не хотят и слышать этого.

- Чем же, по-вашему, заняты наши государственные мужи в области сельского хозяйства?

- Говорят о реформах, седьмой год говорят - и ни с места. В 1921 году, когда мы дожили до того, что начались страшные бунты - и Кронштадт, и Антонов, и Заволжские волнения, - землю поспешили отдать. Но тогда же были созданы и так называемые базы снабжения во всех не только губерниях, но и уездах, и даже волостях. На этих базах была техника: плуги, сеялки, веялки, молотилки, были стройматериалы. Разрешалось брать в кредит лес, кирпичи, стекло, все, до гвоздя. К тому же у крестьян еще остались лошади.

А теперь лошадей уничтожили, технику держат в совхозах-колхозах, в надежде куда-нибудь их продать. А крестьянину говорят: "Выделяйся и работай". Чушь!

- Голую землю голыми руками не возьмешь, это понятно. Но где же и как приобрести необходимое?

- Сам подход к делу не верен. Надо наконец понять, что земельная реформа - дело первостепенно государственной важности, что это всена-

родное дело. И если это так, то и экономику соответственно нужно пере-страивать, и немедленно. Не можете сами быстро наладить производство необходимой техники, – возьмите ее за границей в рассрочку, под какие-то ссуды, пока Запад еще идет нам навстречу.

Необходимо создать базы по снабжению, хоть в чем-то прийти крестьянам на помощь. Ведь они сразу же попадают в кабалу инфляции, повышения цен на горючее. Фермеры, получившие ссуду год назад, по сути дела остались уже без гроша. А предъявлять претензии только местному начальству – это несерьезно.

Земельное переустройство – дело общенациональное. Когда в 60-х годах прошлого века при Александре II вводили реформы, Лев Николаевич Толстой полгода проработал в земельной комиссии. Так после этого он так устал, что еще полтора года не мог в себя прийти.

– Вы считаете, что к этому делу должны быть привлечены все слои общества?

– Конечно, тогда была привлечена к работе вся интеллигенция, которая считала для себя такое занятие делом чести. А ведь ситуация была проще: люди все-таки имели свое хозяйство, лошадь. А теперь многое нужно создавать заново. Но все только болтают и ничего не делают. Уповают на то, что напишут какой-нибудь указ, – и все само собой устроится.

(“От той жизни, которая творится на полях наших, зависит в конечном итоге и городская жизнь и прочность и стабильность всего государства. Пора уж, давно пора уяснить всем охотникам до скорых дел и сомнительных экспериментов старую, как мир, поговорку: семь раз отмерь, один отрежь”. – “Эксперименты на земле”, 1964 г.)

– Но как же быть: колхозы уже не функционируют полноценно, а фермеры в силу множества причин еще не могут коренным образом повлиять на ситуацию в сельском хозяйстве?

– В колхозах должны быть созданы все условия для того, чтобы люди брали землю. А многие фермеры и не работают уже в одиночку, объединяются. Только дайте людям возможность самим делать выбор, они лучше знают. Вот, например, Иван Петрович с Петром Никанорычем будет вместе работать, а с Федькой не будет, поскольку тот лодырь и пьяница. Люди отлично понимают, что многие проблемы можно решить только сообща: собралось человек десять – и можно купить трактор, а то и два. Все уже легче.

(“Русский мужик, в отличие от западных колонистов, снимался в одиночку, но собирався толпами, селился миром. Тяга к земле рождалась на миру, она сплачивала русских людей в особый союз, часто связанный суровым законом аскетизма и взаимной выручки”. – “Лицо земли”)

– Остались ли у нас такие люди, которые готовы объединиться и работать? Разве не извели мы уже настоящих хозяев колхозной системой?

– Они всегда были и будут, несмотря на ни что. Но им постоянно ставят палки в колеса, и сейчас тоже. Чиновники остались все те же, им при

новой системе придется уходить куда-то и работать самим, а они не привыкли и потому за свои места будут сражаться. Вчера они называли себя коммунистами, а сегодня - демократами, а суть этих бездельников неизменна.

- И что же с ними делать? По примеру Монсея ждать 40 лет нового поколения?

- Нужно всем этим заниматься уже сейчас, и прежде всего - отдать и землю, и технику, и все колхозно-совхозное добро тем людям, которые хотят работать, а они имеются в каждом колхозе или совхозе. Вот, например, есть в Рязанской области село Ананьево, там 20 человек во главе с агрономом решили взять 600 гектар земли, коровник и телятник по 200 голов каждый. Председатель колхоза и его колхозная челядь сразу поняли, что за этим селом и другие пойдут на такие же дела. Они ночью погнали туда своих "ваньков" с ружьями наперевес, и все стадо перегнали на центральную усадьбу. Вместо того, чтобы поощрять самостоятельность, они готовы на все пойти, лишь бы не дать людям работать как они хотят.

- Говорят, что уже сейчас идет расхождение деревни и, мол, это грозит столкновениями и расприями.

- Зависть неотъемлемый элемент выражения своих чувств, выращенный нами же в этой системе, и она будет сопровождать любое серьезное дело. Но я уверен, что желающих работать значительно больше, чем бездельников. Я об этом много написал, и до сих пор пишу. И о тех, кто мешает работать. Не так уж все меняется, как бы хотелось. Среди нынешних демократов немало случайных людей, а уж тех, кто понимает что-то в сельском хозяйстве, и вовсе трудно найти.

- У нас, видимо, принято, что в нем-то как раз всякий разбирается. И кто только им ни занимался! Сейчас вот петчик Руцкой...

- Всяк, кто кашу есть, тот и лезет управлять. Руцкой, видать, энергичный мужик, но его же подставили! Ему необходим аппарат, в котором были бы компетентные люди. Но главное - его надо наделить большими правами или, как у нас говорят, полномочиями.

- А Крестьянская партия, тот же Черниченко? Похоже, что они за политическими играми подзабыли свои первейшие обязанности?

- Да, Черниченко ушел в политику. А жаль! Ведь неплохо начинал: и "Русский чернозем", и "Яровой клин", и "Про картошку", - все это серьезные вещи. И я хвалил его. А потом он съехал на пропаганду агрокомплексов. Теперь же опять говорит о фермерах, но как и что?

Наши большие знатоки готовы в течение чуть ли не месяца все переделывать. Кто больше меня боролся с этой колхозно-совхозной системой, а сколько грязи они на меня вылили! Теперь они же и ринулись, не зная дела, все сразу ломать. Можно что-то сделать, допустим, в течение года, но только при том условии, если в государственном масштабе, не скупясь на большие затраты, организуем переход из одного состояния землепользования в другое.

- Но какова же главная цель этих преобразований?

- Цель ясная: сделать из колхозника фермера, хозяина. Но в этом деле необходима реальная помощь. Ничего не вложив, мы не сдвинемся с места.

- Говорят, что вкладывать нечего, на последние копейки живем?

- Миллиарды денег в обороте, все ринулись в спекуляцию. Конечно, без торговли, которую мы в свое время уничтожили под корень, тоже нельзя. Но всему свое время и место. И если земля, наше главное богатство, втуне останется, то чего ждать от голой торговли-спекуляции?

Не важно, как будут называться хозяйства - ассоциации, фермы - важно, чтобы земля работала и каждое зернышко, лежащее в ней, не было беспризорным. Человек, работающий на своей земле, уберет его. А не то так и будет продолжаться: зерно куда-то отвезут, сваливают, оно там и гниет. А потом опять призывы: бороться за урожай! В прошлом году, по подсчетам нашей статистики - заметьте, нашей! - было погублено 60 млн. тонн зерна. Это составляет, примерно, 80 млрд. долларов. А вместо того, чтобы сберечь зерно, мы хлопочем о кредите в 24 млрд. долларов. И обидно и смешно!

(Проблема рабочих рук, проблема урожайности, проблема молодежи - это все единый клубок. И разматывать его следует с создания хороших условий в деревне. Считаться со спецификой работы на земле. Если рабочий за станком - лицо самостоятельное, так крестьянин на своем поле должен быть не менее самостоятелен". - "Самостоятельность", 1966 г.)

- Вы человек мудрый и занятой, Борис Андреевич, может быть, поэтому не вступали и не вступаете ни в какую партию? А ведь звали, наверно, раньше в ту, что была нашей "честью и совестью"?

- Конечно, звали. Но я был воспитан как человек военный, и партии для меня ничего не значат. Я не хотел, и в те сложные времена под разными предложениями уходил от ответа. Всегда считал и считаю, что человек не должен за счет стечения политических ситуаций устраивать свою судьбу. Судьба его должна складываться из общих для всех положений и того, что этот человек сам по себе значит.

- Поскольку Вы сами подчеркнули свое военное воспитание, то вопрос к бывшему военному моряку: Вам обидно за развал армии?

- Конечно, обидно. В первую очередь меня угнетает положение с флотом. Нужно научиться строить взаимоотношения между новыми государствами так, чтобы не было национальных распри.

- Как Вы думаете, когда произошла та роковая ошибка, что привела нас сейчас на грань войны между вчерашними согражданами общего государства?

- Она произошла в октябре 1917 года, а в дальнейшем все уже было логически закономерными последствиями. Это продолжает сказываться на нас и сейчас. Только решили в декабре 1991 года в Минске, что остаются общие границы, как тут же начали делить на твое и мое. Такая уж у нас политическая публика!

- Когда Вы впервые узнали о Народно-Трудовом Союзе?

- Давно. Я не верю тем, кто говорит, что ничего не видел и не знал. В моей семье говорили о многом, особенно отличался отец... Педагоги в школе, несмотря на то, что время было опасное, не боялись откровенных разговоров. Многие из них были интересными и высоко образованными людьми.

- И каково Ваше представление об НТС и его задачах?

- Я знаю, что задачи и цели этого союза положительные. Он занят не только раздумьями о судьбе России, но и помогает посильно в нынешней жизни, осмысливая нынешнее состояние страны и народа.

- Вы как-то написали: "Литература не стадион, где состязаются в беге, а дорожка, где каждый бежит по своей дорожке и направление выбирает сам". Так на какой дорожке Вы находитесь сейчас?

- Все той же самой. Езжу по районам и областям, смотрю: что это за приватизация такая, и не вижу ее на деле. Я очень озабочен. Мое глубокое убеждение: пока не будет земельной реформы, мы экономику свою не наладим, а значит и жизнь не улучшится. Об этом и стараюсь писать, отрывая себя от романов ради статей и очерков. Но что делать? Иначе нельзя.

- Сейчас всем тяжело живется. Вам, писателю, который невольно все воспринимает острее, не становится страшно?

- Нет, может, еще и потому, что я помню более страшные годы: 30-е, война.

- Значит, ценнее всего на свете все-таки свобода, а хлеб насущный не столь важен?

- Ценно все в человеческой жизни, но превыше всего то, что от Бога идет, то есть душа твоя должна быть раскованной и свободной.

- Какой Вы представляете Россию в будущем?

- Будет ли она хуже или лучше, она все равно останется Россией. Конечно, я бы хотел побольше порядка, и чтобы мы не слишком напрягались на решение дурацких проблем. И чтобы мы не винили больше никого в собственных бедах и ошибках. Обижаться нам не на кого, и делать вид, что кто-то нас предал или продал, это позорно для такой огромной и сильной страны. За все отвечать нужно самим. И быть России такой, какой мы ее создадим.

("Да, история наша полна жестокости, но и непокорства, каторжных мучений, но и свободного полета неукротимого духа, и я с радостью повторяю слова великого Пушкина: "Я не хотел бы переменить отечества или иметь другую историю, кроме истории наших предков такую, какой нам Бог ее дал". - "Не взирать", 1987 г.)

- Благодарю Вас, Борис Андреевич, за беседу и желаю Вам сохранить навсегда такую бодрость духа и радовать своим творчеством читателей.

Интервью провела Наталья Белоцерковская

Директора и чиновники

Роман РЕДЛИХ

В разговорах о политическом положении в России (а они теперь ведутся у нас повсюду) вы непременно услышите тезис: "У нас по сути дела ничего не изменилось, "они" (номенклатуришки) как владели, так и владеют страной".

Это и верно и неверно. Новый класс советской знати или "номенклатура", как стали называть эту социальную группу в годы перестройки, - это, конечно, хозяева страны. В этом нет ничего удивительного. Ведь это они - наследники Сталина, Хрущева, Брежнева, а теперь и Горбачева. Только немногие из них вынуждены сойти с политической арены. Большинство же по-прежнему играет важную роль в обустройстве всех бывших советских республик. Правящая элита стремится закрепить за собой приобретенное после смерти Сталина господствующее положение.

Но уже в послеавгустовские дни мне довелось услышать и другое: номенклатура отнюдь не едина, одно дело чиновники, другое - хозяйственники, директора всякого рода хозяйственных, торговых и промышленных предприятий. У них разные интересы, а следовательно, разное жизненное отношение и разные политические взгляды.

Верное наблюдение! Вспоминаю главу "Советская знать" в моей выпущенной издательством "Посев" в 1971 году книге "Советское общество". Различие между политической и деловой знатью в ней отмечено очень четко. (Оно отмечено, впрочем, хоть и несколько иначе, и в "Очерках большевизмоведения" в 1949-56 гг.) Данные в ней характеристики, мне кажется, во многом действительны и сейчас; они могут помочь кое в чем разобраться и в нашем сегодня. Начнем с политической знати.

Вот несколько отрывков из подглавки:

"Новый господствующий класс"

"Смерть Сталина и последовавший за ней отказ от культа личности, введение коллективного руководства и ограничение полномочий органов террора коренным образом изменили положение верхнего слоя советского общества, который мы будем называть "советской знатью"... При Хрущеве советская знать превратилась в то, во что она страстно желала, но не могла превратиться при Сталине: в новый господствующий класс, стоящий у рычагов государственного устройства и материального благополучия, в носителя сначала хрущевской диктатуры, а затем брежневской олигархии.

В социалистический характер этого строя действительность внесла существенные поправки. Новый господствующий класс отлично понимает, как был прав Ленин, утверждая, что сам по себе рабочий класс не

способен подняться выше тредъюнионистской психологии и идеологии. Но он так же отлично понимает, что рабочий класс ничем не отличается от других слоев подвластного народа, к которому вполне в сталинской традиции он относится как к чистейшему объекту властвования...

Патриотизм нового класса совершенно несомненен, но несомненен и классовый характер этого патриотизма, совершенно лишенного народолюбия. Интересы и чаяния советского населения воспринимаются правящим слоем как нечто мешающее величию коммунистической империи, как проявление эгоизма, несознательности и готовности разложиться и променять социалистическое первородство на чечевичную похлебку житейского благополучия. Само слово "народ" употребляется в этой среде большей частью как псевдоним. Когда партийный работник говорит вам, что "народ пятьдесят лет работал" или "народ пятьдесят лет шел по коммунистическому пути", он имеет в виду сказать, что "мы, коммунисты, пятьдесят лет работали", "мы, коммунисты, пятьдесят лет вели народ по коммунистическому пути"...

Убеждение, что история решается наверху, сопровождается внутренним презрением к воспитательной работе, к агитации и пропаганде. Агитация нужна для психологического давления на народ, но и только. Все остальное "зависит от желания или нежелания той публики, которая договаривается наверху"... Неудивительно поэтому, что лишь как розовый туман, как одежды голого короля, а, главное, как испытанный способ оглушения народа, сохраняется тонкий покров марксизма-ленинизма и безбидный культ Ильича с сусальным прищуром и сахаринным "идет... веселый, светится"; сохраняются трескучие фразы и громкие лозунги, сохраняется большая часть сталинских мифов и фикций, функция которых, однако, в силу ослабления террористического начала существенно деформируется..."

К этим отрывкам из общей характеристики хочется прибавить еще один абзац, характеризующий прерванную развалом КПСС тенденцию к превращению новой знати в закрытое сословие.

"Одна из важнейших норм, гарантирующая устойчивость положения современного крупного партийного или советского работника, это положение о номенклатурных работниках ЦК КПСС и ЦК союзных республик. Кто однажды попал в списки руководящих кадров, утверждаемых ЦК, тот не может быть снят с работы или передвинут с места на место без его ведома. При Сталине состояние в этих списках, разумеется, никого ни отчего не гарантировало, да и объем их был относительно невелик. При Хрущеве номенклатурные кадры стали практически неприкосновенными, а списки были быстро расширены, охватив уже значительную массу работников среднего звена, включая директоров совхозов или колхозов-миллионеров"...

Все вышесказанное относится, конечно, к знати в целом, но в этом концентрированном виде прежде всего к профессиональным партработникам, составляющим ее ядро. В номенклатуру входят, однако, и люди другого склада и с другой функциональной нагрузкой. В моей книге они обозначены условным термином "деловая знать".

Вот характеризующий ее отрывок (читать его сегодня следует в прошедшем времени):

”Деловая знать”

”Еще одна категория лиц, входящих в группу советской знати, это люди, занимающие более или менее значительное положение в силу своих высоких деловых качеств, сочетающихся с достаточной политической выдержкой и умением лавировать.

Происхождение этой категории знати сложно. Она сложилась из людей совершенно различных и по своему социальному прошлому, и по своим политическим убеждениям. Привилегированное положение большевики с самого начала вынуждены были создать для некоторых высококвалифицированных специалистов, часть которых была настроена нескрываяемо антисоветски. В высший слой тогдашнего советского общества, в будущую советскую знать вошли, наряду с людьми, выдвинутыми партией, ценнейшие руководительские кадры, принимавшие советскую власть лишь как неизбежное зло. Достаточно назвать хотя бы отца русской авиации Н. Е. Жуковского, будущего маршала Шапошникова, знаменитого физиолога И. П. Павлова, создателя золотого рубля нэповского периода Кауфмана и целую плеяду поневоле ставших советскими русскими хозяйственников, писателей, артистов, ученых. В категорию деловой знати с самого начала вошли таким образом и беспартийные, то есть люди, вовсе не сочувствующие делу Ленина-Сталина...

Группа деловой знати пополняется отнюдь не из припартийного актива, но главным образом из наиболее талантливых и достаточно гибких представителей интеллигенции. Она пестра по своему составу, и советская власть относится к большинству составляющих ее лиц с постоянным и зачастую обоснованным подозрением. Здесь и еще уцелевшие остатки дореволюционной интеллигенции, сохраняемые в силу их незаменимости, здесь порой блестяще одаренные выходцы из рабочих и крестьян, талантливые и ловкие люди, сумевшие стать видными специалистами в той или другой области...

Несомненно, что сталинской власти удалось привить своей политической знати ряд специальных навыков и знаний, а деловую знать и в советском смысле слова сделать политически грамотной. В результате представители политической знати могут иногда с успехом отправлять и специальные функции, в то время как крупные специалисты не могут уже полностью отгородиться от политики...

Тем не менее деловая знать - это в основном крупные специалисты в какой-нибудь неполитической области, это ученые, сотрудники научно-исследовательских учреждений, выдающиеся инженеры и организаторы хозяйственной жизни страны, писатели, артисты, генералы.

Преклонение перед фактом диктатуры и безусловный страх перед ней - эти основные предпосылки тоталитаризма в России - очень сильны в этой группе.

Деловая знать, как правило, не любит и избегает политики. Она отдает дань славословию и общественно-политической работе, но никто в ней не делает карьеры при помощи этой работы. Эти люди всегда до отказа загружены своим прямым делом, несут огромную ответственность и очень высоко ценят оплачиваемый этой ответственностью некоторый личный

комфорт. Они оказывали сталинской и оказывают теперь брежневской власти драгоценнейшие услуги. Именно эта группа дает деловые кадры для организации жизни страны. В этом ее огромное значение... На плечах этой категории людей лежит техника, хозяйство, образование и здравоохранение, социальное обеспечение, оборона и внешние сношения...

Представители деловой знати смыкаются здесь с интеллигенцией и работниками аппарата и, несмотря на то, что большинство из них имеет партийный билет в кармане, находятся под постоянным гнетущим давлением руководящего партийного ядра, призванного бдительно следить за тем, чтобы их деятельность шла всегда и во всем на пользу строительства социализма и коммунизма во всем мире. Эти люди хорошо знают советский строй и постоянно видят перед собой все практические варианты и редакции, все частные проявления неизбывного антагонистического противоречия, в котором находится сталинизм со своим месторазвитием - Россией. Они вынуждены делить свою работу и ответственность с представителями политической знати, зачастую менее квалифицированными, чем они сами, и сплошь и рядом вынуждающими их делать не то, что им представляется нужным, и не так, как им кажется правильно. И при Сталине, и после Сталина они снова и снова пытаются противодействовать заведомо вредным стране и народу начинаниям, вроде разведения коксагыза, движения из контор на производство, распахки целины или обоготворению кукурузы...

В силу своей малочисленности, в силу значения мест, которые она занимает, и в силу своего каждодневного соприкосновения с партаппаратом, с которым ей постоянно приходится воевать и мириться, деловая знать может претендовать и претендует на влияние и вес, по меньшей мере равный влиянию и весу политической знати. Она готова мириться с партийным паразитизмом, но прекрасно знает, что страна могла бы обойтись и без него. И это делает ее чуть ли не главной опасностью для после-сталинского строя, тем более что в пополнении советской элиты за последние два десятилетия обозначился довольно определенный сдвиг в ее пользу".

Номенклатурная знать сегодня

Теперь уже не "могла бы", а в самом деле нужно обойтись.

Приведенные здесь выписки из книги, написание которой начато уже при Сталине и только окончено при Брежневе, было, понятно, лишь наметкой важнейшего социального процесса: образования сословного общества. Ибо номенклатурные списки, рождение и функции которых блестяще описаны М. С. Восленским в его книге "Номенклатура" (ОПИ, Лондон, 1984), только при Сталине служили всего лишь инструментом властвования. При Хрущеве и Брежневе они стали списками прав и привилегий, своего рода хартией социалистического "нового дворянства", в котором степень знатности выражалась в комбинации номенклатурного ранга, занимаемого положения и пожалованных награждений: Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда, лауреат сталинской (государственной, ленинской) премии, занесенный в книгу почета и т. д. и пр. Эти

титуты, как и привилегии, обеспечиваемые номенклатурным рангом, не успели стать наследственными. Общественная формация, с легкой руки Милована Джиласа названная "новым классом", не успела оформиться в сословие. Помешала революционная перестройка.

Историческая заслуга Горбачева - это гласность, позволившая развеять мир иллюзий и фикций. Историческая заслуга Ельцина - прекращение деятельности КПСС, покончившее с номенклатурными списками и тем самым остановившее стабилизацию номенклатурного сословия.

Господство номенклатурщиков в результате этих двух революционных актов, правда, не рухнуло, но пошатнулось и потеряло свой всеобъемлющий характер. Потерявшая свои места у партийной кормушки политическая знать всех рангов вынуждена теперь питаться из государственной. Бывшие работники партии в решающем большинстве устроились в системе советов и в бюрократических структурах управления, стали государственными чиновниками. Деловая же знать осталась на прежних местах; директора ведь остались директорами. Жизнечувствие и тех и других существенно не изменилось, но изменилось силовое отношение сторон: политическая знать потеряла свой перевес.

Все мы знаем, как оно было раньше. Директор сколько-нибудь значительного предприятия был, понятно, членом КПСС, а нередко и членом бюро обкома-горкома-райкома. Но хозяином над ним был Первый секретарь того же (или вышестоящего) - кома. Да и на заводе или в институте или где там он был директором сидел парторг, с которым тоже приходилось считаться. Этой-то партийно-номенклатурной сетке своим президентским указом Ельцин и "прекратил деятельность". Жизнь от этого не стала зажиточней, но трудности в ней приняли другой оборот.

Всякий уважающий себя директор всегда хотел быть на своем заводе (институте и т. д.) полновластным и полноценным хозяином. Он и теперь готов бороться с трудностями снабжения и сбыта, с пороками технологии, с неподготовленностью персонального состава, он мог бы наладить работу по-настоящему. Партия ему вроде больше не мешает. А вот он, оказывается, повязан и с бывшим Первым, и со всей его свитой. Повязан лично: был же членом бюро. Повязан по делу со смежниками и с плановиками, повязан старыми связями, привычками, знанием, как и что делалось и будет, очевидно, делаться и впредь. Весь его жизненный опыт научил его жить в условиях "развитого социализма", где надо взять - взять, где надо дать - дать. Всеобщая лакировка действительности под ударами гласности развалилась у него на глазах. Это хорошо. Это прекрасно. План перестал быть законом. Вместо него, говорят, должен возникнуть свободный рынок, здоровая конкуренция и изобилие. И он должен сделать свое предприятие конкурентноспособным. А откуда он возникнет, этот рынок? С кем на нем конкурировать?

А вы, уважаемый читатель и критик, знаете с кем? Предприятие принадлежит государству, но государство, хоть больше и не партийное, но бывшие первые занимают в нем посты, кто в совете, кто в министерстве, а кто и самим Ельциным назначен на важную должность. (Указ указом, а ведь потянул к себе дружков из Свердловска!) Бывшие первые, да и вторые, чуть ли не все теперь видные государственные чиновники. Они квалифицированные администраторы. Они по-прежнему незаменимы в аппа-

рате. Они по-прежнему ничего не производят, но умеют руководить и начальствовать и могут бюрократизировать любое дело и подбирать кадры, памятуя, что "кадры решают все". И над каждым директором, оказывается, опять сидит кадр, причем умный и дальновидный из тех, кто раньше его, директора, положил партийный билет: "по сути дела ничего не изменилось, "они" как владели, так и владеют страной".

Сумеет ли Ельцин укротить эти кадры? Сумеет ли он избавить деловых людей России от их опеки, направленной отнюдь не на отстройку свободного предпринимательства?

И с другой стороны: сумеют ли директора все еще государственных предприятий и прежде всего военно-промышленного комплекса поладить не с ними, а с так трудно нарождающимся частным предпринимательством и общими усилиями одолеть всевластие порожденного социализмом бюрократического аппарата? Станут ли они на сторону свободного хозяйствования и способствующей ему политической демократии или будут холить и поддерживать привычные номенклатурно-мафиозные связи? Способна ли деловая знать, помимо своих прямых дел, взяться также и за политику, вынести собственные политические взгляды в прессу, радио и телевидение, выдвинуть собственных депутатов в парламент и добиться влияния на законодательство и политический курс правительства?

Ухватившиеся сейчас за кормило государственного управления аппаратчики не просто по инерции держатся за обломки социализма и стихийно саботируют любые нововведения. В лице своего большинства в Верховном Совете они сознательно срывают выработку полноценной конституции, стараются ограничить право частной собственности и под предлогом заботы о малоимущих слоях населения практически блокируют законодательство, призванное обеспечить необходимые стране реформы. (Чтобы убедиться в этом, достаточно хотя бы бегло ознакомиться с принятыми ВС законами о землевладении, в которых юридически однозначный термин "собственность" систематически подменяется допускающим разные толкования многозначным термином "владение".)

Думается, что директорам пора выйти из-под власти чиновников. Возможности к этому есть. Но использовать их мешает одно серьезное препятствие. Назовем его вошедшим в последние годы в язык словом "мафия", заменившим бытовавшее при Сталине словечко "блат" (вспомните: "блат и министру брат!").

Номенклатура и мафия

Говоря, что "у нас ничего не изменилось, "они" как владели, так и владеют страной", и простой обыватель, и анализирующий интеллигент по сути дела имеют в виду не только номенклатуру. Номенклатура теперь стала бывшей. Ее могущественный патрон, орготдел секретариата ЦК КПСС прекратил свою деятельность. Над ней нет больше хозяина, но под ней успел отстроиться прочный фундамент. Это так называемая "вторая" или "теневая" экономика.

Что в стране свирепствует спекуляция и коррупция, - всем известно.

Давайте только не будем думать, будто это плод перестройки. Ни Горбачев, ни Ельцин тут не при чем. Осмелюсь напомнить, что газета "Индустрия" от 31 декабря 1958 г. писала, что "50% поставок в Сталинграде, 33% в Днепропетровске и 30% в Москве получены нелегально", а что значит это "нелегально", не трудно понять хотя бы из помещенной в "Известиях" от 17 июля 1959 статьи с выразительным заголовком "Мы - вам, вы - нам". Вот начало и конец этой статьи:

"Директор Кулебакского завода С. Д. Нестеров и главный инженер Выксунского завода Е. М. Цыганков стали вносить "поправки" в общесоюзное планирование. В прошлом году оба завода отгружали прокат и трубы в первую очередь предприятиям своего совнархоза. Продукция отправлялась даже тем заводам, которым по плану ее не полагалось... Металл раздавали направо и налево. Был устроен "черный рынок", где металл менялся на всевозможные изделия и материалы: кабель, фанеру, цемент, пожарные рукава, краски, стекло, брезент, измерительные приборы, прицепы к автомобилям... Проведав о нравах, процветающих в Выксе, некоторые хозяйственники стали загружать транспорт своими товарами и отправлять их в Выксу на обмен. Так поступил и начальник отдела снабжения Ярославского шинного завода т. Сухоручкин. "Пользуясь попутной машиной, - писал он замдиректору Выксунского завода т. Серегину, - посылаю вам резину. Прошу отпустить газовые трубы в прилагаемом ассортименте". Коротко и ясно: мы - вам, вы - нам!"

Предстал ли директор Нестеров перед советским судом или нет, - неизвестно. Но случай в Выксе типичен как для своего времени, так и до наших дней. Больше того, теневая экономика прилагивается перенять наследство экономики развитого социализма. Эта экономика, несмотря на жестокие преследования, зародилась еще при Сталине. При Хрущеве она окончательно приняла мафиозный характер и стала набирать силу, а параллельно с расширением и укреплением номенклатурного сословия превратилась в существеннейший фактор обогащения советской знати. Произошло стихийное сращение экономической мафии с партийной коррупцией и взяточничеством. Сложилась мафиеподобная по стилю и методам "организация без организации", вся деятельность которой построена на обходе и нарушении законов ради заведомо недобросовестного формального выполнения государственных планов, а главным образом для удовлетворения личных интересов ее участников.

Дельцы теневой экономики - это энергичные, способные к риску и ода-ренные спекулятивной фантазией люди разных профессий, не удовлетворяющиеся положением тупых исполнителей партийно-государственных велений. Это люди, которые могут достать сырье, люди, знающие, что почем и кому и сколько надо "отстегнуть" от полученного дохода, хорошо понимающие, что у каждого есть потребности и что чем выше стоит человек, тем они у него больше.

За экономические преступления сажали, сажают и будут сажать. Для теневого дельца судебный процесс - всего лишь подлежащий учету момент калькулированного риска. И что из того, что в незаконных экономических операциях привыкли принимать участие и директора (а с ними вместе и парторги), и государственные контролеры, и плановики, и бухгалтеры, и, разумеется, базовые работники теневой экономики, толкачи и

снабженцы, без которых все плановое хозяйство гораздо раньше заело бы как несмазанный механизм.

Когда же, наконец, и в самом деле заело, вся наша экономическая жизнь перешла на мафиозные рельсы. В условиях беспредела цен ("цена договорная"!), неопределенности отношений владения и собственности, анархии рынка чуть не вся экономика превратилась в теневую. Бывшая деловая знать, директора и промышленники вплетены в нее и зачастую повязаны негласной мафиозной круговой порукой.

С потерявшей авторитет, растерянной и цепляющейся за остатки социализма политической знатью они, вероятно, справились бы. Бюрократические препоны можно ведь без особого риска преодолеть с помощью взятки. А им ли не уметь их давать! Конструктивным силам в правящем слое вообще и не столь уж малочисленным дельным и честным директорам в особенности страшны не остаточные структуры советской власти. Страшно ее моральное наследие. Страшно разрушение деловой этики и забвение фундаментальной солидарности, в которой укоренено уважение к чужой собственности и верность взятым на себя обязательствам. Страшна не сама разруха, а питающая ее стихия беззакония и вседозволенности, заступившая место коммунистического лицемерия.

Мы теперь другие

Татьяна ИВАНОВА

В одно утро гласности известный вольнодумец Юрий Власов возьми и ответь на вопрос корреспондента, "что в этой жизни вы ненавидите больше всего": "Коллективное прозрение!" Одна шестая часть суши прямо ахнула от восторга. И с тех пор повторяет: нет ничего на свете презреннее, ненавистнее, позорнее, чем коллективное прозрение.

А как же мы прозревали, милые люди, если не коллективно? Ведь именно коллективно мы и прозревали. С каждым номером "Огонька", "Книжного обозрения", "Московских новостей", "Аргументов и фактов". С каждым очередным номером "Нового мира", "Знамени", "Юности", "Даугавы", "Вильнюса", "Волги", "Урала". Да, кстати, и "Нашего современника". Непримириемые литературные оппоненты, позоря, клеймя друг дружку, с каждым днем расходясь все далее, копали с разных сторон, но яму для коммунизма выкопали вместе. Такое заявление звучит, я понимаю, невероятно, и мало кто с той и другой стороны скажет мне сейчас "да, ты права".

Это говорю вам я - битая и колоченная ими ("правыми", "реакционерами", "бесстыжими черносотенцами", "так называемыми славянофилами", "консерваторами", "невеждами", "темными"), ей-Богу, гораздо больше, чем очень многие пишущие.

...Прозревали коллективно. Ощущение, что всё не так, что так жить нельзя, что коммунистическая власть отвратительна, с какой стороны ни погляди, что в истории одно вранье, что оно же, вранье, и в настоящем,

понимание, что свободы нет - всё это было массовым, может быть, можно сказать, что и всеобщим. Но по-настоящему зрячих были считанные единицы. Самиздат? Но можно ли в такой громадной стране всерьез говорить о влиянии самиздата на массовую психологию? Когда с утра до ночи играет, поет, показывает, декламирует экран и эфир, когда ложь воплощается в многомиллионные тиражи газет, журналов, романов, повестей, рассказов, когда ежеутренне ложь входит в каждый класс, в каждую аудиторию и пребывает там до позднего вечера, когда она принимает облик приключенческого и любовного фильма... Нет, упование на самиздат было героическим, романтическим, достойным гимнов и од, но неосновательным. Прорываться надо было в газеты, в эфир, на телеэкран.

А там нельзя было говорить про свободу. Можно было только спорить о литературе.

Боже мой, какие же страсти кипели в связи с выходом романа А. Рыбакова "Дети Арбата"! Можно было подумать, что художественные достоинства этого произведения для спорящих - вопрос жизни и смерти. Гениальный роман, писали одни. Бездарнейшее из когда-либо существовавших в литературе произведений, писали другие. И люди читали: одни - что сталинизм это система взглядов, не дающая нормально жить нашей Родине, а другие - что на сталинизме только все в этой стране и держится. (Вот видите, уже теперь ясно, что правы были те и другие...) "Дети Арбата" - это захватывающе, это не оторвешься, писал "Огонек". А подразумевал: наш народ задавлен диктатурой, наша страна изморожена ею, убита, одна свобода может помочь ей воскреснуть. "Дети Арбата" - скучнейшее из всех произведений на свете, от него просто сводит скулы, писал "Наш современник". А подразумевал: Россия создана для монархии, в XX веке она знала одного настоящего монарха - Сталина, он и границы расширил, и окраины держал в повиновении, и жида при нем знали место... (Вот видишь, скажет мне кто-нибудь, это злостный, сивый бред... А ты смеешь говорить "вместе". Смею, отвечу я. Бред, кто же спорит. Но ведь и с "нашей стороны" бреда было более чем достаточно. Разве не мы бредили о "ленинских нормах"? Разве не мы воспевали соратников Ильича как благородных рыцарей? Разве не мы были убеждены, что из всего марксизма существенна одна лишь фраза: "цель коммунизма - строительство ассоциации, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех"? Ну, ладно, хорошо, не "мы". Пусть я, пусть я одна.)

В те годы я получала по подписке тридцать толстых журналов. И журнальные обзоры в "Огоньке" были в некотором смысле путеводителем, пособием по коллективному прозрению. А Коротич, не тем будь помянут, правил... Напишешь: "Сталин все равно войдет в историю как кровавый тиран и убийца, как бы ни старались его апологеты", а он зачеркнет и сверху поставит: "Сталин войдет в историю как герой в черных доспехах". Вот такая у нас была свобода слова в 1987, в 1988 годах. Хотя, значит, и в черных доспехах, а все же как герой...

Но и того людям было достаточно, и тем они дышали и жили. И за то встречали меня в своих аудиториях стоя...

А теперь я открываю конверт с ленинградскими записками. Год 1988-й, я приехала на один день, первая встреча в союзе театральных деятелей - для интеллигенции, вторая - во дворце молодежи, городская, для всех, билеты продавались в кассе.

Понять, где "интеллигентные" записки, а где всеобщие, невозможно. Вот эта, например: "Как вы относитесь к интервью с А. Софроновым в журнале "Журналист" и что теперь после него будет?" - кто писал?.. Сегодня уж все забыли, кто такой А. Софронов, и никому не придет в голову спрашивать, "что будет" после какого-то интервью. А тогда... Ожиревший в прямом и переносном смысле, чуть грамотный, заласканный властью знаменитый советский поэт, драматург, чьи пьесы шли в каждом городе, на каждой сцене, чьи песни исполнялись по радио ежедневно и по нескольку раз, чуть не за руки и за ноги вынесенный из своего кабинета, главный редактор "Огонька" Анатолий Софронов был большим начальником советского народа. И, видно, наговорил чего-то журналу "Журналист" фундаментально подлого, раз пришла записка.

"Уважаемая Т. И.! Нет ли хоть каких-нибудь новых известий о повести С. Каледина "Стройбат". Как вы думаете, возможна ли хоть когда-нибудь ее публикация? Мы очень волнуемся".

Что мы знали тогда про армию? Она "непобедимая и легендарная". Она в Афганистане, но это, наверно, так надо, потому что там какая-то коллизия с нашими границами, приходится наши границы охранять, находясь в Афганистане. Говорят, оттуда приходят гробы. Не может быть, чтобы много... Говорят, в армии дедовщина. Конечно, призывают всяких хулиганов, раньше такого не было... Генералы строят себе дачи... А секретари райкомов не строят?

Полагаю, что мне удалось достаточно внятно изложить именно массовый взгляд на армейские проблемы. Но - брезжило... Брезжило!

Цензура... Что, там не наши люди, что ли, работают?! Они же здесь живут, и всё не хуже нас понимают и знают. Если они не пропускают, может, там, правда, какой-нибудь секрет?.. Помню, я делала статью о повороте северных рек. Повстречалась со знающими людьми, и они мне на уровне курочки рябы объяснили, какая это погибель - поворот - для русской земли. Я написала. Цензура - ни в какую. Я пошла к ним. Люди, говорю, да вы что?! Как же это можно не пропускать?! Чего-то мямлят, мнутяся... Так, говорю. Вы ничего не можете мне объяснить. Значит, это ваш произвол. Прямо от вас, вот сию минуту иду к вашему начальству. Никто меня не остановит. Дело святое, подавайте сюда мою статью, говорите, где начальство сидит.

Пошла. Прорвалась. И там мямлят. А, говорю, произвол?! Ничего внятно не говорите?! Русскую землю хотите погубить?! В ЦК иду, отдавайте мою статью. Пошла. И вот в ЦК душевный человек сел со мной рядышком, напоил чаем с сушками. Ладно, говорит, открою вам тайну. Только чтоб никому... На Каспии Министерство обороны реактор строит. Невиданный по размерам. Так вот, для охлаждения этого реактора им необходимо очень много воды. Это они требуют поворота северных рек, понятно теперь?

А, говорю, так бы и сказали. Да разве я не понимаю? Реактор. Министерство обороны. Спасибо, говорю, извините, я пойду.

Обманули дуру? Или в самом деле реактор строили? Это теперь я задаю себе такие вопросы. Тогда, лет пятнадцать назад, и не думала задавать. Оборона - святое. У министерства обороны должны быть тайны. Цензура обязана их охранять. Спорить можно с чем угодно, но не с министерством обороны, потому что главное, чтобы не было войны, а все остальное второстепенно. Такой у меня был тогда строй мыслей. Стыдно-вато признаваться. Но с другой стороны, я никогда и не прикидывалась Сократом....

"Правда ли, что Коротич уедет работать в ЮНЕСКО? Ясно, что его убивают. Можно ли этому противостоять?" Записок, подобных этой, где повсюду варьируются слухи о возможном смещении Коротича, очень много. В огромных переполненных залах, в полной тишине я говорила и повторяла: нет. Нет. Нет. Он не уйдет сам, никому не верьте. Он будет стоять до конца. Он будет главным редактором "Огонька", пока "Огонек" будет нужен читателям. Залы взрывались аплодисментами. Да, продолжала я, его можно снять с работы, и очень много желающих это сделать. Но у журнала есть и друзья. И редакция борется, держится. Овация... Но многое зависит и от вас, продолжала я (возгласы: "что?" "что?..." "что мы можем сделать?!..." "скажите, мы на всё готовы!"). Я говорила им, что они могут сделать, давала рецепты. Пишите в ЦК, говорила я.

Понимаете, вы не пишете, а другие пишут. Пишут, что "Огонек" опорочивает наше прошлое, подрывает основы нравственности, вообще, подрывает основы. Таких писем масса. И вот там, в ЦК посмотрят: народ "Огоньком" недоволен. А ваших писем нет! Мы будем писать, мы будем, обязательно будем... Так заверяли меня мои несчастные соотечественники, так стояла я перед ними, понимающая не намного больше их, вместе с ними прозревающая, может, на миллиметр впереди, только на минуту раньше...

И они забрасывали меня записками: "спасибо за вашу твердость", "за ваше бесстрашие...", "держитесь!", "мы с вами", "что было бы со страной, если бы не такие, как вы", "на вас вся надежда"... И больно мне за нас физически, и слезы слишком близко: как же далеко, как бесконечно нам далеко до свободы и как она нам жизненно необходима, как мы ее жаждем...

"На партконференции крепко досталось всем прогрессивным изданиям. Сможете ли вы после этого продержаться?" "У нас в городе слишком активен фронт "Память". Видимо, и вы получаете от них угрозы. Знайте, что угрозы реальные, остерегайтесь". "Почему партийная организация союза писателей терпит националистические выходки и сталинские проделки таких коммунистов, как Василий Белов, Станислав Куняев, Ап. Кузьмин?" "Говорят, в Союзе писателей РСФСР собираются в одном из своих журналов опубликовать "Майн кампф"?"

Вот где были мы в 1988 году, когда в Ленинграде еще был и стиральный порошок, и мыло, и даже колбаса, а в Москве этого сыскать не представлялось возможным.

"Говорят, "Новый мир" собирался опубликовать "Архипелаг ГУЛАГ", но В. Медведев запретил. Слышали ли вы об этом?" "Расскажите, что знаете о судьбе Солженицына. Как она сложилась за границей?"

Очень много вопросов такого рода. Про Солженицына говорю: великий писатель, по "Одному дню..." и пяти рассказам, опубликованным в те еще годы в "Новом мире", это уже ясно, бесспорно ясно. Бешено аплодируют... Я верю, что он будет издан, а кто такой Вадим Медведев, люди не вспомнят. Восторг, ликование...

"В вашем городе, да и в нашем поговаривают про дачу в реликтовой роще... Не хотелось бы верить, но слухи упорные".

Автор записки не решился выговорить "Горбачев". Ведь, конечно, слухи ходят о том, что это он строит дачу в реликтовой роще. Но откуда же мне знать? Я и о слухах-то узнаю единственно вот на таких встречах, больше нигде. 1988 год... Людям еще так хочется верить, что все плохое о Горбачеве - только слухи, что он хороший. И мне, как и им, хочется того же.

Но есть Ельцин! "Т. И., а правда, что в "Огоньке" есть интервью с Ельциным, а Коротичу запретили его печатать?" Правда, говорю. "А не читали ли вы это интервью?" "А нет ли возможности узнать, что в том интервью?" Эх, как обидно мне отвечать "нет"! Но - что делать? Сгорая от желания прочесть, я обошла тогда все огоньковское начальство, начиная с Коротича. Безрезультатно: никто не знает, где интервью, где-то здесь, где-то там, сходи к тому-то... Спрятали. Теперь мне кажется, что никто и не запрещал тогда Коротичу его публиковать - сам не хотел. Берег Горбачева.

Но все прояснилось лишь после Вильнюса, все становилось яснее и яснее после Вильнюса с каждым номером "Огонька". А тогда - тогда у меня подобные догадки и не мелькали. Больше Коротича любил свободу, храбрее Коротича боролся за нее один Егор Яковлев. Истина тогда состояла в этом, и никаких оттенков у нее не было.

Давние записочки из ленинградских залов 1988 года:

"Интересно, как восприняли партийные функционеры статью проф. Яковлева в "Огоньке"? В частности, каково их отношение к его тезису о том, что только экономически независимый человек может быть политически свободным". "Поясните свою мысль о том, что "Новый мир" постепенно превращается в "Наш современник" для интеллигенции". "Не кажется ли вам, что "Новый мир" быстро утрачивает свое лидирующее положение среди демократически настроенных читателей". "Статья Урнова в "Правде" о "Живаго" - не является ли она тем же самым, что статья Н. Андреевой - но в литературе?" "Вопрос личный: каково ваше самочувствие после таких правдивых, точных и бесстрашных статей. Неужели не страшно? А если всех вас посадят?" "Извините за совет, но такие журналисты, как вы, должны идти в жизнь. Почему бы именно вам не взять интервью у Лигачева? Вот вы бы наверняка сумели показать всем его реакционное нутро, и тогда ничто не могло бы удержать его в Политбюро, потому что перестройке он только вредит?"

"Чем объяснить такую яростную непримиримость "Нашего современника"? Что движет ими?" "Академик Сахаров считает, что АЭС нужно строить только под землей. Ваше мнение?" "Я хотела послать открытое письмо Бондареву, а потом решила, что его глаза стыд не выест. Я библиотечкарь, и знаю, что его книги сейчас не берут. Он ренегат, вот в чем дело. Ренегат, предавший свободу и ставший сталинистом. Таких людей

не читают". "Вы много ругаетесь, а сами-то вы разве не благодаря Горбачеву и гласности имеете возможность говорить то, что вы сейчас говорите? Надо все-таки иметь человеческую благодарность. А у нас люди - что им ни дай, все мало". "Октябрь" собирается печатать В. Гроссмана "Все течет". Мне известно, что там есть глава о Ленине. Не кажется ли вам, что одной личности Ананьева, только его решительности будет недостаточно для печатания этой главы? Боюсь, мы так эту главу и не прочитаем".

"В Москве после Ельцина стал Зайков. К вам вопрос как к москвичке: насколько изменились стиль и методы руководства городом? Каковы после Ельцина дела в Москве. Мне хотелось бы составить свое представление о Ельцине". "Зря вы преуменьшаете опасность "Памяти". Позвольте вам напомнить, что фашизм начинался в одном кабачке Мюнхена. Да и "черная сотня" началась действительно со ста человек". "Расскажите, каков процесс назначения главных редакторов. ЦК - последняя инстанция? И как там решают?"

Вот несколько записок из той далекой, другой эпохи. Теперь я езжу выступать очень редко. Не зовут? Зовут, хотя гораздо реже. Я говорю: зачем? Все, что я хочу сказать, все, до чего додумалась, вы можете прочесть в газетах и журналах, услышать по радио. А вот Старовойтова у нас была... Что ж, отвечаю, у Старовойтовой в самом деле есть надобность говорить с аудиторией напрямую, ведь она не журналист. А я ж, поймите, не артистка и не депутатка. Я журналист. Наше с вами общение сейчас абсолютно гармонично: у меня есть все возможности писать, что я считаю нужным, а у вас все возможности читать, что вы хотите.

Но иногда отказываться просто неприлично. Это когда уж очень зовут. Тогда я устыжаюсь и думаю: кто я такая, чтоб людям приходилось меня упрашивать? Приду, говорю, конечно, приду. Только честное слово, я не больше вашего знаю и понимаю.

Недавно вот так я оказалась в клубе института имени Курчатова. Зал там очень большой, билеты тоже продавались в городских кассах, так что публика была разнообразная. А теперь почитайте, какие вопросы задавала мне теперь аудитория.

"Не кажется ли вам, что профсоюзные организации на предприятиях - последний отстойник партократии, последний барьер на пути нашей свободы? Не кажется ли вам, что, лишив КПСС ее прямых структур - райкомов, обкомов, рескомов - мы не лишили ее косвенных структур, то есть профсоюзов? Они могут организовать новый путч. А журналисты спят!" "Запреты на коммунистические митинги только на руку реакции. Коммунисты хотят быть мучениками и демократы предоставляют им эту возможность. Вы согласны?" "Т. И., вы слишком доверчивы. Вам кажется, что люди думают, как вы. Нет. Я работаю двадцать лет в проектной организации. Нас четыреста человек. Там, кроме меня, у вас нет ни одного - ни единого единомышленника. Я одна, понимаете? Одна! Спасибо вам за все". "Что творится в деревне? Землю у колхозов отнимают, техники нет, кормов нет, удобрений нет. Будет ли вообще сев в этом году?! Как на маленьких "фермерских" землях вести севооборот? Кто думает об этом? Люди в деревне растеряны. Ведь это караул, ведь это пожар! Науку

душат! Раньше душили партократы, теперь демократы. Наука попрана! Это не вопрос. Это крик души". "Такого взяточничества, как развелось при новой власти, не было никогда".

"Ложь коммунистическую мы, наконец, сбросили. Когда же, наконец, людьми станем? Хочется нормальной работы, нормальной жизни, а вместо этого - непрекращающаяся борьба. Коммуниста встречаешь в том, кто раньше был абсолютная контра и видел весь этот коммунизм в гробу и в белых тапочках. Теперь идет на красный митинг. Почему?" "Наука гибнет!" "Зачем Ельцин согласился, чтобы Героев России награждали звездой, только с Российским флагом? Долой всю проклятую коммунистическую символику. Глаза б ее не видели". "Не думаете ли вы, что Хасбулатов продался коммунистам?" "Возможен ли новый коммунистический путч?" "Согласна с вами, наше спасение только в разделе войск СНГ по республикам. Иначе - югославский вариант! Но надо же это объяснить людям! Люди же не понимают!" "Можно вывести наши войска из Карабаха. Вот как Карабах из Азербайджана вывести?"

"Свободы добились, а счастья, говорят, нету. А свобода и сама по себе счастье. Я чувствую себя вырванным из тюрьмы, в которой был приговорен сидеть пожизненно. А вы?" "Страна наша, Россия, довольно холодная, но теперь своя! Кончилась семидесятилетняя оккупация. А вам присвоить звание: голос свободы! Я ветеран великой Отечественной войны, старый облезлый дед, ваш постоянный читатель и слушатель. Ни шагу назад! Иначе коммунисты свалят Ельцина и погубят Россию!"

"Эмигрант-писатель В. Максимов пишет статьи против демократии. Зачем его печатают? Своих у нас мало? А Лимонов?! Зачем он приехал? Пусть уезжает обратно, пусть не поднимает людей на гражданскую войну". "Руцкой считает, что незачем судить ГКЧП. Я поражен. Ведь он геройствовал в августе. Неужели настолько утратил бдительность? Надеюсь, его никто не послушает".

"Сегодня вопрос вопросов - суд над КПСС. И мне кажется, когда мы говорим о другом, мы просто теряем зря драгоценное время. Пока нет суда над КПСС, это как незалеченная болезнь. Она вяло течет и возможны рецидивы. Инициативы снизу - предостаточно. Народ за такой суд высказался многократно, ясно и недвусмысленно. Кто же тормозит? Наверху?"

Вспоминаю: как вы относитесь к интервью А. Софронова журналу "Журналист", - и думаю, как реагировала бы сегодня аудитория, если бы я предложила ей поспорить о художественных достоинствах романа "Дети Арбата"... По-другому звучат сегодня новые русские вопросы. Коллективное прозрение шло бурно, стремительно. Оно продолжается и сегодня. Общество проходит труднейшую науку: оно учится отличать свободу от несвободы.

Кое-кто загрустил о былых тихих временах. Софронов... "Журналист"... "Дети Арбата"... Как было спокойно, невинно - и нигде не стреляли. Мне не понять этой грусти. Я всегда смотрела в зал с болью, с комком в горле, с сердцем, сжавшимся от жалости к своим соотечественникам. Задавленные, оболганные, боящиеся сказать слово, готовые носить на руках каждого, кто хоть немного способен преодолеть леденящий страх, жаждущие правды, как путники в жаркой пустыне (извините за

банальность, но мне не до изысков), поголовно лишенные возможности с полной отдачей делать свое дело, всласть работать, постоянно униженные необходимостью подчиняться дуракам и бездарям, стыдящиеся руководителей своей страны, да и самой страны стыдящиеся - жестокой, во все стороны ошетинившейся дулами пушек, поклоняющейся тиранам, дружащей с диктаторами, не умеющей себя ни накормить, ни одеть, ни обеспечить даже мылом... Сегодня они другие, эти люди. Мне дорога их дерзость, потому что даже в ней я вижу признак свободы. Хватит им быть послушными, покорными, кроткими, бесконечно терпеливыми и без меры терпящими. Я не комментировала их нынешние записки. Умный - поймет. Мне-то кажется, что даже и не самому умному по этим запискам видно, что они - другие. Мы - другие...

Вечно вчерашний

Леонид РАДЗИХОВСКИЙ

Разговоры о том, что Горбачев вернется в большую политику ("Я из нее никогда не уходил", заметил он в каком-то интервью), прежде всего вызывают легкое удивление: с чего вы это взяли?

Источник таких разговоров - разумеется, сам Михаил Сергеевич. Он умело перемешивает две мелодии: "я не думаю о новых президентских выборах" и "ну, вот де Голль же вернулся в большую политику, на пост Президента, когда ему было 68 лет. А мне только 61 - время есть". В результате то там, то сям вспыхивают споры: есть ли у Горбачева шансы на "второе рождение"? Все это, видимо, нервнрует Ельцина. Он сделал ряд демаршей против Горбачева - демаршей, которые сработали на пользу Горбачеву (хотя и принесли ему значительно меньше дивидендов, чем в свое время Ельцину принесли гораздо более резкие демарши Горбачева против него).

Так что - есть ли шансы у "нашего де Голля" или это все так, досужие разговоры, тихое развлечение нового "пикейного жилета" от мировой политики?

Кстати, о де Голле... Наши российские "ура-патриоты", ненавидящие Горбачева смертной ненавистью, резонно замечают, что де Голль не развалил Францию, и советуют Михаилу Сергеевичу сравнить себя скорее уж с Петэном. Все это не так остроумно, как зло, и, разумеется, несправедливо - но зато показывает отношение к Горбачеву части общества. И, я думаю, очень значительной части.

Чтобы оценить, есть ли у Горбачева шанс, надо все же понять, кто он - и в историческом, и в человеческом плане. Одно время газеты в СССР пестрели заголовками типа "Загадка Горбачева". В них авторы, "истину царям с улыбкой говоря", почтительнейше оглаживали, но чуть-чуть и критиковали этого "сфинкса". Так продолжалось, пожалуй, до начала 1991 года, когда критика в "средне-умеренной" прессе стала значительно резче, развязней. "Загадку" никто, естественно, не разгадал - как водит-

ся, постепенно пропала охота разгадывать, стало как-то неинтересно. Это уже говорило о том, что Горбачев перевалил зенит своей карьеры, что из фигуры политической он стал фигурой исторической.

А между тем, обычная, к любому человеку относящаяся фраза о "раздвоенности" применительно к Горбачеву звучит особенно убедительно. В самом деле, возьмем тему "Пушкин о Горбачеве".

*Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.*

Сходство настолько бьет в глаза, что не отвертеться, и эти строчки даже упоминали в связи с Горбачевым. Но забывают, что есть и другой портрет:

*Он писан во весь рост. Чело, как череп голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Там грусть великая. Кругом - густая мгла...*

....
*О вождь несчастливый! Суров был жребий твой:
...Непроницаемый для взгляда черни дикой,
В молчанье шел один ты с мыслию великой
...Народ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался над твоей священной сединою.
И тот, чей острый ум тебя и постигал,
В угоду им тебя лукаво порицал...
И долго, укреплен могущим убеждением,
Ты был непоколебим пред общим заблуждением;
И на полпути был должен наконец
Безмолвно уступить и лавровый венец,
И власть, и замысел, обдуманный глубоко, -
И в полковых рядах сокрыться одиноко.*

Слишком романтично и, слава Богу, слишком драматично, по сравнению со сверхблагополучной жизнью Горбачева, которую мы наблюдаем, а близкие к нему люди (А. Кива, который ездил с ним по Японии), говорят, что он и наедине с собой не впадает в меланхолию... Да, слишком романтично и драматично - но ведь все равно, во многом очень похоже!..

Но с точки зрения современника, с моей точки зрения, точнее всех схватил человеческую (а значит, в конечном счете, и политическую) сущность Горбачева все же не Пушкин, а - Гоголь.

Вспомните, когда в губернский город NN въехал человек, сыгравший в его судьбе такую важную, роковую роль, так перестроивший всю жизнь города - уже на пороге два мужика нагадали этому приезжему будущую судьбу всех его великих начинаний: "Вишь ты, - сказал один другому, - вон какое колесо! Что ты думаешь, доедет до колеса, если б случилось, в Москвѹ, или не доедет?" - "Доедет", - отвечал другой. "А в Казань-то, я думаю, не доедет?" - "В Казань не доедет", - отвечал другой".

Все точно. Колесо "перестройки", переехав КПСС и СССР, доехало до Москвы, но развалилось по дороге "в Казань", к более дальним целям.

Тут уж движение пришлось продолжать совсем другим транспортом. Чудесно воспроизводит Гоголь и наружность и все ухватки обтекаемого, округлого господина – *"не красавец, но и не дурной наружности, не слишком толст, не слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод"* – и округлые его речи: *"...начал как-то очень отдаленно, коснулся вообще всего русского государства и отозвался с большою похвалою об его пространстве..."* А разве не узнаем мы Горбачева – особенно самодовольно-счастливого М.С. первых "медовых лет" перестройки вот в этом: *"Целый час был посвящен только на одно рассматривание лица в зеркале. Пробовалось сообщить ему множество разных выражений: то важное и степенное, то почтительное, то с некоторою улыбкою... отпущено было в зеркало несколько поклонов... Наконец, он слегка трепнул себя по подбородку, сказавши: "Ах ты, мордашка эдакий!"*

А оценки окружающих! *"Из числа многих, в своем роде сметливых, предположений было наконец одно, странно даже и сказать, что не есть ли Чичиков переодетый Наполеон..."* Ну и наконец бегство из перебаламученного города: *"Делатель фальшивых ассигнаций, увоз губернаторской дочки, смерть прокурора, которой причиною будто бы он, приезд генерал-губернатора – все это навело на него порядочный испуг. "Ну, уж коли пошло на то, – подумал он сам в себе, – так мешкать более нечего, нужно отсюда убираться поскорей"*

Даже в этом, поневоле метафорическом описании схвачены и главные черты "округлого путешественника" и дан однозначный диагноз: он более не вернется. Я думаю, что в великой трагикомедии российской истории Горбачев займет именно место "Чичикова", который со странным своим предпринятием перебаламутил мертвое царство ("Как вихорь взметнулся долоде, казалось, дремавший город!") – и был таков. Роль далеко не самая плохая, особенно, если сравнить с другими персонажами такого же масштаба, а их в русской истории, пожалуй, и десятка не наберешь...

Итак, в самом большом "метафизическом", если угодно, масштабе, роль Горбачева сыграна. Два раза в один город не въезжают, тем более на одной и той же бричке. А, кстати, "бричка" М.С. осталась неизменной. Удалившись от власти, он не сумел высказать ни единой сильной, да просто свежей мысли. Отношение к российской реформе? Стратегия правильная, но тактику надо корректировать. Оригинальное суждение... Может быть, сильнее всего его интеллектуальная пустота звенела на весь мир в Фултоне. Надо же – рискнуть приехать в "город Черчилля" со своей речью! И, разумеется, ничего не сказать.

Больше того. Конечно, М.С. уже предпочитает не поминать ни "социализм с человеческим лицом" (теперь уж и не поймешь – с чьим именно?), ни другие обязательные фигуры речи периода 1985-91 годов. Но остается другое – новое планетарное мышление. Успешно опробовав его на одной шестой суши, М.С. не прочь расширить эксперимент на весь мир – не зря же он заговорил и о мировом правительстве... Но это уже не Чичиков. Это, понятно, Манилов... Впрочем, ввиду полной несерьезности всех этих... "мечтаний", что ли?.. нет нужды долго останавливаться на данном сюжете.

Однако даже если согласиться с таким пониманием исторической роли Горбачева и его личностных качеств, даже если принять по отношению к

человеку-Горбачеву беспощадную формулу Распутина "Сними с него корону, пусти в кучу - в десятке не отличишь", это все равно не предвещает вопроса о судьбе Горбачева-политика в коротком, ближнем отрезке времени. Да, пусть главная роль в масштабе русской истории сыграна; пусть и личность "без короны" не поражает воображение ни интеллектом, ни силой - ну и что? Ведь даже после формального низложения "монарха" остается "след от короны" - остается социальный вес, популярность, связи с сильными мира сего. То есть на российском политическом небосклоне эта звезда, даже потухшая, сохраняет такую массу, что может изменить траекторию движения других планет.

Однако и реальное политическое положение Горбачева выглядит сегодня безнадежно.

Уже к моменту своего падения он не пользовался никакой поддержкой внутри страны. Его, наконец-то, с опозданием на 6 лет, возненавидели националисты и коммунисты - то есть через шесть лет, благодаря свободе слова, которую дал Горбачев, они смогли прямо выразить свою ненависть. "Широкие массы" усвоили образ Горбачева-барина и ненавидели его за богатство, сытость, за то, что он слишком явно предпочитал американских сенаторов советским шахтерам. Наконец, демократы видели в Горбачеве "последнего коммуниста". Кроме того, имея Ельцина, они не нуждались в Горбачеве.

Горбачев держался на остатках "партийной дисциплины" (остатках, которые он еще не успел уничтожить) и на той части интеллигентов-шестидесятников, для которых Ельцин был недостаточно респектабелен. Странная это была компания - от Вадима Медведева до Роя Медведева. Так обстояло дело до августа 91 года. После августа, а затем ноября-декабря, после окончательного падения, Горбачев потерял и значительную часть этих людей (одни ушли к коммунистам, окончательно и открыто проклявшим своего неверного Генсека, другие - к победителю Ельцину). Сегодня вокруг Горбачева остался совсем уж узкий круг людей, в основном прямо работающих в его "фонде" (А. Н. Яковлев, В. Медведев, Загладин, Ципко, Ревенко и т. д.). Кое-кого из них еще удерживает "аура" Горбачева, блеск его бывшей короны, но большинству просто некуда деваться. Ельцин их не возьмет, "национал-коммунисты" - тем более (да они к ним и сами не пойдут...). Без Горбачева, с его фондом, эти люди просто уходят в небытие, в частную жизнь. Пока они вокруг Горбачева, они еще могут играть некую "общественную роль". Впрочем, то же относится и к нему самому. Нет ни одной партии, которая согласилась бы поднять его как свое знамя, и фактически политического пространства для Горбачева просто не осталось. Все знают, как он "популярен" в народе, и никто не хочет кончать самоубийством, приглашая его к себе "в лидеры". Поэтому, если Горбачев еще держит на поверхности тех, кто работает в его "фонде", то и сам "фонд" поддерживает Горбачева. Так и идут "домиком" Горбачев со своим фондом, опираясь друг на друга.

В масштабах России Горбачев перспективы не имеет. Если Ельцин уйдет "законно", то есть в 1995 году, то к этому времени уже возникнет новая фигура, известная всей стране (и не одна). Тогда последний козырь Горбачева - его широчайшая, пусть даже отрицательная, популярность - перестанет "играть". Если же Ельцина сбросят "красно-коричневые", то

уж тем более они ничего Горбачеву, этому "символу предательства", не предложат.

Но, может быть, Горбачев - серый кардинал номенклатуры? Сам он уже не прорвется, но может стать тем, кто дергает за ниточки? И это не так. Горбачев - не Дэн Сяопин. Такая роль тем более предполагает большой авторитет, которого у М.С. на родине нет - нет не только среди народа, но даже в номенклатурной элите. Его сторонники не занимают ключевых постов в промышленности, финансах - они всегда были далеки от этой среды, занимались больше идеологией. Несомненно, Горбачев имеет влияние на некоторых крупных политиков и чиновников. Правда, эти люди в основном его ровесники (вроде шефа разведки России Примакова), тоже на грани отставки. Но главное состоит в том, что речь не идет о подлинном контроле, руководстве. Речь идет, скорее, об инерции уважения и попытках использовать мощные "западные связи" М.С. Эти связи тоже слабеют; хотя не так быстро, не так цинично отказываются от Горбачева сытые политики Запада, как голодные и злые политики России.

Реально Горбачев мог бы по-настоящему всплыть только в одном случае: если бы всерьез встал вопрос о восстановлении СССР, если бы появилась фигура, "равно удаленная" от всех республик. Тут, пожалуй, Горбачев сгодился бы, - разумеется, не на роль самодержца-президента, "главноуправляющего", эдакого "Генсека одной шестой ООН". Собственно, почти такую роль он и играл весь 1991 год. Но Союз едва ли восстановится, и едва ли во главе Союза поставят того, при ком он рухнул...

Нет, Горбачев сегодня абсолютно безопасен для Ельцина. Более того: такого противника и на заказ не сошьешь, и нарочно не сделаешь. Если бы Ельцин мог его реанимировать и сразаться с ним, то я бы считал, что это самая крупная победа Ельцина. Но думаю, что всерьез реанимировать Горбачева уже невозможно - какие "преследования" против него ни устраивай...

Пожалуй, единственный человек, который до конца не понимает этого, - сам Горбачев (впрочем, вероятно, то же относится и к его родным и близким). Коллеги по "фонду" - от Ципко до Яковлева - не имеют таких амбиций и просто живут, ездят "за границу" и т. д., а М.С., видимо, все еще видит себя большим лидером. Он даже бороться пытается. Скажем, в мае он, по всей вероятности, инспирировал разгромную статью Г. Явлинского, пытавшуюся "камя на камне не оставить" от реформ Гайдара... Однако авторитет Явлинского сегодня немногим больше, чем самого Горбачева...

Впрочем, я надеюсь, что когда осознание конца политической карьеры придет к М.С., это не станет для него трагедией. Он вообще не производит впечатления трагической фигуры. Скорее, это хорошо сбалансированный человек, любящий власть и политику - но только в ряду многих других вещей, которых у него никто не отнимает - славы, богатства, семейного благополучия, комфорта и т. д.

Такой - "фанатически не фанатичный" - человек нечасто встречался в русской истории. Горбачеву выпала довольно распространенная в России роль деструктивного элемента. Царь Мидас к чему ни притронется, все превращал в золото; Горбачев - в труху. Так в его руках распались КПСС, СССР, Съезд народных депутатов, все структуры, которые вокруг него

насоздавали... Сам он создать не мог ничего. Этот высший коммунист, не верящий в коммунизм, да и в имперскую мощь, глубоко проникнутый потребительскими ценностями, фактически использовал власть в личных целях: его Империя стала лишь пьедесталом его всемирной славы. Обычно пьедестал понимался так, что Император стремится расширить Империю и тем самым воздвигает себе "памятник нерукотворный". Горбачев же разрушил "империю зла" и обменял эту империю на свою всемирную славу! Что ж - и такие государи-"деструкторы" были в истории России. Один из них символически выведен Достоевским в "Скверном анекдоте" под видом сентиментально-либерально-гуманного генерала. Но все деятели такого рода "не выдерживали", по выражению Достоевского, собственных реформ.

Горбачев не был первым реформатором в России. Горбачев не был первым "деструктором" в России. Горбачев не был первым "сентиментально-либеральным" русским Императором.

Но вот в чем Горбачев уникален: он прошел свой путь до конца. Начав мирными средствами, он от них не отступился, он не свернул на путь "антиреформы". В этом смысле он был единственным реформатором, который "выдержал". И тогда "не выдержала" его Империя.

Таков исторический путь "величайшего антикоммуниста и антиимпериалиста нашего времени", масштаб личности которого и в малой степени не соответствует масштабу его светло-разрушительных дел.

Москва

ПРОГРАММЫ И ПАРТИИ

После бала КПСС

Г. ИВАНОВ-СМОЛЕНСКИЙ

Семьдесят с лишним лет на одной шестой части света правила бал невиданная, невероятная партия. "Партия-монстр", "партия-государство", как теперь ее называют, в "лучшие" свои годы насчитывала до 19 миллионов человек и распространяла свое парализующее влияние на сотни миллионов людей не только в Советском Союзе и странах Восточной Европы, но и, как выяснилось после открытия лишь части ее архивов, на определенные сферы жизни, политики в государствах-цитаделях демократии и цивилизации.

Монстр умер, по крайней мере, формально. (Хотя уже осенью прошлого года, всего через несколько месяцев после победы над путчем Гуссекретарь России Геннадий Бурбулис оставил на моем диктофоне такие слова: "Яд, сконцентрированный в системе, которую можно назвать "государство КПСС", разлился во все стороны, проник во все поры нашей жизни".) Бал, который этот монстр правил, все же, похоже, закончился.

Что же заполнило место монстра сегодня в России, то политическое пространство, которое долгое время в этой стране было принято называть "партийной жизнью"?

Министерством юстиции России зарегистрировано на сегодня около 850 общественных организаций, в том числе 25 партий. Еще десятка полтора партий действуют без регистрации. В отличие от монолитной и многомиллионной КПСС, все вместе взятые нынешние партии насчитывают не более 400 тысяч человек. Хотя во многих партиях нет фиксированного членства. И поэтому цифра около 400 тысяч обозначает активистов, своими действиями, заявлениями, участием в кампаниях проявляющих принадлежность к той или иной партии.

То ли по сознательному расчету идеологов КПСС, то ли по не шибкой политической грамотности большинства народа до недавнего времени политический спектр в России оценивали, используя терминологию "левые" и "правые" с обратным знаком. Сейчас мало-помалу в головах россиян этот спектр приобретает нормальные, общепринятые очертания.

На левом фланге расположились партии, исповедующие тот или иной вариант социал-демократической идеологии. К их числу можно отнести Социал-демократическую партию России, Республиканскую партию. Изначально в этом же русле развивалась и партия, возглавляемая вице-президентом Александром Руцким, - Народная партия "Свободная Россия". Но с начала нынешнего года она все больше и больше смещалась в правую часть спектра, и в конце концов - во многом благодаря государственноческому менталитету своего лидера - прочно обосновалась там, став одной из основательниц сильного политического блока "Гражданский союз". В той же, левой, части спектра по целому ряду признаков находится и наиболее мощный в свое время ниспровергатель КПСС - движение "Демократическая Россия", тяготеющее, впрочем, больше к левому центру.

А в самом левом центре наиболее заметная политическая величина, и опять-таки во многом благодаря своему лидеру, бывшему мэру Москвы Гавриилу Попову, - Российское движение демократических реформ. Здесь же еще в начале этого года было и Международное движение демократических реформ, основанное в свое время такими крупными фигурами на советской политической сцене, как Александр Яковлев, Эдуард Шеварднадзе, Станислав Шаталин. Но чем больший кризис испытывало движение, организованное сверху, чем все меньшее влияние удавалось ему оказывать на реальную жизнь и политику, тем все больше оно дрейфовало вправо. Наконец, есть еще целый ряд группировок, которые располагаются чуть левее, замыкая собой левый центр, например, Партия труда, Социалистическая рабочая партия.

В пестром российском политическом спектре существует и крайне левый фланг. Его заполняют быстро размножающиеся на еще "унавоженной" прошлым почве различные коммунистические группировки. Сейчас по разным подсчетам коммунистическую идеологию исповедуют от одиннадцати до тринадцати таких группировок. Наиболее организованная из них - Российская коммунистическая рабочая партия. Она стремится к восстановлению довольно развитой региональной структуры - райкомов, обкомов и так далее. Однако степень ее влияния в реальной политичес-

кой жизни довольно ограничена. Вообще же, вспышка почти истерической активности крайне левых в конце весны - начале лета носила свойственный обычно для левых уличный, "бунтарский" характер, апофеозом которого была осада телерадиокомпании "Останкино". Наблюдатели отмечают, что эта активность оставляет явное ощущение инспирированности, отрежиссированности другими, более серьезными силами, по-настоящему намеренными бороться за власть. О самих же крайне левых говорить как о самостоятельной политической силе вряд ли сегодня возможно.

Что касается правой части спектра, здесь есть довольно обширный и мощный правый центр. В нем располагаются партии, исповедующие тот или иной вариант государственной идеологии, становящейся в силу ряда причин все более популярной сегодня в России. Пожалуй, главная из этих причин - в объективных последствиях распада Союза. Во-первых, большой, по сравнению с практически всеми бывшими "братскими", лояльностью в национальном вопросе российских "народных масс", своего рода национальной незащищенностью. Во-вторых, еще большей незащищенностью двадцати пяти миллионов русских, оставшихся жить в "ближнем зарубежье" и, как следствие, чувстве определенной уязвленности всей нации, неповиной в коммунистической имперской политике последних семидесяти лет. В-третьих, использовании ярлыка "державности", "имперскости" России многими лидерами республик бывшего Союза. И наконец, в-четвертых, в отставании российского руководства в вопросе государственной идеологии, в существовавшем до самого последнего времени официальном государственном вакууме.

Все это стимулирует усиление державной идеологии, настроений в российской политике. Все это и привело в правую часть спектра Демократическую партию России, Российское христианское демократическое движение, Конституционно-демократическую партию (партию народной свободы). Здесь же, несколько правее - Российский общенародный союз и Русский народный собор и еще целый ряд более мелких группировок правого направления.

Наконец, есть и откровенно правый фланг, который все державные чаяния и устремления выражает в крайней форме, все теснее смыкаясь в последнее время в своем экстремизме с крайне левым. Это различные варианты "Памяти", прежде всего васьильевской, хотя в последние месяцы она не столь заметна на российской политической сцене. К правому флангу же примыкает и Жириновский, его либерально-демократическая партия. Однако ее идеология существенно разнится с идеологией "Памяти", смыкаясь в основном в вопросе державности.

Впрочем, речь скорее идет о тенденциях, нежели о жесткой классификации. Еще каких-то полгода назад это можно было объяснить эклектикой во взглядах партийных лидеров. Однако сегодня, когда одна за другой в российской политике появилось несколько блоков и партий - например, союз "Обновление", Партия экономической свободы, блок "Гражданский союз", Соглашение демократов в поддержку реформ - с достаточно четко очерченными платформами, объяснение сочетаемости несочетаемого в этих платформах следует, пожалуй, искать среди более объективных обстоятельств.

Основных, на мой взгляд, два. И оба они обусловлены переходностью,

реформистским, незавершенным содержанием периода, переживаемого Россией. О неоформленности государственной идеологии, государственной политики, национальных интересов, да и отчасти государства, как я уже сказал. К этому следует прибавить фактически только начало реформирования огромного народного хозяйства, десятилетиями находившегося в совершенно неестественном состоянии, связанные с этим противоречия в интересах больших социальных слоев (особое, исключительное место бюрократии в государстве на протяжении семидесяти с лишним лет, изничтожение не только собственности, но и самого представления о ней у сотен миллионов людей) и, соответственно, весьма разное восприятие ими первых реформистских шагов. Отсюда - и те "перекосы" в программах целого ряда партий, которые были бы неестественны, скажем, для Европы с ее непрерывной в целом политической традицией.

Так, например, основанный недавно Аркадием Вольским (при участии весьма солидного "генеральского корпуса" директоров из военно-промышленного комплекса) союз "Обновление" по своим взглядам на государство явно относится к правому флангу. Не зря очень скоро после своего учреждения союз "Обновление" заблокировался в "Гражданском союзе" с известными своими державными настроениями Демократической партией во главе с Николаем Травкиным и Народной партией "Свободная Россия" во главе с вице-президентом. Однако все эти партии, как и союз в целом, достаточно далеки от экономического либерализма, что особенно объяснимо в отношении союза "Обновление" в силу социального статуса многих его членов.

На своем учредительном съезде блок "Гражданский союз", как полагают лидеры вошедших в него партий, предложили "здоровую программу консолидации". Главными целями были провозглашены экономическая и социальная стабилизация России, "незамедлительный переход к черновой созидательной работе", укрепление связей руководства страны с обществом. Подчеркивалось также, что "Гражданский союз" "готов поддерживать развитие рыночной экономики, ориентированной на человека, сильного демократического государства". Добавлено было и то, что "политика нынешнего правительства России не способствует реализации этих фундаментальных целей", что партии, входящие в "Союз", представляют собой "конструктивную оппозицию". Однако если отбросить лозунги и призывы и внимательно присмотреться к предлагаемым механизмам реформы, то понять, в чем же, собственно, эта "конструктивность", оказывается достаточно сложно. Главным образом потому, что практически все предложения - закрепления госзаказа, продолжение поддержки убыточных предприятий, списание их взаимных долгов, ощутимый контроль за ценами - сохраняют существенный контроль государства над экономикой и, стало быть, замедляют реформы.

С другой стороны, основанная одним из наиболее удачливых и заметных предпринимателей Константином Боровым Партия Экономической Свободы, будучи весьма либеральной в вопросах государственного строительства (имеется в виду национальная политика, проблемы границ), в смысле экономическом находится однозначно на правом фланге. В сфере регулирования экономики государству ПЭС не оставляет практически ничего, кроме налогов. Цель обозначена предельно ясно: экономическая свобода граждан, передача собственности от государства гражданам.

Когда вскоре после объявления о создании Партии экономической свободы мы встречались с Константином Боровым, ее социальную базу он определил так:

"Сложилась огромная новая социальная группа, объединенная общими интересами. Это люди, осознавшие необходимость экономической свободы, граждане, желающие быть собственниками, а значит и свободными людьми. Квалифицированные рабочие, фермеры, конечно, предприниматели. И - интеллигенция, которая в большинстве пока не имеет прямых деловых, коммерческих интересов, но всегда все понимает первой. Вместе с семьями эта группа, по нашим подсчетам, насчитывает сорок миллионов человек. Это огромная, спасительная для страны настроенная общность".

Если к этой наиболее энергичной, с перспективной ментальностью общности добавить ясную до прозрачности, доступную каждому программу, а также немалые капиталы, готовые поддержать ПЭС, то ее перспективы могут быть крайне обнадеживающими. Важен еще и тот факт, что лидеры партии, мало того что обладают нечастым по нынешним временам нестандартным мышлением, но еще и фактически не имеют "опыта" политиканства при прежнем, тоталитарном режиме. Показательно в этом смысле, что вместе с Боровым сопредседателем Партии Экономической Свободы стал знаменитый хирург, директор МНТК "Микрохирургия глаза" Святослав Федоров. Лояльно относясь к Президенту России, "с пониманием" к правительству, ПЭС однозначно выступает за то, чтобы как можно быстрее освободить реформы от "гирь половинчатости". В качестве первоочередных мер партия предлагает ускоренную приватизацию, демонополизацию и конверсию, борьбу с кредитной экспансией и непомерными налогами на предпринимателей. Партия будет функционировать как парламентская партия западного типа, без жестких вертикальных структур.

Все это делает Партию Экономической Свободы весьма привлекательной для большой и активной части общества. И теперь возможный успех ПЭС будет во многом зависеть, насколько точно она будет выбирать себе партнеров, насколько неskomпрометированными в политике, необремененными политиканским мышлением окажутся ее "коллеги" по политическим блокам. По крайней мере, сейчас ПЭС активно занята поисками именно партнеров и Константина Борового, оставляющего все свои предпринимательские посты, можно видеть практически на всех партийных съездах и "тусовках".

И здесь нельзя не остановиться на событии, происшедшем в "партийной жизни" России в июле. Событию весьма примечательном и обнадеживающем. Я имею в виду Форум демократических сил в поддержку реформы.

За год после путча мне довелось побывать практически на всех мало-мальски значительных форумах демократов. И едва ли не все они оставили печальное впечатление - либо заканчивались жестокой сварой из-за Бог знает каких пустяков, либо тоской беспредметных разговоров доводили до сна. Причина? Совсем недавно в разговоре со мной ее, полагаю, точно определил один из лидеров "Демократической России" Лев Пономарев:

"После путча должна была произойти переориентация многих демократических сил. Взамен направления разрушительного - борьбы против КПСС, за отрыв от центра во главе с Горбачевым - теперь демократы должны были настроиться на созидательную работу. И оказалось, что не все были готовы к этому".

Инерция разрушительности до сих пор присутствует в действиях многих демократов. Большинство из них почти целый год никак не могли найти приложения своим силам. И поэтому обижались на Президента, "которого они выдвинули, поддержали и который забыл их", на правительство, на весь белый свет...

И вот потерянная было цель начала вновь обретать очертания. Очевидная активизация, особенно ее крайних, экстремистских сил - коммунистов и национал-патриотов, эшелонирование их действий, распределение ролей, а главное, переход к действиям, требованиям осязаемым, зримым - все это довольно быстро восстановило в политическом зрении демократов знакомый образ, если не врага, то опасности. Кроме того, после полугодия тяжелых, но безуспешных экономических реформ на горизонте перед демократами забрезжила возможность повседневной реальной политической деятельности, утерянная с тех пор, как отпала нужда в митингах на Манежной и в Лужниках. С недоступного понимания большинства "рядовых граждан" макроуровня, от финансово-кредитных и прочих эмпирий экономическая политика правительства медленно, но верно стала приближаться к таким близким и ясным каждому понятиям, как собственность, земля, завод... Вплотную подошло то время, когда от десятков тысяч демократов потребуется объяснить миллионм своих сограждан, как проводить приватизацию, акционирование, где брать кредит и другие житейские вещи. И демократы почувствовали, что ситуация в обществе меняется: чем ближе реальные реформы, тем отчаяннее сопротивление их противников. И наконец-то встряхнулись.

Форум, проведенный в Москве в начале июля, собрал беспрецедентно широкое число участников (более сорока партий, движений, общественных организаций) и прошел в не менее беспрецедентном согласии и конструктивности. Большинство из участников подписали Соглашение о поддержке реформ, состоящее из 24 пунктов и открытое к подписанию всеми желающими по сей день. Наконец, столь же беспрецедентным было и участие в Форуме крупного правительственного "десанта" во главе с Егором Гайдаром и Геннадием Бурбулисом. Правительство, осознав, что атаки на его политику ведутся в основном не с экономических, а с политических и "идейных" позиций, поняло, что и ему необходима "идеологическая поддержка" демократов, без которой, по словам Гайдара, двух-трехлетний период стабилизации не проскочить.

Таким образом, в политической жизни России произошел важный, хотя и не выписанный окончательно, поворот. Все более четко обозначаются два блока политических сил, которые условно можно назвать правительственный и оппозиционный. Когда в конце весны мы беседовали с советником Президента России Сергеем Станкевичем, говоря по-старому, "отвечающим" за политические партии и общественные организации, он сделал такой прогноз:

"Судить о политическом влиянии партий пока довольно сложно. Скорее можно говорить о распространенности тех или иных взглядов, идей и о том, насколько эти взгляды и идеи выражаются различными российскими партиями. Потому что на сегодняшний день ни одна партия в России не имеет до конца осмысленной и четко сформулированной идеологической платформы.

То, что в российском политическом спектре два довольно многочисленно заселенных центра - левый и правый, и более ограниченные по масштабам своего влияния фланги, в принципе не плохо. Потому что одновременно с постоянными размежеваниями и расколами появляется тяга к формированию довольно обширных коалиций. Но нормальная многопартийная система у нас сложится, когда появится несколько партий, которые будут иметь развитую региональную структуру по всей стране. Тогда российская политическая жизнь приобретет стабильность. Но это следующий этап. Нужно еще как минимум две общероссийские избирательные кампании, чтобы процесс формирования партий приобрел зримые очертания".

Как видим, во многом прогноз этот оправдывается и сегодня. Жизнь поправляет его, пожалуй, в одном: для формирования двух крупных, сплоченных избирательных блоков, похоже, может понадобиться и меньше, чем две избирательные кампании. Потому что сегодняшняя российская действительность, ход реформ заставляют политиков, партии делать все более жесткий выбор.

Одним, пусть неровный и изнурительный, но путь в сторону цивилизации, опробованных вариантов развития оставляет все меньше времени для торможения. И поэтому столь решителен и категоричен в недавнем разговоре со мной был один из лидеров оппозиции председатель "Российского общенародного союза" Сергей Бабурин:

"Ситуация с оппозицией до элементарного проста. О своей оппозиционности правительству говорят многие, но настоящей оппозицией являются только те силы, которые требуют отставки правительства. Что же касается оппозиции вне Верховного Совета, то в этот блок вошли Российский общенародный союз, Российский народный собор, Социалистическая партия труда, Российская коммунистическая рабочая партия и несколько особняком "Трудовая Россия", которая пикетировала "Останкино". В связи с тем, что и политическая, и экономическая ситуация в стране будут ухудшаться, перспективы оппозиции я бы оценил как благоприятные".

Но и другой, демократической стороне подобный оптимизм не оставляет выбора, заставляет действовать более решительно, сплоченно. Словом, действие, как и положено, рождает противодействие. И поэтому все более определенно разграничивающаяся на два основных блока политическая жизнь в России обещает в ближайшее время еще немало острых ошибок, коллизий. Особенно после окончания летних каникул парламента. Однако, на мой взгляд, перспективы у блока: умеренные демократы - новые предприниматели - правительство реформ - выглядят куда более предпочтительно. В первую очередь, потому, что перед ними - историческая перспектива, путь, испытанный и проверенный цивилизацией, в то время как за их оппонентами - знакомый России до страшной боли бал КПСС.

Москва

"Деловое представительство" в Программе НТС

А. АРТЕМОВ

НТС - Народно-Трудовой Союз российских солидаристов - возник как Национальный Союз Русской Молодежи в зарубежье в 1930 году. Это было время мирового экономического и политического кризиса, окончательно установления тиранической формы большевистской диктатуры в России, больших успехов большевистской охраны в диверсионной и террористической деятельности против эмиграции.

Государственно-политические структуры демократического мира обнаружили свою несостоятельность в преодолении катастрофических социальных бедствий. Либерально-плюралистическая механика парализовала законодательство и управление, превратила парламенты в "говорилины" и арены междоусобной борьбы политиканов и их неудержимо дробящихся партий. Кризис классических демократий способствовал успехам тоталитарных течений слева и справа.

В этих условиях молодежь из НТС принялась искать новые решения в государственном строительстве. Среди "Идеологических положений" первого, учредительного съезда Союза первым же пунктом значилось:

"Установление твердой центральной власти, стоящей над партиями и классами".../1/

Партии не устранились, но над ними должна была главенствовать твердая верховная власть, которая, по разным приметам, мыслилась в виде либо конституционной монархии с расширенными полномочиями, либо президентской республики с подчинением правительства президенту.

Однако такая верховная власть все же нуждалась в опоре на народное представительство, хотя и без партийного засилья. Вождистские, тоталитарные режимы отвергались, но мягкий авторитарный режим профессора Салазара в Португалии, который вывел из кризиса и оздоровил страну, привлекал внимание; в частности - его "корпоративным строем": наряду с Национальным собранием, избираемым прямым голосованием, существовала Палата корпораций из представителей местных самоуправлений и трудовых объединений. Политический и деловой аспекты были ясны.

Но еще больше внимания было уделено русскому правотворчеству, особенно проекту советника царя Александра I М. М. Сперанского, который в начале прошлого века предложил, в частности, создать ступенчатую систему народного представительства: волостное собрание граждан выбирает волостную думу, делегаты волостных дум образуют уездную думу, делегаты уездных дум - губернскую думу, делегаты губернских дум - Государственную думу. Всюду господствует деловой подход, избиратели близко знают избираемых и оценивают их по моральным и дело-

вым качествам. Для своего времени эта система была оптимальной, но и на дальнейшее она сохраняла положительные стороны.

Ее анализировали и одобряли русские историки и правоведы, в частности профессор Н. Н. Алексеев, который считал, что она была бы "правлением специалистов" и "была бы избавлена от основного порока демократии, где носителями власти являются по большей части дилетанты, избираемые не в силу их знаний и навыков, но сообразно вкусам и временным интересам текущего дня"/2/. Разумеется, такие категорические суждения относятся, в первую очередь, к временам мирового кризиса классической демократии.

Как бы то ни было, но в "Программных положениях" 1938 года Союз предусматривал:

"Деловое и ответственное представительство в верховных учреждениях. Деловое представительство есть избрание депутатов в верховные учреждения не партиями, а национально-трудовыми организациями, местными самоуправлениями и т. д. Под ответственным представительством понимается то, что избранный депутат верховных учреждений несет ответственность перед организацией, его пославшей, и может быть ею отозван"/3/.

В годы войны творческие группы Союза, разбросанные по Европе от Парижа до Смоленска и включавшие в себя как эмигрантов, так и "советских", работали по заданной из союзного центра схеме над проектом всеобъемлющей Программы НТС. Но завершить дело не удалось, особенно потому, что весной 1944 года гестапо, в ходе повальных арестов, бросило в тюрьмы и лагеря все центральное руководство НТС.

Первые, предварительные разработки были собраны и классифицированы в изданной восковочно-ротаторной техникой "Схеме национально-трудового строя". Там были разночтения и противоречия, но общее отношение к партиям и прямым выборам было негативным: их просто игнорировали (эмигранты по указанным причинам, а "советские" по опыту сталинской "пропагандной бутафории").

Лишь после войны, когда была восстановлена союзная организация, летом 1946 года Совет на своем съезде принял Программу НТС, которая, без существенных поправок, была опубликована в марте 1948 года в прессе и вслед за тем издана брошюрой/4/.

Ради обстоятельного уяснения трактуемой темы приведем полностью программный раздел "Выявление воли нации":

"Российская нация представляет собой и целостную культурно-историческую личность", и механическую сумму граждан и общественных групп, ее составляющих. Поэтому полное и всеобъемлющее выявление воли нации не может быть монопольно-односторонним; в настоящее время оно должно происходить по следующим путям:

1. Непосредственный путь - всенародные голосования (плебисциты) привлекают всех граждан страны к решению судьбоносных вопросов национального бытия.

Современные средства связи позволяют, таким образом, возродить в новых формах классическое народоправство, осуществить выявление воли нации и общение государственного руководства с народом, минуя всякое посредничество. Здесь народ представительствует сам за себя.

Кроме того, опросы широких кругов населения и компетентные референдумы дают возможность учета народного и общественного мнения.

2. **Деловое представительство**, осуществляемое через инстанции самоуправления, трудовых и иных общественных организаций, отражает подлинные интересы и нужды бытовых и трудовых групп населения.

Деловое представительство:

- основано на естественной деловой взаимосвязи руководящих кругов всякого общественного объединения и его составных частей;
- формируется в условиях делового контакта избирателей с избираемыми;
- способствует качественному деловому отбору организационных кадров ведущего слоя нации.

Деловое представительство есть ступенчатое представительство: оно строится иерархически по инстанциям организованных сообществ.

Каждое представительственное учреждение этой линии, на любой ступени (кроме первичной), составляется из делегатов нижестоящих представительственных учреждений, с кооптацией (самопополнением) за счет достойных и полезных для его работы членов данного сообщества в целом. Руководящие органы на всех ступенях избираются в условиях личного общения и знания кандидатов.

Перевыборы руководства и пересмотр кооптата происходят лишь по истечении определенного срока совместной работы их с новыми делегатами. Перевыборы руководства автоматически являются перевыборами рядового состава вышестоящих учреждений, так как представительство осуществляется руководителями. Таким образом, состав вышестоящих представительственных учреждений всегда качественно выше состава нижестоящих, что соответствует идее качественного отбора.

Деловое представительство есть органическое представительство: оно отражает и оформляет органическую структуру нации, изменяясь соответственно изменению этой структуры.

Состав и взаимоотношения представительственных учреждений этой линии соответствуют составу и взаимоотношениям органического общественного целого и его частей.

3. **Прямое представительство**, дающее возможность каждому гражданину лично участвовать в его формировании, призвано:

- установить более тесный контакт народной массы с центральным руководством;
- предоставить пути выражения независимого общественного мнения и легальной оппозиции;
- нейтрализовать естественную бюрократизацию иерархических учреждений.

Прямое представительство основано на свободных всеобщих, равных, прямых и тайных выборах.

Непосредственное влияние граждан на государственный аппарат наиболее полно осуществляется ими при использовании политических гражданских свобод: свободы политических убеждений, свободы слова и печати, свободы собраний, манифестаций и объединений.

Политическим объединениям предоставляются законные возможности влиять на общественное мнение и государственное строительство, но государство решительно пресекает всякие демагогические и террористические попытки установить партийную диктатуру.

По мере дальнейшего становления российской нации как органического един-

ства будут постепенно изменяться и пути выявления ее воли. Сейчас можно лишь предвидеть, по мере роста социальной ткани нации:

- преодоление механического начала разобщенности и, параллельно этому, снижение значения механических путей выявления воли нации;

- укрепление начал органической целостности и, соответственно этому, возрастание значения органического представительства и непосредственного волеизъявления нации".

Развитие общественно-политической жизни пошло не совсем так, как оно виделось почти полвека назад. Творцы Боннской конституции ФРГ, оставив свободу партиям (кроме тоталитарных), установили порог для их участия в законодательном учреждении в виде пятипроцентной нормы полученных голосов; это стабилизировало парламент и образуемое им правительство, поскольку лишило карьеристского смысла партийное дробление и междоусобицу. Примеру ФРГ последовали другие страны.

Широкое распространение телевидения предоставило возможность народной массе непосредственно наблюдать деятельность депутатского корпуса, оценивать ее, реагировать на нее. Избиратели стали лучше знать избираемых; избираемые стали больше зависеть от избирателей.

Постепенная эволюция соответствующих глав в программах НТС 1950, 1959 годов завершилась в программе 1974 года кратким изложением трех путей выявления воли нации, но в обратном порядке, как бы снизу вверх по солидаристической идеологии: 1) "Прямое представительство", 2) "Ступенчатое представительство", 3) "Всенародное голосование". Термин "деловое представительство" был снят по политико-психологическим соображениям, и все три пути поименованы лишь исходя из формальных признаков. Первый абзац главы 14 о законодательных учреждениях излагает кратко их структуру:

"Законодательная власть осуществляется общегосударственными законодательными палатами, из которых одна (палата народных представителей) составляется на основе прямого представительства, а другая (палата самоуправления) - на основе ступенчатого представительства".

Под ступенчатым представительством понимается непрерывная лестница, или пирамида, муниципальных органов, образуемых из делегатов нижестоящих ступеней этой линии. Между тем, в практику прочно вошли прямые выборы населением (гражданами) представительственных учреждений для всех ступеней территориального деления страны. Возникает коллизия, устранить которую проще всего путем "прерывной ступенчатости".

В проекте конституции Российской Федерации предусматриваются две высшие законодательные палаты: Государственная Дума (палата народных представителей) и Федеральное Собрание (палата земель); обе создаются путем прямых выборов. Используя эту терминологию, можно думать о Федеральном Собрании из делегатов земельных управлений, о создании в каждой области наряду с областной думой также областного собрания из представителей управительных органов (исполкомов) районных дум. То же - о районных собраниях из делегатов волостных дум.

Здесь сохраняется деловой характер народного представительства, который был присущ пореформенному российскому земству. Он нейтра-

лизует скатывание представительственных учреждений прямой линии к партийно-политическому форуму ("базар" у римлян).

Ныне в Италии и Германии уже возникли конфликты между верховной властью (президент) и парламентом из-за "эгоистического политиканства и пренебрежения общенародными интересами" у партийных фракций. В то же время западногерманская печать всегда отмечала деловой характер и даже деловой дух в работах бундесрата (федерального совета из представителей правительств федеральных земель).

По нынешнему правосознанию, представительственные учреждения, образуемые путем прямых выборов, являются основными и решающими на своем уровне. Но вторая палата (пока что лишь на высшем уровне) призвана уравновешивать политические решения соображениями делового характера, порой пользуясь правом "сuspензии" – задержки введения в действие того или иного закона, возвращения его на пересмотр, со своими соображениями.

Как бы то ни было, принцип делового представительства, адаптировав к современным условиям в форме прерывной ступенчатости, стоило бы сохранить в Программе НТС, поскольку он отвечает солидаристическим взглядам на государство и его федеративное устройство.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Газета НТС "За Россию" № 1, март 1932; "Посев" № 4, 1990.
2. Н. Алексеев. "На путях к будущей России", 1927; "Теория государства", 1931.
3. "За Россию" № 71, октябрь 1938; "Посев" № 4, 1990.
4. "Посев" № 13, 28.3.1948.

Нужно Учредительное Собрание

А. СЕРЯКОВ

Два года работает теперь уже не совсем новый городской Совет. Два года, а событий хватило бы и на двадцать. Избранный под лозунгом "Вся власть Советам" и... впрочем, посмотрим все по порядку.

Итак, избран городской Совет на первых формально свободных выборах. Бутафорские структуры советской власти получили новое интеллектуальное и эмоциональное содержание. Действовавшие в то время законы предоставляли некоторую свободу в формировании структуры Совета, но существовал обком КПСС с его еще не утраченным влиянием и властью. По существу только с этого момента началась действительная борьба за власть между Советами и партийными структурами.

Тогда же и была допущена первая ошибка. Суть ее в том, что строительство Совета шло по образу и подобию существующих структур, в

Автор – депутат Санкт-Петербургского городского Совета.

том числе и партийных, повторяя структуру прежнего Совета. Таким образом, формировался не орган представительной власти, а некоторое учреждение, где председатель Совета - директор, председатели комиссий - руководители подразделений, освобожденные депутаты - сотрудники учреждения, ну, а президиум, например, - ученый совет. В итоге, городской Совет начал приобретать черты предприятия по производству решений, а к борьбе за власть с обкомом партии прибавилась внутренняя борьба за должности.

Последующая работа показала, что Совет в своей деятельности постоянно вторгается в сферу интересов исполнительной власти, провоцируя конфликты и пытаясь превратить исполнительную власть в послушного подчиненного. Следует сразу оговориться, что использование понятия "законодательная власть" применительно к городскому Совету, принимающему частные законодательные положения, достаточно условно.

С другой стороны, такая практика может быть оправдана в той мере, в какой структуры, внешние по отношению к Совету и подотчетные ему, представляли собою "административно-командную систему" и, естественно, навязывали Совету такую организацию. Попытка вести работу по другому принципу - политическому - принципиальных изменений в работе законодательной власти не внесла. Президиум, избранный из представителей фракций, не смог изменить характер работы Совета. Как и президиум, состоявший из председателей комиссий, он практически воспроизводил все недостатки прежнего.

Августовский путч, изменивший расстановку сил на политической сцене и вынудивший партийные структуры КПСС, точнее - обломки структур, перейти к скрытым формам деятельности, создал ситуацию, в которой городской Совет имел возможность исправить прежние ошибки, но, увы, этого не произошло. В чем причина?

Дело в том, что Совет в целом никогда не задавался вопросом - "а то ли мы делаем?", не сформулировал для себя цели и, что естественно в этой ситуации, способы их достижения. Именно такой подход вынудил бы законодательную власть взять на себя труд анализировать свою деятельность, ситуацию в городе в различных сферах его жизни и вырабатывать представление о том, как и когда можно инициировать в городе тот или иной процесс, например, приватизацию жилья, снабжение города продовольствием и т. п. Иными словами, Совет должен был провести определенную работу по изучению города, его экономической, социальной и политической конструкции, тенденций и процессов, происходящих в различных сферах городской жизни. Опираясь на такое знание, мы приобрели бы возможность эффективно влиять на ситуацию.

Последнюю точку в строительстве "административно-командной системы" со всей присущей ей атрибутикой поставил Верховный Совет РФ, предписав избрать малые Советы. Как следствие процесса структурного строительства в органе представительной власти произошло разделение депутатского корпуса по положению во внутренней иерархии, сопровождавшееся перераспределением различных материальных благ и условий работы. Члены президиума обзавелись отдельными кабинетами, в соответствии с решением президиума. Короче: "процесс пошел".

Разделение депутатского корпуса автоматически приводит к формиро-

ванию аналогичной иерархии и среди избирателей. Появляются избиратели "высшего сорта", если их депутат, к примеру, председатель Совета, и "низшего", если их депутат ушел работать в мэрию и лишен депутатских полномочий или просто не избран. Очевидно, что проблемы одних решаются сравнительно просто и быстро, а других - не решаются вовсе. Созданная структура приводит к тому, что Совет превращается в орган власти, которым можно манипулировать. Складывается ситуация, когда большее значение приобретает факт самих выборов депутата на ту или иную должность в Совете, а не то, что каждый депутат выбран определенным числом избирателей. То есть происходит извращение сущности представительной власти.

В процесс принятия решений вовлекается все меньше депутатов и, как следствие, появляются депутаты, отстраненные от дел. Часто приходится слышать, что Совет чрезмерно велик по численности, приводятся примеры аналогичных структур в других странах со значительно меньшим числом депутатов. Как правило, это "благополучные" страны и города. Действительно, чем меньше численность такого органа, тем проще принимать решения. Но при этом забывают, какая часть собственности в городе является государственной, а какая - муниципальной, как структурировано гражданское общество, сколь велико число граждан, нуждающихся в социальной защите. Именно ответы на эти вопросы позволят в принципе говорить о разумной численности. По мере продвижения по пути приватизации, формирования политических партий, развития структуры гражданского общества будет разумным и сокращение численности депутатов.

При этом нельзя не учитывать, что ряд депутатов самоустранился от участия в работе Совета, а ряд депутатов появляется в Совете, только когда рассматриваются вопросы, непосредственно затрагивающие их интересы. Иными словами, городской Совет по существу утрачивает роль представительного органа законодательной власти. Действительно, парламенты или подобные образования более низкого уровня создаются не просто для того, чтобы принимать решения по вопросам, относящимся к их компетенции, а для того, чтобы эти решения принимались полным составом представительного органа. Только тогда принятые решения несут в себе компромисс между различными социальными группами, разумное разрешение проблем различных территориальных образований. Поэтому одним из условий для начала работы сессии Совета является наличие кворума. Хотя, даже с учетом всех приведенных выше аргументов, численность Совета велика и затрудняет его деятельность.

Такое противоречие между численностью представительного органа и его работоспособностью также толкает Совет к построению внутренней иерархии и ведет к выхолащиванию демократической сущности представительной власти. Иными словами, сохранить и усилить демократические тенденции в рамках "советской власти" - задача сложная и практически не решается сегодня ни в плане законодательства, ни организационно. В то же в мировой практике можно найти, при желании достаточное количество убедительных примеров эффективной работы органов представительной власти, подобных по своей численности нашему городскому Совету. Следовательно, необходимо использовать такой опыт.

Депутаты, в среднем, часто бывают за границей, но положительные результаты таких поездок можно отнести к классу "НЛО". Во всяком случае, информация такого содержания в Совете не распространялась. Очевидно, что эффективная работа городского Совета возможна только при условии четкой организации и структурирования, но при этом крайне важно учитывать, что любая форма организации Совета не должна приводить к перераспределению полномочий между депутатами. Даже если они сами на это согласны.

Наглядным доказательством того, что процесс, происходящий в городском Совете, не случаен, служат примеры развития других Советов различного уровня, в первую очередь Верховного Совета Российской Федерации, Съезда народных депутатов РФ. По существу все сказанное выше сводится к одному вопросу: способны ли Советы эволюционировать в демократическую власть или необходимо искать иной путь, но уже без Советов?

Конечно, дело не в названии. Вопрос о плавном перерастании Советской власти в демократическую, со всеми присущими ей механизмами сдержек и противовесов, сбалансированности исполнительной, законодательной и судебной властей, не может быть решен в рамках существующей Конституции. Всякая попытка внесения изменений в конституцию будет превращаться в перетягивание каната между исполнительной и законодательной властями. В этой ситуации не обязательно видеть происки каких-либо сил, тайные замыслы "врагов реформ" и т. д. Все гораздо проще. Решая свои задачи, каждая из властей просто в силу самой природы власти будет пересекать запретную черту и стремиться к полновластию.

В такой ситуации нельзя обвинять каких-либо политиков или органы власти, так устроен мир и общество. Задача, сегодня стоящая перед обществом, в том, чтобы привести к балансу устремления такого рода и заставить их работать на пользу всему обществу. Выход в нашей ситуации только один. **Учредительное собрание** - вот простой и разумный вариант дальнейшего развития политических реформ.

Что же стоит за этим понятием? По существу - это собрание людей, избранных прямым и тайным голосованием всего населения, имеющего право голоса. Задача, стоящая перед Учредительным собранием, только одна - принятие новой Конституции и Закона о выборах. После выполнения этой работы Учредительное собрание автоматически распускается.

В итоге мы будем иметь новую Конституцию, которую лишь в отдельных частях и при достаточно сложной процедуре можно будет менять. Конституция превращается в высший Закон, стоящий над всеми властными структурами страны и регулирующий взаимоотношения между ними. Важно, чтобы во время выборов в Учредительное собрание и в период его работы все ныне действующие органы власти продолжали функционировать. То, что мы видим сегодня, проистекает в большой степени не от бестолковости людей, пришедших к власти, а от бездарной организации этой власти. Общество имеет возможность и должно извлечь пользу из этого опыта. Если же говорить о депутатах, то и здесь идет процесс взаимного обучения. Власть учит избирателей, а избиратели, можно надеяться, учтут свои промахи на следующих выборах.

Дорогой читатель!

Прошло уже больше года с тех пор, как журнал "Посев" начал поступать в открытую продажу на территории нашей страны, с 1992 года появилась возможность оформить свободную подписку.

В целях совершенствования нашей работы мы хотели бы узнать мнения читателей о журнале в целом, как о его положительных сторонах, так и о его возможных промахах и огрехах. С этой целью мы публикуем читательскую анкету. Ответы помогут нам составить мнение о нашей читательской аудитории. Если на наши вопросы захочет ответить кто-либо из Ваших родственников и друзей, можно переписать их и прислать отдельным листом.

Ждем ваших писем. Спасибо за помощь!

Редколлегия журнала "Посев"

АНКЕТА ЧИТАТЕЛЯ ЖУРНАЛА "ПОСЕВ"

1. Какие рубрики журнала вызывают у Вас наибольший интерес?

2. Перечислите названия запомнившихся статей из прочитанных Вами номеров.

3. Статьи каких авторов вызывают у Вас наибольший интерес (перечислите фамилии)?

4. Перечислите названия статей, вызвавших у Вас резкое возражение.

5. Каковы, на Ваш взгляд, основные недостатки журнала?

6. Что Вы думаете о периодичности журнала: стоит ли ее сохранить или стоит сделать журнал ежемесячным и с какими концептуальными изменениями?

7. Оформление журнала и формат - какие изменения Вы могли бы нам посоветовать?

8. Иные замечания и предложения:

Что Вы можете сообщить о себе?

1. Возраст: до 20 лет, 20-30, 30-40, 50-60, старше 60 (нужное подчеркните)
2. Пол: мужской, женский (подчеркните)
3. Национальность (не по паспорту, а по самосознанию) _____
4. Профессия или основной вид занятий _____

5. Место жительства: деревня, село, небольшой город, областной город, Санкт-Петербург, Москва (подчеркните)
6. Как Вы относитесь к Народно-Трудовому Союзу российских солидаристов?

7. С какого года Вам знаком журнал "Посев"? _____
8. Назовите два других издания, которые Вы читаете кроме "Посева"

**Ваши анкеты просим посылать по адресу:
117602 г. Москва, В-602, абонентный ящик 325, М. В. Горбаневскому**

Приднестровье: зона конфликта

Марина ПЕРЕВОЗКИНА

В марте нынешнего года к "горячим точкам" бывшего СССР прибавилась еще одна - Приднестровье. Узкая полоска земли на левом берегу Днестра, входящая ныне в состав независимой и суверенной Молдовы, стала объектом внимания прессы и предметом политических спекуляций. Непримируемое противостояние органов государственной власти Молдовы и структур провозглашенной в Левобережье Приднестровской Молдавской республики привело к вооруженным столкновениям. Конфликт между левым и правым берегами Днестра, развивающийся в течение нескольких лет, вылился в гражданскую войну - с использованием тяжелой военной техники и артиллерии, с многочисленными жертвами среди мирного населения, зверскими пытками и убийством пленных.

Ныне входящие в состав Республики Молдова территории по обоим берегам Днестра имеют разную историю.

Южная часть Левобережья (Тираспольский и Дубоссарский районы) отошла к России по условиям Ясского мира 1791 года. В 1793 году к России отошла северная часть Левобережья, бывшая до того владением Польши. По Бухарестскому мирному договору 1812 года территория между Прутом и Днестром (Бессарабия) также отошла к России.

2 декабря 1917 года на территории Бессарабии была образована Молдавская Демократическая Республика. 24 января 1918 года парламент республики - Сфатул Церий - провозгласил ее независимость. 27 марта 1918 года Сфатул Церий проголосовал за объединение Бессарабии с Румынией*. Левобережье в Румынию не вошло. В 1924 году на левом берегу Днестра была создана Молдавская автономная республика в составе Украины.

23 августа 1939 года СССР и Германия подписали Договор о ненападении. В третьем пункте секретного дополнительного протокола этого договора, известного как Пакт Молотова-Риббентропа, отмечалась заинтересованность СССР в Бессарабии. Надо сказать, что советская официальная историография всегда рассматривала объединение Бессарабии с Румынией как оккупацию Румынией территории Бессарабии. 26 июня 1940 года советское правительство в ультимативной ноте потребовало от правительства Румынии передать СССР Бессарабию и Северную Буковину. Румыния уступила давлению силы: 28 июня 1940 года Красная Армия вошла

* Автор упускает тот факт, что вхождение Бессарабии в состав Румынии было провозглашено тогда, когда данная территория была оккупирована румынскими войсками. Румыния, воспользовавшись развалом российской армии, начала оккупацию Бессарабии в декабре 1917 г., а Кишинев был занят 13/26 января 1918 года. - *Ред.*

на территорию Бессарабии, Северной Буковины и уезда Херца. Население этих мест пережило все, что пришлось пережить населению других оккупированных Советами территорий: массовые депортации, уничтожение интеллигенции, искусственно организованный голод 1947 года.

Верховный Совет СССР, провозгласив 2 августа 1940 года образование Молдавской ССР, узаконил расчленение оккупированных территорий. Согласно принятому Верховным Советом закону об образовании союзной Молдавской Советской Социалистической республики, в состав СССР вошли город Кишинев и Бельцкий, Бендерский, Кишиневский, Кагульский, Оргеевский и Сорокский уезды Бессарабии, а также расположенные на левом берегу Днестра город Тирасполь и Григориспольский, Дубоссарский, Каменский, Рыбницкий, Слободзейский и Тираспольский районы, ранее входившие в состав Молдавской АССР (нынешнее Приднестровье). Северная Буковина, а также входившие в состав Бессарабии Хотинский, Измаильский и Аккерманский уезды отошли к Украине.

Так по воле сталинского режима Приднестровье оказалось в составе Молдавии. Расчленяя оккупированные территории и произвольно объединяя их с территориями тогдашней Украины в единую Молдавскую республику, Сталин рассчитывал навечно привязать Бессарабию к СССР. Посредством этих территориальных манипуляций закладывались мины замедленного действия, которые неизбежно должны были сработать при любой попытке Бессарабии покинуть "союз нерушимый".

Население Приднестровья этнически неоднородно, и состав его в значительной мере отличается от этнического состава Правобережья Молдавии. Если в целом по Молдавии, согласно переписи 1989 года, молдаване составляют 64,5%, русские 13%, украинцы 13,8%, то в Левобережье русские и украинцы (примерно 23 и 26% населения) составляют большинство по отношению к молдаванам (около 39%). Русские и украинцы Левобережья, наряду с представителями других населяющих его народов, являются не "пришельцами" и "мигрантами", а коренным населением.

Движение сепаратистов Левобережья возникло в 1989 году первоначально как реакция русскоязычного населения Молдавии на принятые Верховным Советом республики законы "О статусе государственного языка Молдавской ССР" и "О функционировании языков на территории Молдавской ССР". В соответствии с этими законами государственным языком был объявлен молдавский. В течение непродолжительного времени всей Молдавии необходимо было перейти не просто на молдавский язык, но и на латинскую графику. Практически во всех крупных городах республики прошли забастовки с требованием изменения закона. В Тирасполе забастовки возглавил ОСТК (объединенный совет трудовых коллективов), руководимый ведущим инженером завода "Электромаш" Владимиром Рыляковым. В начале 1990 года на выборах в местные и республиканские советы в Приднестровье в основном победили люди, поддерживавшие ОСТК. В мае 1990 года на заседании молдавского парламента депутаты от Левобережья предложили создать в Приднестровье свободную экономическую зону. Надо отметить, что Приднестровье является высокоразвитым экономическим районом и производит 37% всей продукции Молдавии, занимая 12% ее территории. При этом все годы, что Приднестровье было в составе Молдавии, оно отдавало Кишиневу 92% своей

прибыли. В создании свободной экономической зоны Приднестровью было отказано.

Затем произошел ряд инцидентов, когда сторонники Народного фронта Молдовы, поджидавшие у здания парламента выходивших депутатов, избивали представителей Приднестровья. В июне в селе Парканы под Тирасполем состоялся съезд депутатов Приднестровья. Депутаты заявили, что объявляют Левобережье свободной экономической зоной и отказываются приезжать на заседания парламента до тех пор, пока им не будут даны гарантии безопасности. В это же время гагаузы добивались создания автономии в местах своего компактного проживания, которые находятся на юге Молдавии. После того, как Верховный Совет Молдавии принял постановление, в соответствии с которым в образовании гагаузской автономии было отказано, в районах компактного проживания гагаузов провозглашается Гагаузская республика. 3 сентября 1990 года чрезвычайный съезд депутатов всех уровней Левобережья провозгласил Приднестровскую Молдавскую Советскую Социалистическую республику (ПМССР) в составе СССР со столицей в Тирасполе. Верховный Совет Молдавии признал этот съезд и его решения антиконституционными. По указанию правительства Молдавии, возглавляемого в то время премьер-министром Мирчей Друком, были сформированы отряды добровольцев (волонтеров), которые двинулись к границам Гагаузии, чтобы сорвать готовящиеся там выборы в Верховный Совет республики. Волонтеры и части молдавского ОМОНа были остановлены возведенными на дорогах баррикадами из тяжелой техники, которые охранялись гагаузскими дружинниками. На помощь гагаузам двинулись отряды из городов Приднестровья. Однако первое закончившееся человеческими жертвами столкновение жителей Левобережья с молдавским ОМОНам произошло не в Гагаузии, а в приднестровском городе Дубоссары. 2 ноября вооруженный автоматом ОМОН ворвался в город через Дубоссарский мост. Трое горожан погибли от огнестрельных ранений. Молдавское руководство объяснило эту акцию необходимостью защиты конституционных органов власти города.

Противостояние продолжалось и углублялось. Созданные осенью 1990 года рабочие отряды самообороны не были расформированы и в дальнейшем стали основой гвардии Приднестровья. 25 ноября были проведены выборы в Верховный Совет ПМССР.

В качестве одной из причин создания Приднестровской республики ее лидеры указывают на нежелание населения Левобережья оказаться в составе Румынии. Народный фронт Молдовы, проповедующий идеи национального возрождения, провозгласил национальную и языковую идентичность молдавского и румынского народов и взял курс на объединение Молдавии с Румынией. Этот курс, формально провозглашенный на 3-м съезде Народного фронта в феврале 1992 года, до этого уже давно существовал на уровне деклараций отдельных лидеров.

Одним из наиболее активных сторонников идеи воссоединения является нынешний лидер Христианско-демократического Народного фронта Молдовы Мирча Друк, занимавший в 1990-1991 годах пост премьер-министра Молдавии. С именем этого политика многие связывают обострение национальных противоречий в республике. Его же считают организатором

волонтерского похода на гагаузов, а в Приднестровье на Друка возлагают ответственность за дубоссарское кровопролитие 1990 года. Отставка Друка с поста премьер-министра в начале 1991 года сопровождалась публикациями в ряде газет, в том числе и в столичном "Коммерсанте", материалов, изобличающих его в сотрудничестве с КГБ. Был опубликован текст письма к Пельше, в котором Друк, исключенный из КПСС за "пропаганду национализма", просит вернуть ему партийный билет, ссылаясь в качестве заслуги на свою службу в органах. После отставки Друк стал председателем национального Совета воссоединения с Румынией, а весной этого года был выдвинут на пост президента этого государства, приняв, помимо молдавского, еще и румынское гражданство. Сторонник жесткой линии по отношению к Приднестровью, Мирча Друк возглавляет правую оппозицию нынешнему руководству Молдовы, являясь реальным претендентом на пост президента республики в случае отставки Мирчи Снегура.

Приднестровские сепаратисты указывают, что уже сейчас гимн, флаг и административно-территориальное деление Молдовы идентичны румынским, готовится введение единой денежной системы, между республиками существуют открытые границы. По их мнению, ни политическая линия нынешнего президента республики Мирчи Снегура, в своей предвыборной программе достаточно твердо взявшего курс на государственную независимость Молдовы, ни тот факт, что представители Народного фронта составляют меньшинство в парламенте, не являются достаточными гарантиями того, что Молдова в скором времени не окажется в Румынии.

В отличие от Бессарабии, 22 года составлявшей с Румынией единое государство, Приднестровье никогда не принадлежало Румынии, исключая период оккупации румынскими фашистами во время второй мировой войны. Этот период, когда войска маршала Иона Антонеску, воевавшего на стороне нацистской Германии, заняли Бессарабию и Приднестровье, оставил в сознании жителей Левобережья, в том числе и молдаван, тяжелые воспоминания. Румынская армия вела себя на левом берегу Днестра, как на оккупированной территории. Имели место массовые репрессии, целенаправленное уничтожение еврейского населения. Надо сказать, что и современная Румыния, совсем недавно освободившаяся от людоедского режима Чаушеску, - это все-таки не Германия, искупившая фашизм в национальном покаянии. Страх перед возрождением фашизма, в сознании рядового жителя левого берега ассоциирующегося с Румынией, находит пищу и в некоторых негативных явлениях, сопровождающих процессы национального возрождения в Молдове, таких, например, как недавнее предложение национал-христианской партии установить в Кишиневе памятник маршалу Антонеску и назвать его именем одну из улиц.

О нежелании жителей Приднестровья объединяться с Румынией свидетельствуют и результаты одного из проведенных там референдумов. Впрочем, вполне вероятно, что и на правом берегу большинство населения не стремится в Румынию; однако нет никаких гарантий, что этот вопрос будет решаться демократическим путем, т. е. в соответствии с желанием большинства. Хотя парламент Молдовы в мае 1992 года и принял

закон о референдуме (при яростном противодействии депутатов от Народного фронта), до сих пор неясно, будет ли вынесен на референдум волнующий Приднестровье вопрос. Единственной надежной гарантией того, что Приднестровье не окажется помимо воли в Румынии, было бы предоставление ему статуса члена федерации с правом выхода из Молдовы в случае объединения последней с Румынией. Именно этого и добились лидеры Левобережья до последнего времени.

Стремясь заручиться поддержкой центра, Приднестровье всегда выступало против распада СССР. На горбачевском референдуме Приднестровье проголосовало за сохранение Союза. Многие на левом берегу искренне приветствовали августовский путч, так как путчисты обещали сохранение единой державы. Однако все это, а также сохранение Приднестровской республикой герба и флага бывшей МССР не обязательно свидетельствует о какой-то особой приверженности приднестровцев к старым порядкам. Никто из лидеров Левобережья не достигал в своей карьере таких партийных высот, как нынешний президент Молдовы Мирча Снегур, в прошлом секретарь ЦК республиканской партии. Президент Приднестровской республики Игорь Смирнов, в прошлом директор завода, в 1990 году был исключен из КПСС "за сепаратизм" ЦК молдавской компартии.

После провала августовского путча Молдова объявила о своем выходе из СССР. В ответ на это Левобережье провозгласило независимую Приднестровскую Молдавскую республику (ПМР). Осенью и зимой 1991 года в ПМР был проведен референдум, на котором 97,7% принявших в нем участие высказались за независимую республику. Проведены также прямые альтернативные президентские выборы, в результате которых президентом был избран Игорь Смирнов.

По мнению Смирнова, которое он неоднократно высказывал на пресс-конференциях и в интервью, главная причина расхождения между ПМР и Республикой Молдова состоит в том, что "в Молдове превыше всего ставят права нации, а в Приднестровье приоритетными считают права человека". По мнению Смирнова, конфликт с Молдовой не является межэтническим. В Приднестровье объявлены государственными три языка: русский, молдавский и украинский. Среди лидеров ПМР много молдаван: вице-президент А. Караман, председатель Верховного Совета Г. Маракуца, командующий гвардией Ш. Кицак и другие. Много молдаван в приднестровской гвардии, в ополчении. В то же время в молдавской полиции служит немало славян. В ответ на обвинения в "коммунистической ориентации", якобы существующей в ПМР, Смирнов говорит, что в Приднестровье раньше, чем в других регионах бывшего СССР, была проведена экономическая реформа, большинство крупных предприятий стали акционерными обществами, существует немало частных предприятий. Это единственный в бывшем СССР регион, у которого бюджет сведен с прибылью. Даже сейчас, когда идет война, уровень жизни в Приднестровье выше, чем в Молдове или на Украине, а падение производства составило всего 4%.

Новые кровавые столкновения с полицией произошли в Дубоссарах в декабре 1991 года, а с марта 1992 года на территории ПМР ведутся настоящие боевые действия. По словам государственного секретаря ПМР Вале-

рия Лицкая, в этом конфликте у ПМР "нет задачи победить, задача - отбиться". Об этом свидетельствует и тот факт, что боевые действия ведутся исключительно на территории Приднестровской республики, хотя есть случаи обстрелов приднестровцами правобережных сел Молдовы. Молдавские вооруженные формирования удерживают на левом берегу два плацдарма - населенные в основном молдаванами села Кошница и Кочиеры, поддерживающие Кишинев; на правом берегу в руках сепаратистов до недавнего времени находился город Бендеры; теперь же, после попытки захвата Бендер молдавской армией, приднестровская гвардия контролирует город не полностью.

По версии официального Кишинева, в Приднестровье имеет место не гражданская война, а борьба "вооруженных бандитских формирований" против "конституционных органов власти Молдовы". Долгое время молдавские средства массовой информации создавали видимость, что в борьбе с сепаратистами используются только "республиканские силы правопорядка" - части полиции и ОМОН. Эта тактика Молдовы противопоставлялась действиям сепаратистов, на стороне которых сражались отряды казаков и добровольцев из России и Украины. В действительности почти с самого начала в боевых действиях на стороне Молдовы принимали участие волонтеры из числа гражданских лиц; включалась в конфликт, по мере ее формирования, и молодая молдавская национальная армия, создаваемая на базе дислоцированных на правом берегу Днестра частей бывшей советской армии, переданных под юрисдикцию Молдовы. В частности, Молдове был передан 86-й истребительный авиаполк в Маркулештах (около 30 истребителей МИГ-29). Самолеты этого полка во время битвы за Бендеры в июне нынешнего года сбросили бомбы на мост через Днестр, задев при этом болгарское село Парканы. Значительное количество боевой техники, оружия и боеприпасов Молдова получила из Румынии, что подтвердили румынские официальные лица. Участие армии в ликвидации вооруженных формирований "иноземных сепаратистов" было санкционировано указом президента Молдовы Мирчи Снегура от 28 марта 1992 года, которым он также ввел прямое президентское правление и чрезвычайное положение на территории всей республики. Наспех мобилизованные, необученные новобранцы молдавской армии были использованы при захвате 19 июня города Бендеры. Что же касается отделов полиции, не перешедших под юрисдикцию ПМР (сейчас такой отдел сохранился только в Бендерах), то они используются молдавской стороной в качестве пятой колонны, возможно, вопреки желаниям самих полицейских, становящихся заложниками в чужой игре. Например, комиссар бендерского горотдела полиции Виктор Гусляков, прося у Кишинева помощи для отражения нападения гвардейцев, вряд ли предполагал, какую форму примет эта помощь: молдавская армия и ОМОН захватили весь город; мимоходом расстреливая мирных жителей, осадили горсовет (то есть орган законно избранной власти), разграбили, вывезли оборудование, сожгли ряд промышленных предприятий; разгромленные магазины, детские и медицинские учреждения, сотни убитых и раненых, тысячи беженцев - вот результат этой "помощи".

Ожесточенность войны подогревается местной прессой. Молдавские

газеты и телевидение, радио и газеты Приднестровья интенсивно работают на создание "образа врага": "румынско-фашистских захватчиков", с одной стороны, "безродных сепаратистов", "манкуртов", "иноземных оккупантов" - с другой. Смакуются подробности злодеяний, зачастую преувеличенные или просто вымышленные. Пресса искажает информацию: человек, живущий в Кишиневе и пользующийся только молдавскими газетами и телевидением, имеет о происходящем превратное представление. Например, программа молдавского телевидения на русском языке "Месаджер" в начале апреля сообщила, что Бендеры заняты молдавской полицией, что не соответствовало действительности, а газета "Независимая Молдова" в середине мая, когда молдавская сторона обстреливала жилые кварталы Дубоссар ракетами "Алазань", писала, что в городе идут уличные бои. В Приднестровье односторонность местной прессы восполняется тем, что можно слушать молдавское радио, смотреть телевидение, до бендерской трагедии можно было свободно купить и выписать любую из молдавских газет. В Молдове газеты Приднестровья не продаются.

Что же касается российских средств массовой информации, которые Кишинев обвиняет в искажении фактов в пользу сепаратистов, то вот текст заявления семи российских журналистов о ситуации, сложившейся в их редакциях:

*Обращение к средствам массовой информации
журналистов, работавших в Приднестровско-молдавском
регионе*

В последнее время ряд наших коллег столкнулся в своих редакциях с прямым или завуалированным давлением по поводу материалов из Приднестровья. Журналистов обвиняют в чрезмерных симпатиях к Приднестровской Молдавской республике, защите прокоммунистического тоталитарного режима ПМР, поощрении регионального сепаратизма, неуважении международно признанного суверенитета Молдавии и принципов СБСЕ и ООН. Под этими предлогами репортеров усиленно "выправляют", вытесняют с данной темы. Кроме того, по принципу "выравнивания" стараются предоставлять слово сторонникам противоположной точки зрения. Эти последние, не особо утруждая себя аргументами, с энтузиазмом, достойным лучшего применения, доказывают, что Кишинев гораздо лучше Тирасполя хотя бы потому, что там "не коммунисты". Настораживает, что этот процесс происходит синхронно в разных редакциях.

В связи с этим мы считаем необходимым заявить следующее:

Журналистская объективность не заключается в строгом уравнивании точек зрения разных сторон. На наш взгляд, она состоит в выявлении и освещении реальных проверенных фактов с последующими выводами лишь на их основе. А они таковы.

1. Никакого прокоммунистического режима в ПМР не существует. Более того, там едва ли не единственный в бывшем СССР режим здравого смысла, который не ставит политику впереди экономики и социальных вопросов. Именно поэтому

ПМР поддерживает население Левобережья, в том числе и подавляющее большинство тамошних молдаван, составляющих 40 процентов населения ПМР.

2. Конфликт между Кишиневым и Тирасполем не является межэтническим и не сводится к противостоянию русских и молдаван. В боевых действиях с обеих сторон участвуют как молдаване, так и славяне.

Это вылившийся в гражданскую войну конфликт двух идеологий, одна из которых проповедует принцип "нация выше всего", а вторая провозглашает приоритет прав человека над правами нации.

3. Кишиневский режим не является фашистским. Но именно этот режим отдал приказ на захват с обстрелом и бомбардировкой города Бендеры, юридически принадлежащего Молдавии. Он же наспеш мобилизовал необученных новобранцев и бросил их в конечном счете под гусеницы танков 14-й армии. Именно этот режим формирует террористические группы, действующие на территории собственной страны против собственного народа. До такого "букета" не додумывались ни Сомоса, ни Каддафи. Единственной аналогией может служить борьба режима Саддама Хусейна с курдскими и шиитскими сепаратистами. При такой реальности ссылаться на уважение суверенитета по меньшей мере неэтично.

А посему мы считаем, что принцип искусственного "выравнивания" позиций Кишинева и Тирасполя в данном случае неприемлем, и выражаем протест редакторам тех изданий, которые вновь берут его на вооружение. Напоминаем, что средства массовой информации уже "выравнивали" позиции Карабаха и Азербайджана, Южной Осетии и Грузии. И в том, что сейчас там происходит, заслуга в том числе и наша.

Агрессор должен быть назван агрессором, геноцид - геноцидом, режим, совершающий преступления против собственного народа, заслуживает звания преступного. А права человека должны защищаться в любой стране, невзирая на ее суверенитет. Мы, прошедшие кроме Приднестровья не одну горячую точку, считаем именно так.

Ефим Бершин - "Литературная газета"

Этибар Джафаров - "Итоги", Останкино

Сергей Егоров - "Новости", Останкино

Александр Кротошкин - "Московские новости"

Александр Мнацаканян - "Московский комсомолец"

Кирилл Светицкий - "Собеседник"

Александр Харченко - ИТАР-ТАСС

Многих удивило, что имевший до того твердую репутацию центриста Мирча Снегур внезапно круто изменил курс. Вводом чрезвычайного положения в республике (указ от 28 марта) и призывом сограждан к священной войне против "иноземных сепаратистов" президент продемонстрировал готовность разрешить проблему Приднестровья силовыми методами и вызвал резкий виток напряженности. Еще к большему обострению ситуации привело сделанное им 20 мая заявление об "агрессии 14-й армии" (на самом деле приднестровцы, чтобы прекратить обстрел Дубоссар из установок "Алазань", вывели на позиции 10 танков 14-й армии, захвачен-

ных, конечно, не без попустительства военнослужащих). Наконец, и военная акция в Бендерах вряд ли могла быть предпринята без санкции Снегура. Эта перемена в поведении президента означает, что он испытывает давление "национал-радикальных" сил, группирующихся в основном в Народном фронте. Однако после трагедии в Бендерах приверженцы "маленькой победоносной войны" вряд ли смогут легко осуществить свои намерения по причинам чисто техническим: при любой попытке подавить Приднестровье с помощью военной силы на стороне сепаратистов выступит 14-я армия, новый командующий которой, генерал-майор Александр Лебедь, заявил об этом совершенно недвусмысленно. Поэтому в Приднестровье снова перемирие, тяжелая техника от линии фронта отведена, проводится чистки: демонстрируя миролюбие, Снегур снял с должностей главных кишиневских "ястребов" - министра обороны Иона Косташа и министра национальной безопасности Анатола Плугару, сделав их козлами отпущения за гибель жителей Бендер. Чистки проводит и другая сторона: арестован командир бендерской гвардии Костенко, который обвиняется в совершении уголовных преступлений. В прессе появились сообщения, что гвардия Костенко и является таинственной третьей силой, постоянно провоцирующей новые столкновения. Думаю, что это было бы слишком простым объяснением. Конфликт не удастся погасить не только потому, что уголовным элементам в условиях войны легче грабить и мародерствовать. Существуют могущественные политические силы, заинтересованные в том, чтобы конфликт продолжался. Искать такие силы только на левом берегу Днестра было бы ошибкой. Поэтому на фоне миротворческих инициатив, на которые кишиневское руководство пошло под давлением России и Украины, на обоих берегах Днестра стороны наращивают свой военный потенциал.

Из этого замкнутого круга есть единственный выход: определение статуса Приднестровского региона в соответствии с желанием большинства проживающего там населения. Это желание может быть определено путем референдума, проведенного в соответствии с демократическими нормами.

ОТ РЕДАКЦИИ: Апелляция к "исторической справедливости", "законным правам" и "жизненной заинтересованности" в какой-либо территории - прямой путь к эскалации национальных конфликтов. Организация Африканского Единства после распада колониальных империй выдвинула тезис о нерушимости государственных границ, проведенных колонизаторами без учета границ этнических. Считалось, что это предотвратит межгосударственные территориальные споры и военные конфликты и будет способствовать солидарности вновь образованных государств континента. Кровопролитная война в Биафре, война между Сомали и Эфиопией в пустыне Огаден, война в Эритрее - вот лишь немногие примеры того, к чему может привести подобный принцип решения территориально-этнических проблем. Единственный принцип, который срабатывает во всем мире, это признание того, что принадлежность любой территории должна определять воля людей, данную территорию населяющих.

О национальном вопросе в России

Анатолий БАЙКАЛОВ

Со времени Французской Революции 1789 года в умах цивилизованных людей утвердилось представление о том, что все люди должны быть свободными и обладать гражданскими правами. Это представление с отдельных человеческих личностей скоро было перенесено и на все группы личностей, в первую очередь на народности. Либералы и радикалы XIX века верили, что каждая народность обладает неотъемлемым и неоспоримым моральным правом на свое политическое самоопределение, и потому горячо приветствовали всякое освобождение угнетенных и поработенных народностей от чужеземного ига. Их легалистскому уму представлялось, что государства должны быть организованы на базе единой народности и что каждая народность должна иметь свое собственное государство.

Люди XIX века не замечали никакого противоречия между объективным фактом народности и субъективным правом на самоопределение, а потому твердо считали, что человек польской или венгерской народности обязательно хотел быть гражданином польского или венгерского независимого государства. Не замечали они и того, что принцип национального политического самоопределения весьма нередко для отдельных людей был политическим рабством и экономическим несчастьем.

Версальский мирный договор был венцом торжества принципа национального самоопределения. В Европе был образован ряд мелких самостоятельных государств по признаку единой народности, и многие границы, без учета факторов географии, стратегии, а также без согласия населения, были перекроены.

"Новые политические границы в Европе были определены так, что только три процента всего населения континента живет теперь под иностранным владычеством. С точки зрения национального самоопределения ни одни прежние европейские границы не были столь удовлетворительны", - писал в своем трехтомном исследовании "Истории Европы" английский профессор Г. А. Л. Фишер (том 3, с. 1161).

Творцы Версальского договора исходили из предположения, что люди, материнский язык которых был, скажем, польский или словенский, обязательно желали быть гражданами Польши или Югославии и потому в

А. В. Байкалов (1882-1962), русский политический деятель либерального направления, публицист. Эмигрировал с армией ген. Миллера, жил в Англии.

своих решениях относительно новых государственных границ руководствовались данными последних переписей населения. В некоторых местах, относительно которых имелись те или иные сомнения, было решено устроить плебисциты и спросить жителей мест, гражданами какого государства они хотели бы быть.

Результаты этих плебисцитов, проведенных под наблюдением агентов Лиги Наций в идеально свободных условиях, были поразительны. В Алленштейне по переписи 1910 г. значилось 46% населения, считавшего своим материнским языком польский. Тем не менее за воссоединение с Польшей голосовало немногим более 2%. В Клагенфурте словенцев по переписи было 68%, а за присоединение к Югославии голосовало меньше 40%. Эксперт Лиги Наций С. Уомба ("Плебисциты после Мировой войны", сс. 202 и 493) писал, что *"языковая статистика дала слабые указания относительно национальных симпатий... В некоторых округах Верхней Силезии, Алленштейна и Клагенфурта результаты голосования были диаметрально противоположны тому, что показывали цифры языковой статистики"*.

Вывод, который можно сделать из опыта этих плебисцитов, подтверждает теоретическое предположение, что обязательного совпадения принципов народности и нации на самом деле не существует. Люди различных народностей часто хотят быть членами одной нации, не той, к которой они этнически принадлежат.

Признание права на самоопределение народности влечет за собой вопрос: "какой именно народности?" Этот вопрос требует не основанного на доктринерских желаниях ответа, а ответа, соответствующего фактам реальной действительности. В конечном счете гражданские права, в том числе и право на самоопределение, это права отдельных человеческих личностей, а не права групп. Поэтому прежде, чем утверждать право какой-либо народности на самоопределение, нужно узнать, желают ли члены этой народности самоопределиваться в качестве самостоятельного государства. Нужно также сообразить, не пострадают ли существеннейшие права граждан в результате создания народностью самостоятельного государства, и установить, возможно ли будет существование такого государства на собственной политической и экономической основе. Кроме того, необходимо принять во внимание и интересы других соседних народностей и государств. Право на самоопределение, как и всякое другое право, тесно связано с обязанностью и с ответственностью.

Версальская конференция, приняв принцип самоопределения за абсолют, совершенно упустила из виду то обстоятельство, что при существующих в настоящее время в мире условиях малое государство не может обладать ни необходимым, обеспечивающим его безопасность военным могуществом, ни экономической независимостью. Авторы Версальского мира не понимали ни исторически сложившейся в Европе экономической системы, ни необходимости влить созданные ими малые национальные государства в эту систему, в результате чего и случилось то, что абстрактное право на национальное самоопределение вошло в резкий конфликт с военными и экономическими реальностями.

Проблема малого независимого государства впервые возникла на Венском Конгрессе в 1815 году. Разрешена она была в том смысле, что все

международные отношения определялись "концертом великих держав" без участия и согласия малых государств, которые пользовались, однако, полной независимостью и самостоятельностью в своих внутренних делах. Если между великими державами возникала война, малые государства сохраняли в ней нейтралитет, который уважался воюющими. При существовавших в XIX веке условиях малые государства пользовались реальным, хотя и ограниченным, суверенитетом.

Но первая мировая война 1914-1918 гг. нанесла серьезный удар господствовавшему в прошлом веке порядку. Бельгия и Греция были насильственно вовлечены в войну, Румыния и Болгария приняли в ней участие добровольно, ибо правительства их полагали, что интересы их стран требовали этого. Оставшиеся нейтральными малые государства, хотя и избежали причиненных войной разрушений, все же сильно пострадали от войны экономически. Во всяком случае несомненно, что старая идея нейтралитета и независимости малых государств получила в результате войны большой шок. После войны уже появилось реальное, хотя еще и не достаточно осознанное ощущение, что концепция нейтралитета и независимости малых стран должна быть подвергнута основательному пересмотру.

Попытка разрешить проблему независимости умножившихся после 1919 года малых государств была предпринята Лигой Наций, объявившей, что всякая война была "касающимся всей Лиги делом" и что "член Лиги, начавший войну и тем нарушивший свои обязательства", должен *ipso facto* "считаться совершившим акт войны против всех остальных членов Лиги". На практике это означало, что малые государства должны были, в случае войны между великими державами, вступить в войну против "агрессора" в союзе с "жертвами агрессии". Независимости их и возможности соблюдать строгий нейтралитет был положен конец установленной Лигой Наций системой коллективной безопасности.

Но система эта была непрактична и нереальна. Основанная на иллюзии сохранения установленного в Версале порядка на вечные времена, она предполагала, что членами Лиги будут все семь великих держав мира. На самом деле США никогда в Лигу не входили, СССР вступил в нее только в 1935 году и в 1939 году был из Лиги исключен, Япония, Италия и Германия вышли из Лиги сами, и только Англия и Франция оставались в ней все время. Вторая иллюзорная опора системы заключалась в крайней неопределенности термина "агрессия", что лишало систему всякой и моральной, и практической ценности. Но самой большой иллюзией было предположение, что каждое входившее в Лигу государство могло, в случае необходимости, немедленно вступить в войну. На самом деле современная война требует длительной к ней подготовки, что для маленького государства политически, да и физически, невозможно. Не удивительно поэтому, что в тридцатых годах, когда опасность войны стала реальной, малые государства самым категорическим образом заявили о своем намерении оставаться нейтральными. Понадобился трагический опыт 1939-1940 годов, чтобы показать, что возвращение к идеям XIX столетия о независимости и нейтральности малых государств в современных условиях стало абсолютно невозможным.

Огромный прогресс техники современного военного дела создал условия, при которых иллюзорность независимости малых государств сделалась очевидной. Основное из этих условий - это быстрый рост неравенства в военном отношении между большими и малыми государствами. Если в XIX веке, когда главным оружием атаки была винтовка пехотинца, а средством обороны - крепость, малые государства могли оказать серьезное сопротивление могущественному агрессору, то теперь, в век танковых полчищ, реактивных аэропланов и различных видов атомного оружия, возможность сопротивления малых государств сведена к нулю.

Как показал опыт 2-й мировой войны, ни одна из малых стран Европы не могла защитить свою независимость от нападения на нее оснащенных современными средствами разрушения армий великой державы. Эстония, Латвия и Литва пали жертвами советской, а Дания - гитлеровской агрессии без всякого сопротивления. Героическая Финляндия боролась против советской армии всего четыре месяца. Сопротивление Польши, Бельгии, Голландии, Норвегии, Югославии и Греции длилось и того меньше, хотя почти всем этим странам и была оказана довольно значительная помощь со стороны Англии и Франции. В настоящее время малое государство может надеяться защитить себя от нападения великой державы только в том случае, если оно заранее вручит руководство своей обороной другой великой державе или коалиции великих держав, и таким образом лишит себя военной, а следовательно и политической независимости.

Еще в большей мере независимость малых государств умалена экономическим фактором. Это заметил еще в 1919 году ныне покойный английский экономист Д. М. Кейнс, который в своей наделававшей много шуму книге "Экономические последствия мира" писал:

"Будущее Европы могло бы быть совершенно иным, если бы Ллойд Джордж и Вильсон понимали, что самая серьезная из всех проблем, которые стояли перед ними, была не политическая или территориальная, а финансовая и экономическая, и что будущие опасности таились не в суверенитетах и границах, а в пище, угле и транспорте" (с. 134).

Сейчас, через 32 года после Версальского мира, совершенно очевидно, что, если бы в 1919 году приоритет был дан не удовлетворению политических требований различных сепаратистов, а проблемам, обеспечивающим экономическое благополучие живших в Средней и Восточной Европе людей, то вторая мировая война почти наверняка не произошла бы.

До 1914 года экономическая независимость еще могла укладываться в известные рамки. Все цивилизованные нации принимали тогда золотой стандарт, не обесценивали своих бумажных денег и не отказывались платить свои долги. Право передвижения и иммиграции из одной страны в другую не было почти ничем ограничено. Протекционные пошлины везде были умеренны. Лицензии, квоты и субсидии были почти неизвестны. Никакая великая держава и не думала о применении своей экономической мощи в качестве средства международной политики.

Совсем другие условия возникли после первой войны. Великие державы стали во все увеличивающихся размерах использовать свою экономи-

ческую мощь как против других великих держав, так и против малых государств, а малые нации - друг против друга. Все страны воздвигли на своих границах высокие стены таможенных пошлин, отказались от золотого стандарта, стали обесценивать свои деньги, контролировать и производство, и торговлю. Свободная иммиграция была совершенно прекращена. В то же время экономическая мощь стала концентрироваться ускоренным темпом. Результатом всего этого было то, что удовлетворение претензий на национальное самоопределение бесконечно осложнило мировые экономические проблемы, и кризис 1929-1931 годов трагически засвидетельствовал злокачественность созданной в Версале системы задолго до того, как она была разбита нацистским железным кулаком.

Как писал американский ученый С. Д. Г. Хэс в сборнике "Международное Умиротворение" (№ 369, апрель 1941 г., с. 238), *"современная эволюция национализма создала безвыходное положение между популярным желанием организовывать малые культурные единицы и необходимостью установления больших экономических соединений"*. Сейчас, после 2-й мировой войны, стало совершенно очевидным, что ничем не ограниченная экономическая самостоятельность большого числа малых государств сделалась не совместимой не только с развитием, но даже с самим существованием демократической цивилизации.

Я думаю, что экономические результаты неограниченного права на национальное самоопределение, в конце концов, имеют гораздо большее отрицательное значение, чем влияния факторов военного порядка, ибо экономика самым непосредственным образом отражается на повседневной жизни обыкновенных людей. Земной шар с каждым годом становится меньше в своих размерах, в то время, как потребности в условиях более благополучного существования у всех людей углубляются и расширяются. Малые государства такого благополучия обеспечить не могут в силу ограниченности своих ресурсов, и у молодых поколений добившихся своей национальной государственности народностей уже остро чувствуются резкое недовольство своим положением.

Проповедовавшаяся в XIX веке идея, что "народность" и "государство" должны обязательно совпадать, в наше время стала во всех отношениях идеей реакционной. Наличие более или менее однородных этнических или языковых групп, связанных общей традицией и желанием развивать свою культуру, не может более служить неоспоримым аргументом в пользу образования такими группами своих собственных государств. Кроме того, ударение надлежит делать не на абстрактном характере права на национальное самоопределение, а на диктуемых реальной жизнью ограничениях этого права. Необходимо признать факт неизбежности подчинить военную и экономическую политику малых государств интересам более обширных по своим размерам человеческих обществ, прежде всего больших, составленных из многих народностей государственных.

Удовлетворение культурных нужд вовсе не требует того, чтобы каждая отдельная народность имела для этой цели свое собственное государство. Для этого во всяком демократическом государстве имеются другие возможности и способы. Почти все цивилизованные люди принад-

лежат к различным группам и весьма легко сочетают налагаемые на них одной группой обязанности с обязанностями по отношению к другим группам. Цивилизованный человек может быть членом какой-либо церкви, культурного общества, спортивного клуба, профессиональной организации и в то же время быть лояльным гражданином составленной из многих народностей нации, как это мы видим хотя бы в таком культурно и экономически процветающем государстве, как США. Там англичане, шотландцы, ирландцы, негры, евреи, поляки, итальянцы и люди доброй сотни других народностей, сохраняя свои религии, языки, культурные и другие традиции, в то же время являются лояльными членами единого американского государства-нации, которое обеспечивает для них все блага политической свободы и высокого стандарта жизни.

"Все несчастья нашего времени, - писал в своей книге "Национальные государства и национальные меньшинства" английский социолог Макартни, - происходят от неправильного представления о национальном государстве, от отождествления политических идеалов всех граждан государства с национально-культурными идеалами большинства граждан. Если отказаться от отождествления этих двух фундаментально различных вещей, то не будет никаких препятствий к тому, чтобы члены десятков различных народностей не жили вполне мирно и гармонично в пределах одного государства" (с. 450).

Когда будут твердо установлены диктуемые военной и экономической потребностями функции центральной власти, осуществление малыми группами нации своих специфических нужд и стремлений может быть без особых затруднений достигнуто.

Я изложил выше весьма кратко и схематично преобладающие в передовых кругах англо-американского общественного мнения теоретические взгляды на проблему национального самоопределения. Экономисты и историки, социологи и государственоведы считают твердо установленным факт крайней реакционности тех национальных идей, которые в XIX веке считались прогрессивными. Диктуемая и военными, и, в особенности, социально-экономическими нуждами тенденция прогресса человечества заключается в консолидации, а не в раздроблении существующих государств-наций на слабые в военном отношении, политически ретроградные и экономически беспомощные национально самоопределившиеся маленькие государства. Практические политики идут дальше. Атлантический Пакт, план Шумана, экономическое сотрудничество наций и т. п. - все это реальные шаги в направлении к объединению существовавших много столетий независимых европейских государств в единую федерацию, в единое, составленное из многих внутренне самостоятельных единиц, европейское государство-нацию.

Таким образом, современная теория устройства социально-политического бытия людей и практическая политика демократических стран стоят в резком противоречии с устарелыми и глубоко реакционными стремлениями украинских и других сепаратистов, проповедующих раздел российского государства-нации на ряд независимых, мелких политических единиц. Эти стремления могут поддерживать только такие ретроградные течения, как коммунизм, нацизм или фашизм. Так как течения

эти находятся на ущербе, то сепаратистские мечтания не имеют никаких шансов на практическое осуществление.

Этим мечтаниям противостоят могущественные факторы военного и экономического значения, интересы и права всех составляющих российской государство-нации как народностей, так и отдельных личностей, а также самые насущные потребности всего цивилизованного человечества, справедливо ищущего разрешения стоящих перед ним проблем не в разъединении, а в объединении людей в рамках больших политических единиц, могущих обеспечить своим гражданам действительную политическую свободу и достаточно высокий уровень жизни.

Столь же, если не более, утопична и концепция правых эмигрантских кругов, зовущих народы России назад, ко временам империи. Как показал исторический опыт всех стран и всех народов, авторитарическое правительство по необходимости должно быть строго централизованным. В этих условиях удовлетворение возросших политических, культурных и экономических потребностей и нужд отдельных областей невозможно. Управление будущей Россией должно быть максимально децентрализовано и населению отдельных областей должны быть предоставлены самые широкие права культурного и административного самоуправления. Если в качестве главы государства Россия будет иметь монарха, российская монархия по необходимости выльется в формы, существенно отличные от тех, в которых она существовала в XIX веке и которые пропагандируют сейчас многие "ничего не забывшие и ничему не научившиеся монархисты".

Формула "свободный союз свободных народов" по внешности весьма эффективна. В самом деле, что может быть лучше, если все народности российского государства-нации, обретя первоначально свою "национальную свободу", затем добровольно сольются в один братский союз.

Формула эта, однако, лишена всякого практического содержания. Ее красота - это красота мыльного пузыря, которая прельщала либеральных социологов и политиков прошлого века. Оставляя решение вопроса о "союзе" на волю и усмотрение отдельных народностей, сторонники формулы заранее отказывают всей российской нации в праве сказать свое веское по этому вопросу слово. А что, если какая-нибудь малая народность, скажем, живущие вперемежку с великороссами чуваша, башкиры, татары или даже украинцы и белорусы не пожелают считаться с волей большинства нации и захотят во что бы то ни стало отделиться от России? Не очутится ли правительство России в положении президента Линкольна, перед которым девяносто лет тому назад встал такой же вопрос? Демократ Линкольн, понимая всю важность сохранения единства американского государства-нации, не постеснялся употребить против сепаратистов-южан вооруженную силу. Российские демократы, я думаю, будут обязаны последовать его примеру и выбросить в мусорную яму истории свою звонкую формулу о "свободном союзе свободных народов".

Применение силы в интересах обеспечения идеалов демократии, так же, как и дипломатическое и иное вмешательство в дела другого государства, если государство это угрожает насущным интересам демокра-

тии и мира, является иногда единственным средством предотвратить возможность повторения таких трагических несчастий, которые принесли человечеству победу коммунизма в России, фашизма в Италии, паназиятизма в Японии или нацизма в Германии.

Как я указал выше, либеральная интерпретация права на национальное самоопределение в наше время сделалась реакционной, а потому и не может приниматься демократами. Кроме того, устройство государства по формуле "свободный союз свободных народов" вообще невозможно, ибо эта формула находится в резком противоречии с современным учением об обществе и государстве и с практикой передовых демократий. Сторонники этой формулы такие же в социально-политическом смысле реакционные утописты, как и приверженцы сепаратизма или великодержавного централизма.

Я понимаю, конечно, что настоящая статья далеко не исчерпывает вопроса о судьбах освобожденного от коммунистического рабства русского государства-нации и составляющих эту нацию многочисленных народностей. Да это и не было моей задачей. Я хотел лишь ознакомить политически мыслящую российскую эмиграцию с теми взглядами, которые господствуют в передовых кругах англо-американской демократии по национальному вопросу, и указать тот средний путь, на котором только и можно найти удовлетворительное как для России, так и для всего человечества разрешение проблемы самоопределения отдельных проживающих в России народностей. Это разрешение нужно искать не в "балканизации" слагавшегося в течение целого тысячелетия государства-нации, не в централистической великодержавности и не в утопических фантазиях о свободном союзе свободных народов, а в организации управления страной на принципах областной федерации.

Только в этом случае будет сохранено столь необходимое для обеспечения наибольшей политической и экономической свободы личности единство русского государства и гарантированы достаточно широкие пределы для удовлетворения культурных и иных нужд и потребностей как составляющих нацию отдельных народностей, так и граждан государства.

"Возрождение", 1953 г.

"Возрождение" - издававшаяся до второй мировой войны в Париже газета "белого направления". После 1949 года выходит как журнал. Первым его редактором был известный историк и политический деятель профессор С. П. Мельгунов. Всего вышло 243 номера. Журнал закончил свое существование в 1974 году. Издание журнала финансировалось русским армянином миллионером Гукасовым.

Что же дальше?

А. БУРОВСКИЙ

Ну вот и пал в России коммунистический строй! Мало кто оплачет гибель Любоеда Чудовища, сожравшего страну и народ. Но вот беда! Люди так сроднились с ним, так готовили себя для борьбы, для противостояния (или к жизни под гнетом), что совершенно не готовы к свободе. И заря свободы осветила растерянные лица... Что же дальше?!

Для очень многих людей, в частности, для неплохих и неглупых, речь вообще не идет об избавлении от тоталитарного строя. Они - антикоммунисты или акоммунисты, но, воспитанные в совершенно определенных исторических условиях, невольно, часто бессознательно, воспроизводят привычное, даже - само собой разумеющееся. И сейчас мы видим судорожные действия населения огромного концлагеря, из которого вдруг исчезла (или сделала вид, что исчезла?) охрана.

Одни просто скандируют: "Ура"! Свобода!", другие - воспользовались безвластием и обогащаются, благодаря положению кладовщиков или поваров, третьи судорожно ищут сотрудников прежней власти, им кажется, что главное - найти и покарать... И никто не стремится построить на месте концлагеря нормальную человеческую жизнь. Не зря же "гомо советикуса" сравнивают с заключенным. Только каторжник старой России все же несравненно меньше был разрушен изнутри, чем житель родимой Совдепии.

Хорошо полякам, венграм, жителям стран Балтии! У них все же сохранилось, пусть урезанное, пусть деформированное, но живое гражданское общество. Это общество жило по своим, естественно-историческим законам, и я позволю себе назвать его естественным обществом. В нем действия людей определяются не указами мудрого начальства и не идеологией, а естественными причинами: взаимной привязанностью и доверием, деловыми и личными интересами, стремлением к материальной обеспеченности, удовлетворением духовных и интеллектуальных потребностей и т. д. Такое общество может скинуть коммунистическое государство и продолжать нормально существовать.

В России гражданское общество давно и безнадежно разрушено. Человек настолько привык, что за него решительно все решается, что ему уже трудно жить по своей воле, и он подсознательно ищет того, кто возьмет за него ответственность, объяснит, как надо жить, а за согласие жить по указке - накормит. И находит, конечно же! Потому что, взяв власть, тоталитарный человек вовсе не стремится к созданию естественного общества в России. Тоталитарный строй не есть следствие только коммунизма... И приход к власти фашистов или нацистов и создание строя, основанного на власти компрадорской буржуазии, перекупающей сырье и хоронящей в России ядерные и токсичные отходы, - все это пути консервации тоталитаризма, а не освобождения.

И лишь немногие люди с ужасом сознают, что это они сами, своими руками, воспроизводят один и тот же тип общества.

Внимание людей направлено, как правило, на внешние формы общежития - органы власти, механизмы исполнения приказов, политику Центра и т. д. Автор признает важность политики - но категорически утверждает, что политика зависит от сознания людей, а не наоборот. В сегодняшней ситуации, когда право быть свободным завоевано, возникает как раз опасность того, что сознание людей породит новые варианты тоталитарного строя. Искоренив форму, сохраняют суть того, к чему привыкли и чего подсознательно хотят.

К счастью, для обращения к собственной душе, человек не нуждается ни в посреднике, ни в материальном обеспечении. Есть несколько простеньких правил, при соблюдении которых личность обретает иммунитет от тоталитарной идеологии, и никакое давление извне не может заставить не принять их и не следовать им.

- Никогда, ни при каких обстоятельствах не объединяться ни с какими группами мафиозного типа, вне зависимости от того, выгодно это или нет, опасно отвергать их или нет.

- Никому не передоверять собственное право на принятие решений. Ни начальник, ни руководитель партии, ни даже Государь не могут решать за Вас.

- Иметь единую систему оценки для "своих" и "чужих", ничего не прощая "своему" только за то, что он - "свой".

- Любую идеологию, любую систему ценностей, предложенную Вам, соотносить с вечными идеями и ценностями. Пусть справедливость договорная соотносится со Справедливостью над нами, закон между нами - с Горним Законом; иное - опасно.

- Любить людей, солидаризироваться с людьми, а не с идеями. Любая идея плоха, если от реализации ее будет плохо человеку.

Наконец, пора осознать, что не политика - основное в жизни общества. Она - только производное от экономики, социальной, культурной и духовной жизни. Естественное общество - это такое, в котором не решают продовольственную программу, а доят коров и стараются делать это как можно лучше. Не строят социализм - а строят дома для людей, максимально дешево, качественно и эффективно. А ведь каждый из нас, в своей профессиональной и социальной микросреде решает сам: руководствоваться ему идеологией (неважно какой) или соображениями, вытекающими из разумности и полезности совершаемых действий.

Грубо говоря, если мы будем продолжать петь хором вместо того, чтобы чистить сарай, выращивать хлеб и оперировать больных, - у нас будет продолжаться разруха. А каждый в любой момент может перестать петь хором и заняться выполнением своей работы, жить социальной жизнью и при этом объединяться с другими людьми по мере необходимости и для собственного удовольствия. А такие объединения людей - это уже ячейки естественного общества, из которых в перспективе может вырасти и государство - комитет по делам общества, а не священная корова тоталитаризма.

"Самое дорогое на земле - свобода"

И. ДЮКОВ

Ночь придавила город к земле, заменив границы небесной сферы унылыми пятнами редких уличных фонарей. Декабрьский ночной туман стучит каплями воды по жестяным подоконникам, укрепляя надежду москвичей на то, что и третья по счету зима будет сиротской. Станный город загадочной страны, в которой после полуденных новостей теперь наступает рукотворный вечер цвета быстротечной чахотки, за которым приходит и ночь - время возвращения с работы.

Чем ты удивишь планету завтра, что подбросишь миру в день грядущий? Какой кульбит исполнишь, тряхнув дряхлым телом, за какое место, извернувшись, укусишь себя и нас всех?

"Мы дети заводов и пашен", - написано в учебнике для первого класса.

Я объясняю своей дочери, что это нельзя учить. "Это дерьмо, а не стихи, понимаешь, дерьмо", - говорю я восьмилетнему ребенку. Она умница, она понимает. Она согласна с тем, что ее отец я, а не завод им. Лихачева. Согласна и ее учительница. Скандала не вышло: все всё понимают. У всех понимающие, загадочно-скорбные лица.

Интересный вариант получился бы у голландцев при наличии пролеткульта: "Мы дети коров и тюльпанов". И сразу "в репу" от нидерландского товарища.

Кто-нибудь, объясните мне, что это за страна, в которой я живу? Какого планетарного значения символ определен миру, во имя какого исторического вывода?

В детстве меня дразнили евреем за мои курчавые волосы. Позже я узнал от одного васьильевского "памятника", что я "масон и агент ЦРУ". И уж совсем недавно мне поставили в вину, что я, будучи русским, не определил себе в качестве отправной точки большое и светлое - "русскую идею". Отсюда моя глубинная ошибка в понимании сути российского бытия.

Русская идея! Звучит, конечно, гордо, только дайте мне ее потрогать рукой, напишите на бумажке по пунктам - один, два, три, а, б, в... Где это можно получить мне, русскому? Это светлое, истинное, отрезвляющее, спасительное...

Знаю русское поле, русскую водку, русский дух. Вот по части русского духа успехи не подлежат сомнению. Сбитые команды "заеденщиков", уже давно не таясь, гласно собираются на занюхивание "русского лаптя", после чего, надышавшись, являют обществу нечто судьбоносно-ратоборное, типа "Слова к народу", "Пульса Тушина" или еще что-нибудь подобное, "научающее" бороться с универсальным антихристом всех времен и народов. Он, конечно, режет глаза, этот знакомый русский дух баварской пивной, но идею здоровью отшибает напрочь.

Может, здесь необходимо несколько упроститься? Начать с нулевой отметки, лечь посреди чернозема, прикоснуться щекой к стерне? Или по примеру опытных бытописцев выйти на народ, очиститься, дотронуться

волнительно пальцами до сухих мозолей на дланях человека сельского труда, вывести его на откровение?

Очищался, дотрагивался, ложился и на чернозем, и на песок, и на мокрые от дождя мешки с картошкой. Видел много интересных и очень много неинтересных крестьян, похожих друг на друга единой великой усталостью и тоской. Видел сумрачно-сивушную жизнь. И на вопрос мой о самом сокровенном желании многие отвечали жутко по причине искреннего чувства: "Сдохнуть бы скорее..." Но все эти признаки, черты, универсальные знаки драмы, причем здесь идея, говорю я себе.

Сахаров и русская идея? Перед космосом, перед взрывом рукотворного водородного солнца все идеи хрупки и надуманны.

"В синем небе, колокольнями проколотом..." - хрипит для меня, брызгая мне в душу кровью и болью из великого множества грудных пробин, тот, кому я очень верю. Высоцкий и русская идея? Полноте, патриоты, не тревожьте хорошего человека. Не упрощайте, претендуя на национальную исключительность. Боль, небо, птицы, скользящие по нему, звезды над ними и сильные красивые кони - это просто большая человеческая мечта, идея, имя которой - свобода духа.

Я много и часто хожу по московским улицам и ищу, ищу эту самую свободу духа, которую уже не только понимаю, но и начинаю чувствовать. Уже совсем невозможно смотреть на сограждан, на жителей моего города, пишущихся на масло. Я не голодал и не переживал блокад, но голод для меня - это когда нет хлеба при отсутствии всего остального. В противном случае, это признаки тяжелой болезни.

Мои сограждане два дня не пили молока, и уже падает без признаков жизни старуха, прижатая жуткой толпой к железному косяку универсамовской двери. Тучная девица возбужденно рассматривает номер, начертанный ручкой на ее полной ладонке. "Триста восьмидесятая", - шепчет она, сясья запомнить магическое сочетание арабских цифр.

Яйца дают.

Мне жаль ее. Она не способна понять, что номерок на ее ладони и номер на бушлате моего деда - это одно и то же. Только пропасть между ними длиною в вечность: ладонь-то она подставила добровольно.

"Очень умная?" - кричит ей в лицо пронумерованная бабуля, пережившая два великих голода, три войны и еще черт знает что. "Нет, нет, - девица покрывается пятнами, - просто это от толкнул меня". Это в шляпе и в очках спешит заверить всех, что умом особым не наделен, и тоже подставляет ладонь.

"При Сталине-то порядок был, икра была в магазинах". Я объясняю соплеменнику - икра была, потому что полстраны брюкву с водой за проволочкой кушали. "Очень умный?" - кричит он мне, широко раскрыв беззубый рот. "Да, очень!" - кричу я ему в ответ, навсегда покидая очередь.

Страшная страна, где три поколения согласны с тем, что зачаты от сажи из заводской трубы, осевшей на опытных полях колхоза "Коммунарка".

Жуткая страна, где слепые отказываются от операции в клинике Федорова только потому, что, получив зрение, они теряют привилегии членства в ВОС.

Дикая страна с дикой столицей, где эпохальная революция, заставив-

шая все человечество на три дня затаить дыхание, совершается горсткой "ненормальных" на ограниченном тридцатью гектарами пространстве, в отдельно взятом микрорайоне, а для всех остальных за пределами этого пространства идет обычный колбасно-рабочий день.

Осложненный годами, могучий символ перестроечной литературы, законнорожденный "сын Арбата" просит три дня, чтобы сформулировать свое отношение к августовским событиям. А сын незаконный, изгнанный из отчего дома, и не сын, а даже почти что "выкидыш", в тот же час вылетает из Лондона, чтобы как великую награду принять смерть за свободу земли, на которой родился.

Несуетливые ребята афганцы, вооруженные противогАЗами, пришли умереть, заполнив собой лестничные марши перед баррикадой центрального входа. И был среди них мальчишка лет семнадцати, сидевший на лестнице один. По нему было видно, что в армии он не служил, видно было, что ночь он провел здесь - глаза его были воспалены, и в ухе у него была маленькая серьга, и не было у него даже противогаза. Я подсел к нему, зная, что не останусь с ним, завидуя, восхищаясь и глубоко сожалея, что не взял из дома баллончик с "паралитиком" - отдал бы ему.

Я подсел к нему и спросил, понимает ли он, что сегодня ночью погибнет. И ответил он мне просто, искренне и очень страшно: "Это самое лучшее, что я могу сегодня сделать в этой жизни".

Парень, я рад, что ты выжил, я рад, что подошел к тебе тогда, и рад, что всегда буду плакать, вспоминая тебя. Я рад, что для тебя никогда не превратится в идею сочетание из трех слов, где два слова могут быть любыми, например, "Ленин, партия", но неизменным должно быть в этой триаде слово "колбаса" - вечный конвертируемый символ жизненной стабильности и желудочного оргазма.

Не был я и у Белого дома ночью, но был там днем. И если применить к настрою людей, пришедших туда, избитое "момент истины", то при наличии искомой мною "русской идеи" я бы сумел ее опознать. Не было русской идеи, не было идеи семитской, татарской, была идея простой человеческой свободы - наднациональная, универсальная и истинная.

Я ходил вокруг Белого дома и ждал, что придут колонны самосвалов (сколько в Москве автокомбинатов!). Я ждал, что со всех заводов ЖБИ привезут железобетонные блоки и будут построены нормальные непроходимые баррикады. Но вместо миллионной массы сознательного московского пролетариата (на баррикадах была мизерная его часть) на мосту возникла величественная процессия с гигантским трехцветным полотном - сразу и навсегда обретенного нашего флага. Это шла братия "кровососов-неосовкапиталистов". Были и "захребетники" кооператоры. О, сколько было "черных", как то: армян, грузин, азербайджанцев и прочих "лиц кавказской национальности". "Масонов" проклятых видимо-невидимо, включая белоруса Ростроповича в самом здании.

Служитель культа, переодевшись в мирское, привез, как на литургию, старую парализованную маму в коляске, а мне с гордостью и без всякой обиды рассказывал, как сбросила его охрана Ельцина в первый день с БТР, на который он пытался забраться, чтобы благословить Президента. "Правильно, мало ли какой штык под рясой можно спрятать".

Было огромное количество женщин постбальзаковского возраста, ко-

торые звонили из автоматов мужьям и говорили, что придут поздно, а может и завтра, и терпеливо объясняли хранителям очага, что где в холодильнике лежит. Было черт знает что, и было здорово.

И не согласен я лишь с одним. Это когда корреспондент "Эха Москвы" восторженно назвала молодежь "нашими московскими гаврошами". Был единый праздник свободы и не было Гаврошей. Гавроши всех возрастов спохватились в четверг, на четвертый день, и очень много было ора, и много было вылиты краски, и плыл над толпой воздух и дух спиртного, и дух Французской революции смешался на Лубянке с идеей русского беспредела, не выражая и не являя миру никакого созидательного смысла.

А мы с женой, испуганные неожиданным салютом, стеснялись кричать ура, все же считая себя гостями на эстакаде Белого дома, но плакали оба, чувствуя великую свободу, ибо это были последние капли рабства, ушедшие из нас навсегда.

А как быть с теми, кто хочет колбасы? Любить их, ненавидеть, жалеть? А никак. Тащить их за собой, радуясь каждому новому шагу вперед.

И вопрос с великой русской идеей решается достаточно просто: думать о ней так же непристойно, как восхищаться собственной национальностью, коль единожды ты сумел постичь, что самое дорогое на земле - свобода.

Свобода во имя единого неба и звезд, летящих нам навстречу.

Москва

От редакции: вместо комментария

"...Но так как будущая общественная форма необходима именно теперь, когда все мы, наконец, собираемся действовать, чтобы уже более не задумываться, то я и предлагаю собственную мою систему устройства мира. ... Я запутался в собственных данных, и мое заключение в прямом противоречии с первоначальной идеей, из которой я выхожу. Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом. Прибавлю, однако ж, что кроме моего разрешения общественной формулы не может быть никакого".

Речь Шигаева. Ф. М. Достоевский, "Бесы"

"Освобождением от тирании и эксплуатации не кончается, а скорее начинается Одиссея свободы. Ибо мало внешнего освобождения. Важно, в первую очередь, преодоление тех соблазнов, которые таятся на дне свободы, и угрожают ей изнутри. Важно преобразование темной, иррациональной свободы произвола в светоносную свободу духа. Важно преодоление ощущения свободы как пустоты, требующей заполнения, - и заполняющей себя обычно порочным содержанием. Важно согласование личной свободы со свободой моих ближних и дальних. Важно преодоление идолатрии свободы, под маской которой скрывается одержимость гордыней и бегство в безответственность".

С. А. Левицкий, "Трагедия свободы"

Уходит вода сквозь песок...

Игорь ЕПИФАНОВ

Афганцы и общество. Полузабытая, недостаточно изученная тема. Их не так уж и много - менее одного миллиона человек. Их влияние на другие социальные слои пока что трудно определить и измерить, поскольку в массе своей они нестандартны и как-то с трудом вписываются в рамки стереотипа.

Начиная с 1990 года, волна публикаций о молодых ветеранах, их проблемах и судьбах заметно убавилась и сегодня исчезла почти совсем. Кажется, выговорились все, кто имел что сказать, и даже те "неимущие", у которых не было ни конкретных знаний об афганской войне, ни общих представлений о глубоком внутреннем и внешнем конфликте молодых ветеранов.

Проследим за эволюцией афганского движения и его отражением в сознании общества. Началось все со лжи, когда военную авантюру спрятали в тень мифа о "братской интернациональной помощи народу Афганистана". Ложь вошла клином в советское общество, выбив из него новое образование - группу молодых людей, воевавших в Афганистане.

Это был внешний конфликт: с одной стороны - они, заложники необъявленной войны, с другой - все остальные. В 1983 году вышло "подсудное" постановление Совмина СССР о льготах воинам-интернационалистам, бывшее в течение двух лет служебной инструкцией военного ведомства. До конца 1987 года в официальных источниках информации вообще не упоминалось слово *война*, хотя уже позади были самые тяжелые, кровопролитные 1983-85 годы. Само общество не могло определить своего отношения к афганцам, еще не ведая истины, еще не зная подлинных причин событий в Афганистане.

В конце восьмидесятых с переломом массового сознания почетное звание "воина-интернационалиста" утратило здравый смысл и свое первоначальное камуфляжное значение. Гуманизм нации проявился участием, которым общество пыталось сгладить свою вину перед афганцами. Молодых парней, истерзанных несправедливой войной, спасло традиционное покаяние освобождающейся нации, и они избежали участи ветеранов Вьетнама, преданных и осужденных американским обществом. Конфликтные ситуации у афганцев чаще всего возникали с бюрократической машиной. Обостренное чувство социальной справедливости и оскорбленное человеческое достоинство ставили вчерашних воинов-интернационалистов в особое положение - партии неприсоединившихся.

Автор - участник афганской войны, выпускник факультета журналистики МГУ.

Пик внимания нашего общества к афганской теме приходится на 1987-1989 годы. Время объединительного движения афганцев. Осуждение непопулярных у народа действий бывшего руководства страны, особенно интервенции в ДРА, имело небывалый размах. Тем не менее, в силу определенных качеств национального характера и ряда объективных факторов (в первую очередь - принудительная система службы в армии) отношение к афганцам не стало хуже, даже напротив - улучшилось. Поэтому объединение афганцев в различные группы - от клубов до ассоциаций - не было вынужденной защитой молодых ветеранов от репрессий консервативного общества. Тогда нас связывало только одно - Афганистан.

Первая значительная организация афганцев официально родилась в феврале 1989 года. Это была "Всесоюзная ассоциация оборонно-патриотических объединений и воинов-интернационалистов" (обратите внимание на столь длинное и неуклюжее название). Сфера ее деятельности замкнулась в основном на военно-патриотической работе с подростками. Честно признаюсь, в перспективы ассоциации многие из нас не поверили изначально. Полупрофессиональное обучение мальчишек правилам рукопашного боя сделалось своеобразным хобби и не требовало больших материальных затрат и создания самостоятельного хозяйственного механизма. Фактически Ассоциация являлась любительским объединением афганцев.

В том же 1989 году при Фонде социальных изобретений ("Комсомольская правда") возникла другая крупная организация афганских ветеранов - Союз "Долг" под руководством А. Котенева. Новое детище, в отличие от первого, рождалось "в рубашке" в виде Фонда, в который стекались деньги на строительство реабилитационного центра. Вскоре, однако, выяснилось, что собранных за короткий срок 6 млн. рублей (только Союз писателей СССР перечислил в Фонд 1 млн. рублей) явно недостаточно для реализации проекта. Два весьма практичных деятеля: председатель ФСИ Г. Олифиренко и упомянутый выше А. Котенев, оценив ситуацию, решили, что наступил благоприятный момент для коммерческой деятельности. Сии господа разошлись с миром и с деньгами, а котеневский "Долг" трансформировался в Союз ветеранов Афганистана (СВА), разумеется, с прежним лидером во главе.

Описываемый здесь период в жизни афганского движения был наиболее динамичным и насыщенным событиями. Коммерциализация отношений среди афганцев неизбежно вела, с одной стороны, - к укреплению монополии "Союза" А. Котенева, с другой, - к изменению консолидирующего начала в самом движении и разрыву старых связей внутри его. Прежде существовавшие и вновь возникающие клубы афганцев стали разбиваться на два лагеря: сторонников А. Котенева и его противников (определение условное). Так называемые "противники" ничего не имели против коммерческой деятельности как таковой, однако они не приняли новый "Союз" с его старым лидером и с претензиями на монополию.

А. Котенев не пользовался популярностью среди афганцев и, более того, до своего звездного часа был малоизвестной личностью. Новоявленный лидер афганского движения не мог рассчитывать на поддержку значительной части ветеранов. Он нашел опору в заинтересованных кругах, наделенных полномочиями и правами "принимать ответственные решения", и вскоре создал разветвленную сеть коммерческих предприятий

под крышей общественной благотворительной организации, освобожденной от всех видов налогов. С самого начала своей бурной деятельности А. Котенев окружил себя зависимыми от него молодыми людьми, воспитанными в традициях верноподданничества и не отмеченными какой-либо добродетелью. Членами СВА становились также люди, не имеющие никакого отношения к афганской войне, но нашедшие себя в роли администраторов-исполнителей. Добавим ко всему вышесказанному тот факт, что в это же самое время усилиями прессы был создан образ героя: честного, бескорыстного, справедливого воина-афганца, любой ценой отстаивающего справедливость, - и признаем, наконец, другую очевидную истину, что одаренный предпринимательством А. Котенев стал формальным лидером афганского движения явно не случайно.

Бракоразводный процесс прошел, как водится, со скандалом. В каждом отдельном случае причины для раздоров были свои. Чаще всего это был спор амбиций, столкновение экономических интересов образованных на базе афганских клубов новых коммерческих структур. Идея афганского братства ушла в никуда, словно вода сквозь песок. Ветераны стали считать деньги поврозь. Внутренний конфликт разрастался.

Когда в 1988 году почти четыреста воинов-афганцев собрались в Люберецком ДК "Искра", чтобы получить награды Родины, мы, небольшая группа инициаторов, решили объявить о создании у нас в городе клуба "Афганец". Мы организовали встречу с районными "шишками", которые присутствовали здесь же, прямо на сцене, и взяли с них слово всячески содействовать нашей организации и оказать нам необходимую помощь. Мне удалось вытащить на мероприятие известных журналистов и киносценариста О. Никича, которые составили своеобразную согласительную комиссию. Это был миг единения. Всего лишь миг. Многие из нас прекрасно понимали это еще там, в зале; понимали, что, если бы не вручали в тот день медалей, никакие другие дела не могли бы собрать всех четырехсот люберчан, прошедших Афганистан, вместе. В тот же вечер ко мне подошел один из моих друзей и сказал: "И с клубом у вас ничего не выйдет. Вот увидишь"...

В Люберцах теперь две организации афганцев. Одна - собственно сам клуб "Афганец", другая - местное отделение "Союза ветеранов Афганистана". Вчерашние "братья" живут ныне в разных концах одного здания и стараются как можно реже встречаться в просторном коридоре дворца Совдепа. Не сложилась у них совместная жизнь. Разошлись окончательно, все реже вспоминая "Афган", все больше думая о личной выгоде. В конце концов произошло то, что должно было произойти.

Стереотип героя - художественный вымысел. Нашему обществу, в спешке порывающему со своим прошлым, такой герой пришелся по вкусу. Однако создание образа добропорядочного "сверхчеловека" не объясняется одной лишь конъюнктурой рынка, потребностью изголодавшейся публики. За перекошенным фасадом зарождающегося отечественного рынка как за ширмой было спрятано нечто не менее значительное, чем все остальное, а именно: социальный заказ.

Разросшаяся за десять лет войны бывшая 40-я армия провела по горным дорогам Афганистана около 1 млн. человек. Не замечать этой грозной силы, растворенной в нестабильном взрывоопасном обществе, было

невозможно, даже непростительно. Начало объединительного движения афганцев подтолкнуло правящие круги принять срочные меры по созданию своего контролирующего центра, который скоординировал бы деятельность значительной части афганских организаций в нужном направлении, а фактически превратил бы их в единый хозяйственный механизм, подчиняющийся центру и зависящий от него (возьмите хотя бы абсолютные льготы в области налогообложения). Вот почему появился на свет Союз ветеранов Афганистана.

Таким образом, на содержащийся в самом начале статьи вопрос о причинах нынешнего прохладного отношения прессы к афганской тематике можно дать два разных, вовсе не противоречащих друг другу ответа.

Первый - самый простой: изменение конъюнктуры и естественное снижение социального интереса к личности афганца, "просвещенного" насквозь средствами массовой информации и искусства. Почти все, что давали пресса и кино, было, к сожалению, дешевой подделкой под героя. Но на этом можно было зарабатывать капитал, пока запросы публики не изменились.

Второй ответ сложнее. Социальный заказ, безусловно, был, и эту очевидную истину надо принять как элементарное математическое действие. Не случайна здесь и фигура полковника А. Котенева, имевшего связи с самыми серьезными ведомствами безопасности. В целом социальный заказ был выполнен, и потребность в муссировании афганской темы отпала.

Лица героев не всегда узнаваемы. Судьбы - тем более. Жизнь часто сталкивает вчерашних однопольчан лбами. Одни, совсем недавно тренировавшие мальчишек в клубах, сегодня тренируют, разумеется, за деньги "боевиков" мафии и ее разветвлений. Другие - в подразделениях ОМОНа борются с теми, кто оказался в уголовной среде, ловят тех самых парней, с которыми вместе ходили в разведку и делили последний сухарь. Иногда они меняются местами, и это повторяется по несколько раз.

Третьи с успехом заменили бюрократов во вновь созданных пунктах распределения социальных благ, точь-в-точь скопировали методы работы своих предшественников и отличаются от них разве что неприкрытым дилетантством. Их прикормили тогда еще компартийные бонзы, а ныне - власть имущие демократы, думающие в первую очередь о сохранении своих собственных позиций.

Четвертую группу, пожалуй, самую малочисленную, образуют интеллигенты. Студенты высших учебных заведений, дипломированные специалисты в области науки, культуры и искусства, а также офицеры ныне действующей армии и уволенные в запас. Конечно, понятие "интеллигенция" в данном контексте условное.

И наконец так называемые герои-одиночки. Их действительно много, едва ли не половина личного состава бывшей 40-й. Это сотни тысяч ребят, которых попытались засунуть в рамки заданного стереотипа. Далеко не каждого из них можно считать героем. Они и есть партия неприсоединившихся, оставшиеся в стороне от всякого движения, внутреннего и внешнего.

Иногда мы собираемся вместе - несколько друзей-афганцев и с удивлением и некоторой растерянностью отмечаем про себя, что мы в сущно-

сти своей вовсе не изменились за последние годы, и прежними остались наши отношения. Идея "братства" ушла как сквозь песок в пучину безвозвратного времени, называемую жизнью. Остались камни преткновения - внутренний и внешний конфликты. И - камень на сердце. Но в этой коллекции есть один драгоценный минерал - крепкая мужская дружба. И дай Бог, чтобы время над ней не было властно. Герой-одиночка - для экрана. Одиночество в жизни невыносимо.

Р. С. Июнь 1992 года. Произошло еще одно событие в жизни афганского движения. Союз ветеранов Афганистана образовал новую политическую структуру - Народно-Патриотическую партию (НПП). Похоже, А. Котенев с самыми серьезными намерениями вышел на арену политической борьбы за власть. Его новая организация - проправительственная партия поддержки экономических реформ.

Москва

"Тайну гарантирую"

Анна СОКОЛЬСКАЯ

Наше общество медленно, со стоном и криками, как цыганский табор, начинает поворачивать на новый путь. И пока социологи и психологи спорят о том, изменилось ли что-нибудь в сознании и самосознании граждан, они являют нам пример изменения своего самосознания в самом простом и доступном жанре. **В объявлениях.**

Оставив в стороне объявления типа: "Куплю диван б/у и колготки" (рынок насыщается?), перейдем сразу к разделу "Работа".

Самое распространенное объявление здесь: "Ищу любую высокооплачиваемую работу". При этом объяснить людям, что **любая** работа не может быть высокооплачиваемой, невозможно. У нас отсутствует представление о квалифицированном труде или уникальности какого-либо специалиста. С первых лет Советской власти начало формироваться мнение об умственном труде как о недемократическом, непролетарском занятии. В годы же "великого перелома" наметился еще один крен: утверждение общедоступности и массовости образования. Каждый, по утверждению идеологов тех лет, мог овладеть инженерными знаниями или стать "красным аспирантом". А если способностей не хватает, так еще Лесков сказал: "Мы, может, в науках не зашлись, зато Отечеству нашему сильно преданные".

Интересно другое, в нашей нестяжательской традиции понятие "большие деньги" часто тождественно понятию "деньги грязные". Поэтому около половины соискующих "любой, высокооплачиваемой"... добавляют: "Тайну и конфиденциальность гарантирую".

В качестве кого же они себя предлагают? Ситуация исключительно напоминает песенку В. Токарева, спетую однажды со сцены Колонного зала:

*"Эх хвост, чешуя,
Не поймал я... ничего".*

Все знают, что там стоит другое слово. И все делают вид, что его как бы нет.

"Ищу работу в Сп, Мп..." В госструктурах работать не хочет никто. Для нашей ситуации это закономерно, но ведь просматриваемое здесь соответствие: богатый - имеющий собственность (Мп), бедный - не имеющий (госуд. служащий). Характерно в первую очередь для феодальной ментальности.

Обсуждая вопрос на самом примитивном уровне, можно сказать, что при капитализме можно быть бедным владельцем мастерской и богатым адвокатом. Но для понимания этого нужно вернуться к осознанию существования квалифицированного и неквалифицированного труда и перестать воспринимать государственную зарплату как пособие.

Объявления от людей с высшим образованием - это особый раздел. Большинство из них уровень своих знаний и компетентности оценивают адекватно. Соответственно самооценке и ищут работу водителей, гувернанток, экономок, горничных. Даже предлагают услуги по стирке белья. При этом, на мой взгляд, стоны, связанные с тем, что "наиболее образованная часть общества идет в услужение к наименее", абсолютно беспочвенны. С самого начала культурной революции наша система высшего образования была направлена на получение только специальности. Нормальное научное творчество - это неизбежно система с рефлексией. То, что мы видим сейчас, - результат многолетних попыток построения безрефлексного сообщества интеллигенции.

Интересно отметить, что многие люди не чувствуют себя обделенными или обиженными жизнью, сменив статус МНС на положение домработницы. С тех пор, как образование у нас в стране потеряло свои мотивационные функции, любому социально ответственному человеку приходилось искать другие источники дохода, только теперь он может делать это явно. К тому же система взаимоотношений между работником и работодателем часто оказывается менее структурированной, чем в НИИ.

Проблема в данном случае в другом. Тот, кто попытается найти иной и достойный путь, найдет его. Но у нас при колоссальном перепроизводстве людей с высшим образованием катастрофически не хватает инженеров, учителей, врачей. Я говорила со многими работодателями. Статистика печальна. Только 20% из заявивших, что они владеют иностранным языком, смогли написать на нем простейшее деловое письмо. А с фразой - "цена договорная" не справилось 90% соискателей работы на одной из фирм.

Большинство из предлагающих свои услуги в качестве преподавателей музыки имеют образование в объеме музыкальной школы. А настойчиво декларируемое высшее образование часто оказывается вечерним, то есть в понимании "инофирм" никаким. Вообще, выясняется любопытная зако-

номерность, чем качественнее у человека образование, тем меньше он его ценит...

Отдельный раздел в поисках работы - это объявления типа "Стройная блондинка с зелеными глазами ищет работу на должности главного бухгалтера в МП или СП". Не будем иронизировать над тем, что у брюнетки баланс не сойдется или сойдется не так. Эти объявления наглядно демонстрируют крушение мифа о равноправии мужчины и женщины в нашей стране. Чисто подсознательно, наши бедные соотечественницы предлагают единственное, что у них есть и чем очень часто приходилось расплачиваться в нашей прошлой счастливой жизни.

Не без трепета приступаю я к описанию последнего раздела всех таких газет, к знакомствам.

"Познакомлюсь с иностранцем или бизнесменом. Надоело нищенствовать", - с одной стороны. "Познакомлюсь с девушкой, которую не испугает зарплата инженера", - с другой.

Правда, есть объявления и другого типа. Обычно их дают молодые люди 27-30 лет, работающие в новых структурах. У них уже совершенно другие взгляды на жизнь, они готовы содержать семью, но именно им сейчас труднее всего найти пару. Мужчины вошли в рынок, в нормальные отношения раньше женщин. Мы сейчас живем в разных ментальностях. Для них найдутся содержанки, но вряд ли они смогут построить семью западного типа с равноправными отношениями и нормальным партнерством.

Объявления о знакомстве - самый тревожный раздел во всех газетах. Они кричат о том, что мы больны иждивенчеством, неадекватной самооценкой, предъявляем к другим повышенные требования и, увы, не способны к рефлексии. Часто люди, с которыми я разговаривала, были абсолютно не в состоянии конкретизировать свои желания, а оказавшись в ситуации выбора, просто терялись.

А ведь теперь в состоянии выбора мы будем находиться все чаще и чаще. Мы еще не умеем выбирать, но мы уже не будем выбирать единогласно. Общество уже нельзя построить в колонны и повести куда бы то ни было. В естественных науках есть такой термин "вязкость среды", если можно применить его к обществу, то она за последний год колоссально увеличилась. Общество стало более разнородным, менее структурированным, более динамичным. И свидетельства этому можно найти даже в газете бесплатных объявлений.

Пожно понимаемое "равноправие" женщины лишь закрепощает ее, заставляет работать наравне с мужчиной и нести, сверх того, тяготы хозяйства дома. Подлинное раскрепощение женщины заключается в предоставлении ей всех общегражданских прав и в создании условий, когда женщина может заниматься любым удовлетворяющим ее трудом, но не вынуждена работать в нежелательных и несвойственных ей областях (Программа НТС, 1974 г. Часть IV, гл. 31.).

В Москве, на толкучке...

Наталья МИХАЙЛОВА

*Купить, что вошь убить,
Продать, что блоху поймать.*

Русская народная пословица

- Ботиночки-то у вас розовенькие - почему?

- По 220.

- Симпатичные...

Совсем недавно мне довелось поговорить с одним из тех людей, которых так много сейчас на наших улицах, рынках, у входов в метро. С человеком, который был вынужден стать продавцом в самом страшном смысле этого слова - продавцом своих вещей.

Это не было интервью, скорее шутка, игра "в журналиста". Но случай, который многое изменил в моем отношении к окружающему меня "уличному миру":

- Добрый день. Скажите, согласились бы вы ответить на мои вопросы? Мы с друзьями учимся тут, недалеко, на факультете журналистики.

- А чего не ответить, могу.

- Скажите, продавец - это ваша профессия? или что-то вроде образа жизни?

- Гм. Да нет, не профессия. Просто...

- Вам это нравится?

- Нет, что вы!

- Что же тогда вас заставило идти сюда, на улицу и продавать эти вещи, как мне кажется, вынесенные вами из дома? Есть ли у вас какая-нибудь специальность?

- А как же. Я - гитарист, классику на гитаре играю...

- ???

- Ну, а что сейчас музыкой зарабатываешь? Семью-то кормить надо. Не от хорошей ведь жизни, да и не я один такой.

Может быть, кто-то забыл бы этот разговор, кто-то посмеялся бы удачному розыгрышу. А я, находясь среди продающих что-либо людей, внимательнее наблюдаю за ними.

Молодые ребята стоят с поднятой головой и упрямым выражением глаз - они в чем-то бросают нам вызов: "Да, продаю. Да, не работаю. А что, на 400-500 жить нормально можно?" Уверена, большинство из них так ответит, но правы ли?..

Старушка, со стыдом за свою слабость, комкает платок. (Работать всю жизнь, чтобы потом с трудом нажитое в чужие руки отдать?)

Дороги этих людей разные, те, по которым они пришли сюда, те, по которым уйдут. Только для молодых - это один из множества путей, наиболее доступный и легкий: продают-то сделанное чужими руками, возможно без единой попытки самим что-нибудь создать; а для стариков - это последняя возможность заработать не только на кусок

хлеба, но и на близкие похороны. Есть здесь и подростки, которые тащат из родительского дома, чтобы заполучить заветный коробок анаши или бутылку водки на худой конец; цыгане с бегающими глазами и давно немывтыми цепкими руками, торгующие всем, чем угодно. И все же это особый мир. Мир со своими законами. Мир, где тоже есть и горе, и радость.

Мир, куда не дай Бог попасть и нам.

- ...Так почему, говорите, ботиночки?

- 220. Будете брать? Хорошие ведь, посмотрите.

- Ох, дорого. Но возьму, не может ведь внук босым-то ходить.

P.S. По дороге с одного из московских "блошинных рынков" домой купила у уличного продавца прессы газету объявлений "Все для вас". По этой газете, между прочим, толковый аналитик может делать интересные умозаключения об экономическом "здоровье" страны...

С недавних пор к рубрикам "Продаю" и "Покупаю" (плюс традиционная рубрика "Предлагаю услуги") прибавилась новая, сразу занявшая добрую треть этой 96-страничной(!) газеты объявлений. Это - раздел "Меняю". Нет, далеко не только квартиры или автомобили меняют сейчас люди. На т о л к у ч к е меняют все!

"Валокордин на одеколон "Спорт-клуб". Тел. 558-70-06. Татьяна".

"Два новых складных велосипеда "Кама" на холодильник; возможны варианты. Тел. 211-20-35, вечером. Сергей".

"Детское питание, мясное пюре "Говядина", годность до 06.91, сок сливовый, вишневый на курятину, телятину, свинину финскую и югославскую. Возможны варианты. Тел. 557-22-93. Лена".

"Бриллиантовые серьги на автомобиль, 0,8 карата. Писать: 141731 Моск. обл., г. Лобня, а/я 24".

"Электродрель (Англия), все операции, на ковер 2 х 3, новый. Тел. 381-78-60".

"Русскую" водку (20 бутылок) на сахар. Тел. 375-27-77. Александр".

"Детскую коляску "Яна", б/у, в очень хорошем состоянии, прогулочную коляску новую, манеж новый на финский комбинезон, раздельный, р. 91 или кроссовки р. 36. Тел. 112-14-66".

И так далее.

Газета объявлений "Все для вас" пользуется в Москве буквально бешеным успехом: всего за несколько номеров она во много раз увеличила свой объем и тираж...

Пришла домой - отец дал почитать второй номер газеты НТС "За Россию". На пятой странице нашла интересный материал - интервью Председателя Исполнительного бюро НТС Б. С. Пушкирева, а в нем - ответ на сомнения, которые возникли у меня сегодня на толкучке - и на уличной, и на "газетной". Борис Сергеевич, отвечая на вопрос, говорит: "Будет надежный рубль - прекратятся бартерные сделки..."

Вот только **когда** это произойдет, не ведает, вероятно, и сам Борис Сергеевич.

А пока...

На дворе лето, а босоножек у меня "нормальных" нет.

На что бы такое мне их выменять?

Лечение через повешенье

Николай ИОВЛЕВ

Искусство, как известно, требует жертв. Небольших и существенных. Фигуральных и настоящих. Случается, искусство просит о пожертвовании. Но уж совсем не часто само превращается в жертву.

Именно это произошло с ортодоксальным "социалистическим" искусством. Осталось сделать последнее движение - выбить табуретку из-под ног очередного висельника, жертвы ослепленной успехами демократии, и он, беспомощный, трепыхнется в петле и затихнет навсегда.

Спору нет, это немалое благо - избавление "социалистического" от тяжких заболеваний проституцией, слепоглухонемой в одних случаях и надрывным кликушеством в других. С повешеньем все болезни как рукой снимет. Да только вот затаенные резервы организма и при таком радикальном способе лечения не проявятся, мало того, исчезнет и все разумное, доброе, вечное, неперестроечное, что умудрилось выдюжить за жуткие десятилетия, несмотря ни на что.

Сколько в России (если угодно - шире, во всем СНГ) осталось людей искусства - не лубочного, вроде раскрашивания деревянных ячеек или сиплого бляенья в подземном переходе, а истинного, вырывавшегося все эти беспросветные годы за черту пресловутого "метода социалистического реализма"? Почему упрямо молчит статистика, говорливая в таких случаях? Давно пора произвести инвентаризацию кадров, которые "решают все". И если еще сравнительно недавно, в историческом масштабе, пришлось бы изрядно потрудиться над выведением итоговой цифры, то сейчас процедура подсчета, даже при небывалом усердии, не может доставить особых хлопот. Потому что подсчитывать уже, в общем-то, и некого. Ну, сто человек. Ну, сто двадцать - с натяжкой на все страны СНГ вместе взятые. Вот и весь боевой отряд. Не навоюешься. А неприятель - серый, тупой, необразованный, наступает несметным полчищем. И сил противостоять ему - нет. Иссякли в борьбе за выживание. Остается - или услужливо подставленная табуретка, или пуля в висок. Есть, правда, еще и третий путь. Бегство. Самоизгнание. Самоисцеление. Одни считают его недостойным, другие - единственно верным...

Пора, если только не поздно, ставить вопрос о физическом выживании российской культуры. Науки. Интеллигенции.

Генофонд разбазарен, уничтожен, выжжен кислотой. Корни выкорчеваны, сгноены. Но ведь корни необходимо растить и новые, для будущих всходов. Но как, на какой почве?

В минувшие столетия мощная, ни с чем не сравнимая духовность России жила на двух китах: литературе и религии. Именно они питали народ, вдыхали в него нравственную силу, обогащали природный ум,

поддерживали в трудные дни, учили правде и добру, морально подтягивали, наконец, банально просвещали.

А что ныне?

Про Церковь - особый разговор. И она сама себя в достаточно степени опорочила, прислуживая гебистам и коммунистическим звонарям, и ее довольно намучили, изведя едва ли не до крайности.

Но вот наступили чудо-времена, явился новый Мессия, дал народу прозрение, вольномыслие и даже разрешил ходить в церковь. Только не тут-то было. Не пошел народ. И дорогу позабыл, и дела поважнее навалились. Добыча куска хлеба, оказавшаяся потруднее, чем в эпоху беспроектного атеизма. Власти похваляют: священникам передан храм такой-то, такой-то да еще и этакий-то, радуйтесь, православные! И вроде бы, действительно, есть чему порадоваться, внешне все как будто превосходно. Но...

Зайдите в любой храм - не во время службы. Поговорите с отцами. Налоги - на все - увеличились безбожно. Подорожало, как и повсюду, - все. Поступлений же - не прибавилось. Основным доходом как были, так и остаются свечи. И прихожанами, подавляющей частью, как были, так и остались бабульки. Но если раньше бабулька покупала три, а то и пяток свечек, то теперь - еле на одну, подорожавшую, выкраивает. Обрядов не увеличилось - разве креститься да венчаться стали чуть поболее, но это ли может быть статьей дохода? А между тем расходы все возрастают. Вот только оплачивать их нечем. Просили у властей налогового послабления, в ответ получили напоминание, что Церковь - вообще отделена от государства. Новорожденные миллионеры замаливать грехи что-то не спешат и денег не жертвуют. Зарплату, худо-бедно растущую по всей стране, повышать просто не из чего. Технический персонал, при всей его нефальшивой любви к Всевышнему, уходит: любовью сыт не будешь, надо семью кормить. Ремонт - текущий - и тот сделать не на что, чего уж там говорить о восстановлении возвращенных государством храмов, доведенных до предельной степени разрушения.

Таким образом, на словах - громкое возрождение Русской Православной, на деле - тихая гибель.

Обратимся к литературе. Для появления в свет книги в новейшие времена, когда государственная монополия на эту благородную деятельность рухнула, требуется, не считая рукописи, всего-то три вещи: лицензия, бумага и типография. Все три дорожают не по дням, а по часам: стоимость лицензии подскочила с 10 тысяч рублей до 50, тонна бумаги "потяжелела" с 500-700 рублей до 25-35 тысяч рублей, а про типографию лучше уж вовсе помалкивать, ибо сегодня поспешишь пожаловаться на одну цифру, а завтра она же покажется тебе смехотворной. Дерут типографии. В три шкуры. Да и как же им не драть, если у них то же самое, что и везде - и забастовки, и ветхое оборудование, и дорожающие энергия, аренда, транспорт, краска, наконец... И получается, следовательно, что при нынешних ценах на бумагу и типографские услуги (лицензия, положим, не самое подрывное звено), себестоимость средней книжки объемом 35 печатных листов (пару пальцев толщиной), обряженной в твердый переплет из нещадно подорожавшего картона, бумвинила, форзацной бумаги, фольги и даже каких-то прозаических ниток, должна со-

ставлять никак не меньше 95 рублей. Понятно при этом, что за себестоимость книжку никто продавать не будет. Прибавим, стало быть, торговую накрутку. И свою собственную не забудем - если, конечно, мы не энтузиасты. Выходит, что средняя книжка должна стоит около ста сорока деревянных, в обещаемом будущем - конвертируемых. Издать такую книжку можно, но раскупят ли тираж - вот в чем вопрос. И если какую-нибудь жаренятину, пошлятину или ужасатину возможно и разберут с течением времени, то, предположим, роман молодого (состарившегося) современника - вряд ли. А ведь даже для того, чтобы понять, попытаться определить, хороша ли текущая литература, никудышная ли, в тупик бредет или к свету, - надо ее, эту литературу, печатать. Хоть немного, хоть кое-что. Не говоря уже о Львах Николаевичах.

Себестоимость номера "толстого" журнала колеблется от 15 до 35 рублей. Не обанкротившиеся покуда журналы поддерживают сами себя (энтузиасты) всевозможными приложениями и библиотеками. Подмоги от властей, отважно марширующих к рынку, ждать устали.

Да, в дотациях на издание нерентабельной, иначе говоря - некоммерческой, еще более ясно - современной литературы российским правительством отказано. Само оно объясняет это невыгодностью. Что ж, можно назвать еще целый ряд невыгодных занятий. Подметание улиц, например, - крайне невыгодное занятие...

Все идет к тому, что книги будут по карману лишь богатым. А у богатых, как известно, свои причуды. Вряд ли захотят богатые покупать дорогие издания, вышедшие из-под пера своих, пусть и очень умных, сподвижников.

Похожую картинку распада можно наблюдать не только в литературе, но и в театре, серьезном кино, танце, академической музыке, графике, архитектуре... Пожалуй, лишь декоративно-прикладное искусство, сбываемое за валюту, развлекательные шоу да артбизнес не падают духом, отбивая веселую четкость на крышке гроба, приготовленного для агонизирующего с петлей на шее тела русской культуры.

Не пощадили перемены и науку. Зарплата директора крупного НИИ, как правило, - видного ученого, серьезного организатора науки, приближается в лучшем случае к трем тысячам рублей в месяц. Милиционер, прогуливающийся по вверенному ему посту под окнами НИИ, получает больше. Талантливая молодежь едва ли не шарахается от аспирантур, академий, консерваторий и театральных институтов, куда раньше не подступиться было и на пушечный выстрел. Для того, чтобы намазать на кусок "рыночного" хлеба масло стоимостью 200 рублей килограмм, нужно идти в ученики водителя троллейбуса, а еще лучше - в чернорабочие.

Надвигаются неодолимые траты на аренду зданий. В несколько раз возросли - и обещают еще более увеличиться - выплаты за электричество, отопление, воду, газ, телефонную связь, транспорт... Но дотаций даже не обещают.

Общество и власть, столь наплевательски относящиеся к духовным ценностям, их носителям и создателям, обречены на вымирание. Подставить и выбить из-под ног табуретку, позволить уехать - несложно. Известно до последнего из могикиан - дело нескольких лет. Взрастить новое поколение интеллигенции за несколько лет - невозможно.

Вспомним: именно интеллигенция, большей частью уже уехавшая, вынырнула российскую демократию. Оставшаяся интеллигенция от руки этой демократии может теперь погибнуть. Если это произойдет, и без того немощную демократию сумеет одолеть совсем иной, страшно подумать, какой именно, недуг...

Что же делать, не говоря уже о том, кто виноват?

Пути к спасению жалких остатков имперского мозга пока еще не окончательно уничтожены. Необходимо срочно ввести индексацию оплаты труда работников культуры, искусства и науки - в соответствии с инфляцией. Перевести на дотацию издание современной **некоммерческой и научной** литературы, прочие нерыночные структуры искусства. Передать недвижимость в собственность Церкви, науки и культуры, как и землю, на которой находятся эти здания. Предоставить налоговые льготы.

Если российское правительство, упорно не желающее услышать предсмертный вопль клиента, подготовленного к процедуре повешенья, не пойдет хотя бы на эти посильные уступки, будущему когда-то неглупой державы не видать "духовности" - чем, как ни странно, могло хоть относительно похвастать "общество развитого социализма". И суждено будущим поколениям воспрянувшей от коммунистического ига России довольствоваться достижениями туалетных литераторов, подворотенных бардов, художников-тротуаристов, музыкантов похоронных оркестров, размалеванными яйцами и балалайками.

Санкт-Петербурге

Фонд Культуры, а не "обком культуры"

Известный ученый Владимир Петрович НЕРОЗНАК недавно избран заместителем председателя Российского международного фонда культуры. Многими этот факт был воспринят как продолжение всей предыдущей деятельности в фонде в еще "советские" времена: председатель Совета по топонимии, а с 1989 года - член Президиума фонда, ставший таковым по предложению самого Д. С. Лихачева.

Сложность ситуации, однако, заключается в том, что будучи, как говорится, "своим", новый заместитель Д. С. Лихачева (кстати, теперь единственный вместо четырех упраздненных) вынужден начинать свою деятельность с серьезных реформ в самом фонде.

Наш разговор с доктором филологических наук В. П. Нерознаком начался так:

- Мне хотелось бы сделать фонд демократической структурой, - сказал Владимир Петрович. - Как минимум - не элитарной. И прежде всего необходимо приобщить нашу интеллигенцию к культуре. Понимаю, что звучит парадоксально, но тем не менее это факт.

Понятие интеллигенции сейчас девальвировано. Не только потому, что ее слои истончились, но и потому, что ее общекультурный уровень достиг критически низкой отметки. Вдобавок к этому, некоторые выдающиеся – без всякой иронии – ее представители стали все чаще говорить об исторической вине интеллигенции за все то дурное, чем "богато" наше прошлое.

Тем самым как бы разрушается "интеллектуальный гумус", из которого вырастает древо национально-культурной духовности каждого народа. И мне хочется хоть что-нибудь сделать для ее возрождения.

– Владимир Петрович, видимо, на деятельности фонда сказывается тот факт, что Российский международный фонд культуры (еще недавно Советский фонд культуры), если можно так выразиться, один из самых "застойных перестроечных фондов", принимая во внимание время его создания?

– В общем-то, да. Советский Фонд культуры стал первым опытом создания именно советского фонда со всеми его атрибутами и недостатками.

Начнем с того, что Фонд был типичным околосударственным учреждением или, даже еще точнее, – полугосударственным, формировавшимся, направлявшимся партийными структурами и целиком подчинявшимся им. Это была типичная модель советской псевдообщественной организации, недавнее изобилие каковых мы хорошо помним. Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами, Комитет защиты мира, Комитет советских женщин, Комитет молодежных организаций... То есть, практически, все то же самое и тот же стереотип организации в основном с политико-идеологическим уклоном.

Но все-таки это был 1986 год. Время прихода к власти Горбачева. И вот тут, конечно, мы можем сказать, что все-таки фонд не был типичной образцово-показательной моделью общественной организации застойного периода.

И для того времени это было важно. Надо было решить две первостепенные задачи: лишить интеллигенцию комплекса услужения верховной власти и дать ей возможность самостоятельного мышления и суверенного поведения. Синтетическим результатом такой роли должно было стать объединение творческих возможностей интеллигенции для практической работы по возрождению культурной среды существования.

– Как бы вы оценили деятельность фонда за время, минувшее с момента его создания?

– Прежде всего был создан своего рода клуб интеллигенции. Это было собрание остатков той культурной элиты, которая еще уцелела. Люди типа Дмитрия Сергеевича Лихачева и Ильи Самойловича Зильберштейна, сохранившие свой духовный потенциал, несмотря ни на какие бури, огонь и медные трубы.

Второй аргумент в пользу создания фонда – еще более существенный – практическая деятельность. Речь идет о начале работ в тех зонах культурного бедствия и культурной катастрофы, до которых у государства не доходили руки. Были созданы движение коллекционеров, движение по возвращению забытых имен, научный совет по сохранению культуры и

традиций малых народов. Мы решили возродить краеведение, что, по нашему мнению, способствовало бы подъему культуры российской провинции. Конечно же, нельзя не упомянуть пушкинской программы.

Но нельзя не сказать, что те люди, которые пришли в фонд, были набором очень противоречивых фигур. И, разумеется, всех их отбирали наверху. Кроме Лихачева и еще нескольких человек.

– Приходит на ум аналогия с созданием кардиналом Ришелье Французской Академии наук... ЦК решил приблизить к себе интеллигенцию?

– И в том, и в другом случае речь идет о модели авторитарного метода ведения дел.

Потому и ввели в Президиум фонда: от церкви – владыку Питирима, от прессы – В. Фалина (хотя его можно было в равной степени считать и представителем ЦК), от писателей – Ю. Бондарева и П. Проскурина. Были введены в состав Президиума и крупные ученые, такие, как В. Л. Янин, С. О. Шмидт и Э. Р. Тенишев. Были представители творческой интеллигенции. Тот же Савелий Ямщиков, который и сейчас работает в фонде. Директор Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина И. Антонов и директор "третьяковки" Ю. Королев. Создали журнал "Наше наследие", который возглавил В. Енишерлов.

В то же время членом Президиума стала Раиса Горбачева – вроде как "полномочный представитель Генерального секретаря". А в заместители Лихачеву "дали" Г. В. Мясникова. Он был типичным партийно-аппаратным работником, секретарем Пензенского обкома КПСС, где занимался идеологией. Но "не чужд был и культуре". Писал книги по краеведению. И на фоне скудного интеллектуального багажа наших областных партработников выглядел даже светлой личностью.

Можно понять, в какой обстановке приходилось работать Лихачеву. Не случайно еще до всяких путчей он взорвался статьей "Обком культуры", опубликованной в "Известиях".

– Не ЦК, не райком, а именно обком?

– Люди, пришедшие руководить фондом, – в прошлом почти все кадровые партийные и комсомольские работники. Причем, преимущественно уровня обкома или горкома. И Мясников, и все остальные четыре зама. И у каждого "вертушка". И Мясников звонил Раисе Максимовне, чтобы обсудить с ней свои идеи, сообщая уже потом Лихачеву о практически принятом решении!.. Какой же это ЦК – самый настоящий обком!

Могли ли эти люди стать во главе движения за возрождение культуры и духовности, значимость которых в нашей стране была сведена до минимума!

Сегодня приходится реформировать фонд чисто "хирургически", просто-напросто отсекая лишние части.

– Но вы не руководствуетесь при этом принципом "а где ты раньше работал"? В том же ЦК работало немало профессиональных и порядочных людей...

– Знаете, я думаю, что работа в партийных структурах все-таки накладывает отпечаток на человека. Нет такой специальности – партийный

работник. Профессионализма в партийной работе быть не может. Это как актеры, которые могут имитировать руководство, когда играют вождей, маршалов... В области же культуры партийный работник не может быть профессионалом...

- А вы сами были в партии?

- Был. Вступил в нее в 1986 году.

- Видимо, поверив во все "это"?

- Да. Но в декабре 1990-го - вышел.

- И я так понимаю, что по тем же соображениям... Кстати, не знаете, где сейчас Мясников?

- Первый заместитель в Детском фонде. У Лиханова.

- А кто пригласил в фонд Раису Максимовну?

- Знаете, в таких вещах обычно надо думать не о том, кто пригласил Раису Максимовну, а кто все-таки пригласил Лихачева.

Но тут можно и нужно исходить из прецедента власть предержащих особ, которые открывают поле деятельности для членов своих семей и прежде всего - для своих супругов. В цивилизованном обществе считается, что эта деятельность помогает деятельности государственной, представляя образ президента как цельный и образцовый для своей нации.

- На Западе, в "цивилизованном мире" фонды, как правило, - организации довольно состоятельные. А ваш фонд? Откуда взялись деньги на его первоначальную деятельность и где вы берете средства сейчас?

- На первоначальном этапе деньги взялись, конечно, от учредителей, понятное дело, по согласованию с ЦК. Другое дело, что тех средств оказалось явно недостаточно. Пришлось искать чисто коммерческие пути. С помощью Совета министров удалось организовать лотерею, которая принесла нам 60 миллионов рублей. До "павловских" экспериментов это были большие деньги.

Кое-что давал журнал "Наше наследие", который, правда, сейчас переживает трудные времена.

И вообще, сегодня нам приходится налаживать свою финансово-производственную деятельность. Фонд получает проценты со своих вкладов в различных банках. К сожалению, как и все, связанные со Внешэкономбанком, мы попали в ту же самую неприятную историю: наши валютные счета заморожены и надежды на их получение весьма призрачны. Но, как ни странно, до сих пор находятся деловые люди, готовые пожертвовать на развитие наших программ определенные суммы.

- Что, видимо, позволяет вам все-таки не сдаваться и даже строить на будущее определенные планы?

- Да планы-то, в общем-то, все те же...

- Особенно, видимо, если учесть, что в деле возрождения нашей духовности мы пока что продвинулись не слишком далеко.

Беседу вел Евгений Тицкин

Дополнительные штрихи к портретам

Д. ШТУРМАН

Новые документы о вождях российского коммунизма будут появляться и появляться. Если России суждены успешные попытки реставрации государственного коммунизма, то поток документов прервется, но лишь на время, ибо только на короткое время может восстановиться коммунизм, и то - как состояние гражданской войны, а не сталинской диктатуры или брежневского "застоя". Но сколько бы документов ни извергли из своих недр архивы коммунистической эры, - они не прибавят к тому, что уже известно, ничего **качественно** нового. Прежде всего, исключено появление документов, которые могли бы реабилитировать коммунизм. Ни в качестве доктрины, ни в качестве практики он не может быть оправдан и обоснован никакими соображениями теоретического, практического или морального порядка. Объяснен - да; оправдан - нет.

Документы, которые будут выплывать из архивов советской эры, добавят лишь новые штрихи к портрету, уже написанному - и самой историей, и ее исследователями, и художниками. Может быть, на отдельных лицах появятся черточки, очеловечивающие их нынешний облик, хотя и на это надежда невелика. Может быть, возникнут из небытия люди, сопротивлявшиеся "утопии у власти". Но уж во всяком случае - не на самых ее верхах. Согласно опубликованному в феврале 1992 года в российской периодической печати сообщению председателя Комитета по делам архивов при правительстве Российской Федерации Р. Пихоя, готовится издание шести-семи томного дополнения к наиболее до сих пор полному собранию сочинений Ленина - к пятидесятипятитомному ПСС. Эти тома могут положить дополнительные штрихи и тени на ленинский портрет, но не облагородят и не оправдают ни его самого, ни его доктрины, ни его партии. И все-таки бесценны все уточнения исторических феноменов, будь то события, учения или люди.

В 1991 году московское Издательство политической литературы выпустило книгу "Реабилитация. Политические процессы 30-50-х годов", созданную коллективом авторов под общей редакцией А. Н. Яковлева. Собственно авторских текстов в книге немного: преобладают в ней документы (стенограммы, протоколы, письма). Но все-таки они предваряются и заключаются пояснениями, размышлениями, комментариями и выводами тех, кто отбирал и группировал документальные материалы. Поэтому книга воспроизводит не только эпоху, которой посвящена (1930-1950-е годы), но и миропонимание советских историков времени своего создания (конец 1980-х - начало 1990-х годов). Это повышает ее историческую ценность.

Особенность всех документов как раннего (апрель 1953-1964 гг.), так и позднего ("перестройка" и "гласность", 1980-199? годы) "реабилитанса": осужденные в сталинские времена коммунисты реабилитируются на ос-

новании доказанной при пересмотре "дела" их верности коммунистической партии, ее идеологии и советскому государству. Ни одного случая реабилитации "государственного преступника" тех лет в силу действительной его борьбы против марксизма-ленинизма, против советского строя и государства я не знаю.

Можно в какой-то мере понять юридическую обоснованность такого подхода: законопослушные коммунисты сталинской эры действительно не совершили инкриминированных им тогда преступлений и, следовательно, не могли быть за них законно осуждены. Ни шпионами, ни диверсантами они не являлись. Но поражает полная моральная инертность, абсолютная чуждость истинного исторического анализа не только юридических документов о реабилитации "врагов народа" сталинских лет. Вызывают недоумение и сопровождающие эти документы уже современные (1990-1991 гг.) комментарии составителей, их собственные тексты.

Составители в своей системе нравственного отсчета не выходят за пределы критериев 1950-1960-х годов. В книге, а это (подчеркнем еще раз) не только сборник документов, но и их анализ, нет и намека на оценку жертв Сталина с точки зрения общ исторической и общечеловеческой, с позиций посткоммунистических. Жили-были замечательные большевики-ленинцы, затесался меж них уголовник Сталин и передумил их, не сопротивлявшихся ему и его охране, как волк ягнят. Собственные личные и гражданские качества реабилитируемых ни под какое сомнение не ставятся, не вызывают никаких оговорок. Такова же, по существу дела, и позиция общества "Мемориал", с начала эпохи "гласности" требовавшего реабилитации жертв Сталина (видоизменялась эта позиция крайне медленно).

Составители и авторы книги "Реабилитация" не могут освободиться от пиетета перед первобольшевиками. Поэтому они не видят, что, неповинные в деяниях, приписанных им сталинским судом и в этой связи действительно подлежащие оправданию, ленинские "гвардейцы" не должны избежать посмертного суда совести и суда истории. Не совершившие преступлений **против** партии, они совершали преступления **вместе** с партией, **во главе** партии, **во имя** партии.

Понятие **реабилитация** по отношению к этим людям может быть применено лишь крайне узко и специфично. Естественной была бы **отмена** решений по всем политическим процессам, в данном случае, 1930-1950-х годов. В принципе же вопрос должен быть поставлен шире: обо всей коммунистической эпохе и о серьезном изучении юридической истории этой эпохи. В таком изучении все штрихи, наносимые резцом достоверного документа на портрет эпохи, чрезвычайно важны. Полнота, представительность, истинность документов позволяют пренебречь предвзятостью и беспомощностью сопровождающих эти материалы текстов, тем более что у нас есть полная возможность противопоставить умозаключениям составителей книги свои аргументы

* * *

В главах своей книги, посвященной Троцкому, я цитировала воспоминания последнего о его беседах с Зиновьевым и Каменевым. Коротко напомним:

"В 1926 г., когда Зиновьев и Каменев, после трех с лишним лет совместного со Сталиным заговора против меня, присоединились к оппозиции, они сделали мне ряд нелепых предостережений.

- Вы думаете, Сталин размышляет сейчас над тем, как возразить вам? - говорил, примерно, Каменев по поводу моей критики политики Сталина-Бухарина-Молотова в Китае, в Англии и пр. - Вы ошибаетесь. Он думает о том, как вас уничтожить.

- ?

- Морально, а если возможно, то и физически. Оклеветать, подкинуть военный заговор, а затем, когда почва будет подготовлена, подстроить террористический акт. Сталин ведет войну в другой плоскости, чем вы. Ваше оружие против него недействительно*.

В другой раз тот же Каменев говорил мне: Я его (Сталина) слишком хорошо знаю по старой работе, по совместной ссылке, по сотрудничеству в "тройке". Как только мы порвали со Сталиным, мы составили с Зиновьевым нечто вроде заветования, где предупреждаем, что в случае нашей "нечаянной" гибели виновным в ней надлежит считать Сталина. Документ этот хранится в надежном месте. Советую Вам сделать то же самое.

Зиновьев говорил мне не без смущения: "Вы думаете, что Сталин не обсуждал вопроса о вашем физическом устранении? Обдумывал и обсуждал. Его останавливала одна и та же мысль: молодежь возложит ответственность лично на него и ответит террористическими актами. Он считал поэтому необходимым рассеять кадры оппозиционной молодежи. Но что отложено, то не потеряно... Примите необходимые меры".

В репрессивную политику Сталина мотивы *личной мести* всегда входили серьезной величиной. Каменев рассказывал мне, как они втроем - Сталин, Каменев, Дзержинский - в Зубалове вечером 1923 (или 1924?) года провели день в "задушевной" беседе за вином (связала их открытая ими борьба против меня). После вина на балконе заговорили на сентиментальную тему: о личных вкусах и пристрастиях, что-то в этом роде. Сталин сказал: "Самое лучшее наслаждение - наметить врага, подготовиться, отомстить как следует, а потом пойти спать".

* Вероятно, недействительно."/1/.

Можно ли после этих свидетельств сомневаться в ненависти Зиновьева и Каменева к Сталину?

Однако создатели книги "Реабилитация" с трогательным простодушием полагаются на искренность изъятий симпатий Зиновьева к Сталину. Они трактуют (поистине орвелловские по двоедушию) письма первого ко второму как доказательства "невиновности"(?) Зиновьева - перед кем и в чем? Первое из этих посланий связано с арестом по "делу" об убийстве Кирова и пишется во время обыска, у Зиновьева дома, 16 декабря 1934 года. В книге "Реабилитация" это письмо предварено таким текстом:

"Свидетельством того, что новый арест явился для них полной неожиданностью, так как никакой вины они за собой не чувствовали, является письмо Г. Е. Зиновьева И. В. Сталину, написанное во время производства у него на квартире обыска. Вот его текст.

Сейчас (16 декабря в 7 1/2 веч.) тов. Молчанов с группой чекистов явились ко мне на квартиру и производят у меня обыск.

Я говорю Вам, товарищ Сталин, честно, с того времени, как распоряжением ЦК я вернулся из Кустаная, я не сделал ни одного шага, не сказал ни одного слова,

не написал ни одной строчки, *не имел ни одной мысли*, которые я должен был бы скрывать от партии, от ЦК, от Вас лично. Я думал только об одном: как заслужить доверие ЦК и Ваше лично, как добиться того, чтобы Вы включили меня в работу.

Ничего, кроме старых архивов (все, что скопилось за 30 с лишним лет, в том числе и годов оппозиции), у меня нет и быть не может.

Ни в чем, ни в чем, ни в чем я не виноват перед партией, перед ЦК и перед Вами лично. Клянусь Вам всем, что только может быть свято для большевика, клянусь Вам памятью Ленина.

Я не могу себе и представить, что могло бы вызвать подозрение против меня. Умоляю Вас поверить этому честному слову. Потрясен до глубины души "/2/.

Если бы эта записка попала на стол исследователя, не читавшего в жизни своей *ничего*, кроме официальных партийных источников 1930-1980-х (до, примерно, 1988-го) годов, можно было бы поверить в искреннюю наивность преамбулы составителей книги. Но в начале 1990-х годов, при нынешней начитанности даже официозных (до недавнего времени) историков, наполнять понятия виновности и невиновности содержанием, характерным для советской юстиции 1918-1988 гг., просто несерьезно. Если письма охваченного безумным страхом Зиновьева Сталину воспринимаются историками как свидетельство "невиновности"(?) Зиновьева, то почему же "признания" Зиновьева на следствии и суде не воспринимать как свидетельства его виновности? Помимо того, что одно только признание или непризнание подследственного или обвиняемого (без дополнительных неопровержимых данных) не есть доказательство чего бы то ни было, - *какую* вину или невиновность, вину *перед кем и чем* рассматривают авторы и редактор книги в качестве высшего и окончательного критерия своих оценок? Это остается загадкой. В книге законсервирован официозный подход, в лучшем случае, 1950-1960-х годов. Между тем, к 1990-1991 годам, когда сдавалась в печать и выпускалась в свет книга "Реабилитация", фигура Зиновьева, равно как и весь процесс "становления партократии" (А. Авторханов), а также и "технология власти" (он же) коммунистов, были изучены досконально, в массе работ. Можно ли в наши дни сомневаться, что Зиновьевым 1934 года, распинавшимся в своей преданности Сталину, владело не сознание своей невиновности (в чем? перед кем?), а безудержное чувство страха? В его записке, приведенной выше, потрясает парадокс, воссозданный художественной интуицией Кафки и Орвелла: ужас тела, влекомого в пыточную камеру, так безграничен, что имитация противоестественной преданности своему палачу становится для обреченной на пытку жертвы неотличимой от истинной преданности этому палачу. Человек, охваченный неодолимым ужасом, может почти убедить в своей искренности *себя*, но не палача. Потому что *чужого* (пусть и проигравшего, и смирившегося) дьявол чувствует под любой маской. Зиновьев старается вывернуться наизнанку и показать, что даже изнанка его чиста от былой враждебности к Сталину, но Сталин знает, что за этой истерикой преданности стоят ужас и ненависть. Ничего похожего на идейное противостояние в клике наследников Ленина уже нет. Вопрос о вожаке стай решен. Но победитель безжалостно перегрызает позвонки вчерашним претендентам на лидерство - на всякий случай. И никакие lamentации их не спасут, тем более что они и на самом деле лживы: верните побежденным свободу и, главное, силу - и они немедленно оскалят зубы.

Есть и еще одна причина для неумолимости Сталина: недостаточная (по ощущению Сталина) цельность "интеллигентских перебежчиков" (Бухарин), "лучших в мире вождей" (он же) в низости, в бескультуре, в абсолютной беспринципности и безыдейности. Все-таки это были не Покрёмбышев, не Ворошилов, не Буденный - стерильно бездумные и угодливые прислужники. И еще: каждый из обреченных в прошлом имел несчастье так или иначе, тайно или явно проявить свое ощущение превосходства над Сталиным. У Ворошилова же, Буденного и т. п. такое и в подсознании не возникало: они (и Хрущев - тоже) искренне ощущали Сталина недосыгаемо высоко над собой. Не только по положению, но и по качеству. А Микоян своим лицедейством смог провести, по-видимому, даже Кобу. А, может быть, по уровню низости ощущался как свой.

Следуя составителям "Реабилитации", не поскупимся на место для еще одного документа, приведенного ими полностью. Они и в нем усматривают противоречия, трактуемые в пользу Зиновьева, - как очередное доказательство его невинности перед партией. Я же и здесь вижу извращеннейший орвелловский симбиоз неодолимого лицемерия и ужаса, диктующего притворщику не проговариваться даже перед самим собой. Зиновьев, заземленный в капкане, "любит" Сталина и "генеральную линию партии" так, чтобы даже и всевидящий глаз не нащупал в нем неистребимой и неодолимой ненависти к победителю. Но этого победителя не проведешь.

Обратите внимание на выделенные нами места, на их самоуничижительное кликушество, на истовость вывертов, обусловленных противоестественностью попыток добиться доверия от каннибала, с которым пировал когда-то за одним столом и которого уже не однажды предал. Но у каннибала никогда к Зиновьеву и Каменеву доверия не было: были обычные для него тактические комбинации фигур на доске.

"На неоднократных допросах Г.Е. Зиновьев утверждал, что оппозиционный центр после XV съезда партии был распушен, организации не было, оставались лишь встречи и разговоры бывших оппозиционеров между собой, недовольство своим положением, надежды на возвращение бывших лидеров оппозиции к партийному руководству. И лишь после окончания следствия от него было получено "заявление следствия", которое, с учетом всех установленных по настоящему делу обстоятельств и в силу его противоречивости, не может расцениваться как признание им своей виновности. Вот полный текст этого так называемого "заявления":*

"Тов. Агранов указал мне на то, что дававшиеся мною до сих пор показания не производят на следствие впечатления полного и чистосердечного раскаяния и не говорят всего того, что было.

Сроки следствия приближаются к самому концу. Данные мне очные ставки тоже, конечно, производят на меня свое действие. Надо и надо мне сказать следствию все до конца.

Верно, что то, что я говорил в предыдущих показаниях, содержит больше о том, что я мог бы сказать в свою защиту, чем о том, что я должен сказать для полного обличения своей вины. Многое я действительно запомнил, но многого не хотелось додумать до конца, а тем более сказать следствию до самого конца.

Между тем я хочу разоружиться полностью.

* Приводится с сокращениями. - Ред.

Между тем я сознаю свою огромную вину перед партией и полон настоящего раскаяния. Не хватало душевных сил и "физической силы" ума додумать все до конца.

...

Дело не в отдельных деталях и эпизодах. Суть дела в том, что после XV съезда мы сохранились, как группа, строго говоря, существовавшая подпольно, считавшая, что ряд важнейших кусков платформы 1925-1927 гг. все же были "правильные" и что, раньше или позже, партия эту нашу "заслугу" признает.

Чтобы остаться в партии с этим убеждением, мы должны были обманывать партию, т. е. по сути двурушничать.

"Двурушничество" очень обидный и жесткий термин. Никогда не хотелось его "признать".

Но он - верный термин. Он грубо, но верно срывает маску с фикций и говорит "то, что есть".

И отсюда - все остальное!

Конечно, и на нас (в частности, на меня) развитие событий, начиная с 15 съезда, не осталось совсем без влияния. Великий успех первой пятилетки, затем успехи первых годов второй пятилетки, рост хозяйства, рост социалистической культуры, рост военной мощи Союза, рост мирового влияния СССР, рост партии, успехи коллективизации и пр., и пр. - все это не могло у нас самих не колебать веру в нашу платформу 1925-1927 гг.

Но "утешались" тем, что в других частях мы все-таки "оказались правы" (в последнее время - по линии работы Коминтерна), что-де партийный режим "ужасен" и т. п., "утешались" тем, что-де многое с 1928 г. делается "по-нашему", но делается с "большими накладными расходами" и т. п.

Соответственно всему этому питали враждебные чувства к партруководству и к т. Сталину.

...

Я много раз после XV съезда и особенно после XVI съезда говорил себе: довольно, доказано, что во всем прав ЦК и т. Сталин, надо раз навсегда признать это и внутренне сделать из этого все выводы. Но при новых поворотных событиях, новых трудностях и т. д. начинались новые колебания. Яркий пример - 1932 г., события которого я описал более подробно в своих показаниях.

Я опять становился рупором антипартийных настроений. Субъективно я, конечно, не хотел вредить партии и рабочему классу. По сути же дела становился в эти годы рупором тех сил, которые хотели остановить социалистическое наступление, которые хотели сорвать социализм в СССР.

Я был искренен в своей речи на XVII съезде и считал, что только в способе выражений я "приспосаблиюсь" к большинству. А на деле во мне продолжали жить две души.

...

А партия чувствовала, что у нас камень за пазухой, и, конечно, не могла врагам или полуврагам линии партии и ее руководства возратить сколько-нибудь серьезное, политическое и организационное влияние.

Глядя назад, надо сказать, что на деле партия слишком бережно относилась к нам. Но верить нам по-настоящему она, конечно, не могла.

А мы продолжали жить своей особой психологией, по "законам" развития "замкнутого кружка", "непризнанных", "обиженных", "лучше всех видящих, но лишенных возможности показывать путь другим".

Личные связи тоже все больше и больше сводились к кружку б. ленинградских работников, вместе со мной смещенных из Ленинграда.

Я утверждал на следствии, что с 1929 г. у нас в Москве центра б. "зиновьевцев" не было. И мне часто самому думалось: какой же это "центр" - это просто Зиновь-

ев плюс Каменев плюс Евдокимов плюс еще два-три человека, да и то они уже почти не видятся и никакой систематической антипартийной фракционной работы уже не ведут.

Но на деле – это был центр.

Так на этих нескольких человек смотрели остатки кадров б. "зиновьевцев", не сумевших или не захотевших по-настоящему раствориться в партии (прежде всего остатки "ленинградцев").

Бывшие мои единомышленники, жившие в Москве в последние годы, голосовали всегда за генеральную линию партии, высказывались открыто в духе партии, а "промеж себя" преступно продолжали говорить хоть и не совсем по-старому (жизнь выбивала из-под ног многие "основы" платформы 25-27 гг.), но враждебно к линии партии и ее руководству.

И этим двурушническим поведением они показывали пример другим, тем, в чьих глазах группа эта представлялась "авторитетной".

Встречи членов этого центрального кружка б. "зиновьевцев" становились все более редкими и, главное, все более беспредметными.

В 1933-1934 гг. у меня и у Каменева этих встреч уже почти не было совсем. Но все-таки в различных комбинациях они друг с другом виделись (отчасти по родственной линии). Я старался по-прежнему все узнавать – о коминтеровских делах через Мадьяра (когда я работал в "Большевике", многое я узнавал и через официальные источники), о хозяйственных делах – отчасти через Горшенина.

С Каменевым теперь часто говорили уже о другом – о Пушкине, о литературной критике и т. п. и для себя с горечью прибавляли: "Это у нас форма отхода от политики". Но и сообщали друг другу "новости", слухи, встречи, обменивались политическими соображениями и наблюдениями, в общем, в двойственном духе: многое идет-де "здорово" и хорошо, а многое – плохо, не так, с "накладными расходами" и т. п.

И в отношениях к партруководству была та же двойственность, т. е. с точки зрения членов партии, по существу – враждебность.

Вместе с тем мечтали о том, чтобы нас "привлекли" к работе; ясно понимали, что привлечь могут **только** как "кустарей"–одиночек.

Конечно, если бы дело ограничивалось только разговорами 2-3 друзей, если бы это делалось в безвоздушном пространстве, если бы из-за рубежа не шли волны буржуазной ненависти, если бы за нашей спиной не было некоторых антипартийных групп и группочек – это была бы только двойственность (или двурушничество) двух или нескольких людей.

На деле же в реальной обстановке нашей действительности это было преступление перед партией, обман партии.

И, хотели мы этого или нет, фактически мы оставались одним из центров борьбы против партии и той великой работы, которую она вела и ведет.

Как могла существовать в последние годы в Ленинграде организация "зиновьевцев" без того, чтобы я о ней не знал?

А между тем – это факт, что **я не знал** этого до моего ареста и до моих допросов в ДПЗ. Я говорю вам сейчас чистую правду, что **не знал** и думал, что ее в последние годы не существует. Поздно и бесцельно мне увиливать от ответственности – я это понимаю **вполне**. Но если бы я сказал вам сейчас, что знал о существовании организации б. "зиновьевцев" в Ленинграде 1933-1934 гг., я бы сказал неправду.

Конечно, я говорил летом 1932 г. "только" об идейных разногласиях, конечно, я говорил, что организационной борьбы мы не хотим (ибо считали ее безнадежной),

что будем "только" выжидать и т. д. Но следствие право, что на деле это было поощрением и к организационным связям.

Вернувшись в 1933 г. из ссылки (где я внутренне много пережил и старался сломать в себе старые антипартийные настроения), я с преступным легкомыслием не раскрыл партии всех лиц и всех попыток антипартийных сговоров.

В те времена нужно было сделать две вещи: во-первых, - сделать ряд публичных выступлений не дипломатического порядка, а подлинно разоблачающих нашу прежнюю антипартийную линию и подлинно солидаризирующихся с партией и ее руководством; во-вторых, - раскрыть партии все прежние антипартийные связи со всеми конкретными именами и деталями. На первое меня хватило. На второе - нет. И это было моей главной бедой и главной виной.

Вспоминая теперь тогдашнюю психологию, я вижу, что настроение было какое-то эгоцентрическое: дескать, я ~~же~~ себя почти совсем сломал и внутренне; я же говорю и пишу теперь так, чтобы не оставить никаких сомнений в том, что все прошлое кончено и я подчиняюсь партии всерьез и окончательно; Каменев поступает так же, значит - говорил я себе - все будет кончено и у тех, кто к нам прислушивается. Не раз мы говорили тогда с Каменевым: ну, теперь последний шанс остаться в партии, изжить полосу отщепенства и отчуждения, поведем себя теперь по крайней мере так, что, если, скажем, через год спросят о нас и нашем поведении ОГПУ - ОГПУ ответило: ничего плохого сказать о них не можем.

...
О Ленинграде в 1933-1934 гг. действительно ничего не знал, кроме чего-нибудь случайного и отрывочного. Но, конечно, я должен был помнить, что в Ленинграде остались люди, которые шли за нами, которые не покинули антипартийных позиций, которые, вероятно, друг с другом встречаются и которые последнее, что слышали обо мне, - это настроения 1932 г.

О бывших "безвожденцах" (молодежи) меньше всего в эти годы - 1933-1934 - думал. С ними интимной связи не было. Но знал и не мог не знать, что и за вычетом их в Ленинграде есть люди, прежде связанные с нами и оставшиеся в антипартийных настроениях, и что они, вероятно, друг с другом встречаются.

Об их приездах в Москву в 1933-1934 гг. действительно не слышал и о поездках в Ленинград для антипартийных дел в эти годы - тоже не слышал.

Когда Евдокимов говорил мне, что он был в Ленинграде (не помню, в 1933 г. или в 1934 г.), он отнюдь не говорил о встречах с Левиным или с кем-нибудь в этом роде, а рассказывал, кого видел в Смольном, как с ним разговаривали официальные руководители, как покойный С. М. Киров спрашивал его: "А как думаешь, можно верить Зиновьеву?" и т. п.

Но, повторяю, при желании сколько-нибудь серьезно подумать о прошлом - я не мог не понимать, что в Ленинграде осталось определенное количество б. "зиновьевцев", настроенных антипартийно.

Покончить с этим можно было, только выдав партии всех антипартийно настроенных лиц, с которыми мы были ранее связаны.

На это не хватило партийности и чувства ответственности. Радовались (я и Каменев), что этого от нас прямо не требуют (т. е. партия и государственная власть не требуют), и рассчитывали, что "как-нибудь" это само "рассосется".

А в Ленинграде в действительности в это время происходило нечто совсем другое. Из обывательского акта по делу убийц Кирова я узнал, что именно в 1933-1934 гг. особенно активизировалась работа этих людей. Результаты известны.

Итак, я действительно не знал в последние годы о существовании организации б. "зиновьевцев" в Ленинграде. Но я знал и не мог не знать, что в Ленинграде остались антипартийно настроенные б. "зиновьевцы", что, вероятно, они встречаются.

Знал и молчал. Знал и скрывал от партии.

И объективно это имеет большее значение, чем то, что я не знал об организации последних годов. И я должен признать перед следствием, что гвоздь вопроса в этом последнем.

Дело обстоит в 1933-1934 гг., конечно, не так, что вот сегодня я сказал речь или написал статью или заявление с полным признанием генеральной линии партии и ее руководства, а завтра шептал на ухо, что на деле я против всего этого.

Но прежние годы обмана и двурушничества выработали мнение: ну, это все, должно быть, вынужденное, на деле они, вероятно, думают другое.

А со временем до б. "зиновьевцев" доходили отдельные отзывы, замечания, слова, из которых они могли заключить, что действительно камень за пазухой остается.

И выводы делались сами собой.

Я полон раскаяния - самого горячего раскаяния...

Я готов сделать все, все, все, чтобы помочь следствию раскрыть все, что было в антипартийной борьбе моей и моих бывших единомышленников, а равно тех, с кем приходилось соприкасаться в антипартийной (по сути контрреволюционной) борьбе против партии.

Я называю всех лиц, о которых помню и вспоминаю, как о бывших участниках антипартийной борьбы. И буду это делать до конца, памятуя, что это мой долг.

Особая и, конечно, самая тяжелая глава - мое отношение к руководителям партии и, в особенности, к т. Сталину.

Не время и не место отделяться мне тут банальностями.

Да, то, что в 1925-27 гг. могло считаться "отрицательными личными характеристиками в политической борьбе", превращается в моря клеветничества при свете событий, как они развивались дальше и как обстоит дела в 1935 г.

Более молодые члены Политбюро (относительно более молодые, но на деле - старейшие работники большевистской партии), к которым мы пытались относиться так пренебрежительно, выполнили величайшую историческую задачу в эпоху, когда я и другие, считавшие себя "незаменимыми", оказались рупорами антипролетарских тенденций и хуже того. Это факт.

Ну, а о Сталине - нечего говорить.

Многие из клеветнических высказываний против него, многие из отаратительных заявлений и характеристик приписываются лично мне зря. Их не было вовсе или они были плодом "коллективного творчества". Но достаточно, сверхдостаточно того, что было.

...

Не хочу здесь говорить слов, которые показались бы льстивыми. Никому это не нужно и в особенности не нужно самому Сталину. Если мне не доведется больше видеть и слышать о том, как он, истинный и достойный преемник Ленина, ведет и дальше СССР, ведет колонны мирового пролетариата от победы к победе, - я горячо желаю ему счастья и успеха на этом пути.

О себе же лично позволю себе заметить только: несмотря на то, что было со мной за последние годы, всю свою сознательную жизнь был и до последнего вздоха останусь всей душой преданным мировому пролетариату.

Пусть на моем тяжелом примере учатся другие, пусть видят, что значит сбиться с партийной дороги и куда это может привести.

Если когда-либо буду еще иметь какую-нибудь возможность работать - все отдам, чтобы хоть немного загладить свою великую вину.

Г. Зиновьев

13 января 1935 г./3/.

Главная мысль автора письма: вот уж **на этот раз** всё сказано до конца; **на этот раз** ножа за пазухой, действительно, нет; **теперь-то уж** рискните поверить: не промахнетесь.

Мне скажут: не стыдно ли ставить всякое лыко в строку человеку, преобладающему под угрозой пытки, что страшнее смерти?

Я не осмеливаюсь упрекнуть, например, Каменева, который после долгого сопротивления понял, что он не может больше страдать, махнул рукой и подписал все, чего требовала дьявольская изобретательность Сталина. И никого из "признавшихся" не упрекаю: что есть страх в одиночной камере и в кабинете следователя, я хорошо знаю. Меня потрясает словесная "диалектика" Зиновьева, упорно им изображаемая душевность заверений в "преданности без лести" - его изгаливание перед ненавистным убийцей. Куда достойней, к примеру, каменевский безнадежный и лаконичный самооговор - как признание безвыходности положения (после долгих попыток не клеветать на себя и других). Вот микроотрывок из судебного разбирательства "дела" Каменева:

"Когда в судебном заседании А. Я. Вышинский сделал вывод о том, что Л. Б. Каменев, как один из организаторов "объединенного троцкистско-зиновьевского центра", вынужден был признать себя виновным в террористической деятельности, оказавшись перед "стеной улик", то в ответ на это Л. Б. Каменев заявил, что он признал себя виновным не потому, что против него имелись улики, а потому, что будучи арестованным и обвиненным в этом преступлении, я его признал" /4/.

Лаконично, но выразительно. И так - не раз. Совершенно иной характер носит фантазмагорическая, с первого обывка при аресте, литературщина полупризнаний Зиновьева. Ни на мгновение он не перестает привычно манипулировать фальшивой риторикой партийного интеллигентоида. К самому концу припасено в этом многословном и беспомощном послании главное: беспардонная, беззастенчивая лесть Сталину, полная - в пятно - перед ним распластанность и крохотная надежда, что поверит и еще разрешит пожить. Не в пору ли после такого самоизничтожения удавиться? Но у реабилитаторов 1990-91 годов Зиновьев не вызывает отвращения (в отличие, например, от вызывающего их возмущение Сталина), скорее встречает у них понимание и сочувствие:

"О моральном и физическом истощении Г. Е. Зиновьева свидетельствуют его тюремные письма. В записках, обращенных к И. В. Сталину, он писал:

"10 апреля 1935 г. Еще в начале января 1935 года в Ленинграде в ДПЗ секретарь ЦК тов. Ежов, присутствовавший при одном из моих допросов, сказал мне: "Политически Вы уже расстреляны".

Я знаю, что и физическое мое существование во всяком случае кончается. Один я чувствую и знаю, как быстро и безнадежно иссякают мои силы с каждым часом, да и не может быть иначе после того, что со мной случилось...

14 апреля 1935 г. При всех обстоятельствах мне осталось жить во всяком случае очень недолго: вершок жизни какой-нибудь, не больше.

Одного я должен добиться теперь: чтобы об этом последнем вершке сказали, что я осознал весь ужас случившегося, раскаялся до конца, сказал Советской власти абсолютно все, что знал, порвал со всем и со всеми, кто был против партии, и готов был все, все, все сделать, чтобы доказать свою искренность.

В моей душе горит одно желание: доказать Вам, что я больше не враг. Нет того требования, которого я не исполнил бы, чтобы доказать это... Я дохожу до того, что подолгу пристально гляжу на Ваши и других членов Политбюро портреты в газетах с мыслью: родные, загляните же в мою душу, неужели же Вы не видите, что я не враг Ваш больше, что я Ваш душой и телом, что я понял все, что я готов сделать все, чтобы заслужить прощение, снисхождение...

1 мая 1935 г. Ну где взять силы, чтобы не плакать, чтобы не сойти с ума, чтобы продолжать жить...

6 мая 1935 г. Если бы я мог надеяться, что когда-нибудь мне будет дано хоть в малой степени загладить свою вину. В тюрьме со мной обращаются гуманно, меня лечат и т. д. Но я стар, я потрясен. За эти месяцы я состарился на 20 лет. Силы на исходе.

...Помогите. Поверьте. Не дайте умереть в тюрьме. Не дайте сойти с ума в одиочном заключении".

10 июля 1935 г. Г. Е. Зиновьев обращается с запиской в НКВД:

"Товарищи! Родные!

Дело не только в лишении свободы, болезнях и прочее. Дело прежде всего в моральном факторе. Я убит. Я совершенно убит. И хоть некоторое время я мог бы протянуть только в концлагере с возможностью работы и передвижения".

Будучи доставлен из Челябинской тюрьмы в Москву в качестве обвиняемого по настоящему делу, Г. Е. Зиновьев 12 июля 1936 г. пишет И. В. Сталину письмо:

"Состояние мое совсем плохое. Я боюсь, что не доведу.

Горячая просьба: издать мою книгу, написанную в В. Уральске. Она не кончена (не успел), но все-таки главное сказано. Писал ее кровью сердца.

И еще, если смею просить: о семье своей, особенно о сыне. Вы знали его мальчиком. Он талантливый марксист, с жилкой ученого. Помогите им.

Всей душой теперь Ваш - Г. Зиновьев".

И наконец, за день до суда, 18 августа 1936 г., Г. Е. Зиновьев пишет, что в связи с поставленными ему следствием вопросами он просит добавить к своим предыдущим показаниям ряд дополнительных данных о якобы проводившейся террористической деятельности "объединенным центром". Получение подобного письма от Г. Е. Зиновьева за день до суда свидетельствует о том, что до последнего момента работники НКВД постоянно воздействовали на него, с тем чтобы он не имел возможности отказаться от данных им ранее показаний"/5/.

А не свидетельствует ли оно еще и о том, что до последнего мгновенья Зиновьев недостойно цеплялся за жизнь - за **любую** жизнь, готовый выкупить ее **любой** ценой? "Всей душой теперь Ваш..."

Как можно было до последней минуты искать жалости и сочувствия именно у Сталина, еще в 1926 году так хорошо объяснив Троцкому, что есть Сталин? На такие вопросы могли бы ответить только искусство и психиатрия, но не история...

(Окончание главы "Дополнительные штрихи к портретам" и "Заключение" по серии статей Д. Штурман о "ленинской гвардии" - в следующем номере нашего журнала)

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лев Троцкий. "Дневники и письма". Изд. "Эрмитаж", США, 1986, с. 72, 73, 94, 196. Курсив Троцкого.

2. "Реабилитация. Политические процессы 30-50-х годов". Издательство политической литературы. Москва, 1991, с. 154-155. Выд. Д. Ш.

3. Там же, с. 159-164. Выд. Д. Ш.

4. Там же, с. 184. Выд. составителями.

5. Там же, с. 184-185. Выд. Зиновьевым.

Аресты руководства НТС в Берлине

К истории Народно-Трудового Союза

Ярослав ТРУШНОВИЧ

Создатели НТС знали, что борьба не обходится без потерь. Но "смерть не страшна, когда зовет Россия!" - пели они на своих встречах.

Первые потери Союз понес уже через три года после создания организации: летом 1933 года, при попытке переправить в СССР П. Ирошникова и М. Флоровского - с помощью Обще-Воинского Союза, поскольку собственных возможностей тогда еще не было. Переправлявшие оказались работавшими внутри РОВСа советскими агентами.

Проникли советские агенты и на руководящие посты Братства Русской правды, активно действовавшего в Прибалтике. Обманом, - якобы по поручению руководства НТС, - они создали молодежную группу Союза и шесть человек из них переправили через границу - прямо в руки чекистов. Имен их я не знаю, но они несомненно есть в архивах КГБ, которые следует как можно скорее сделать достоянием общественности.

И хотя после этого руководство Союза раз и навсегда решило подвергать строжайшей проверке представляющиеся возможности, без жертв не обошлось и впоследствии, - начиная с 1938 по начало войны 1941 года: при переходах советско-польской границы, при переходе в СССР через Румынию, при захвате Красной армией восточных областей Польши. В числе жертв были и те, кто создал Союзную группу без прямого контакта с руководством НТС, на основании забрасывавшейся через границу литературы. Те, о ком московская радиостанция им. Коминтерна 6 декабря 1938 года сообщила: "Захвачено в Москве восемь диверсантов Национально-Трудового Союза Нового Поколения. У них найдены программы и ленточки Союза".

Эти удары были нанесены Союзу руками чекистов, людей, говорящих на том же языке, что и члены НТС, но находящихся в коммунистическом лагере, лагере врагов России. Но прошло немного времени, всего два года с начала войны, и НТС понес чувствительные потери от рук гитлеровских чекистов, гестаповцев. И сталинские чекисты, и гитлеровские гестаповцы преследовали членов Союза за одно и то же преступление: за верность и любовь к России.

В докладе "Иллюзии и действительность" председатель НТС В. М. Байдалаков объявил в Белграде 22 февраля 1939 года, что Союз в приближавшейся схватке будет "Ни со Сталиным, ни с иноземными завоевателями, а со всем русским народом". Эту концепцию тогда многие считали иллюзорной, полагая, что следует примкнуть к одной из сторон, обладавших

Продолжение. Предыдущие статьи исторической серии Я. А. Трушиновича см. "Посев" №№ 1-6 за 1990 г., №№ 1-3, 6 за 1991 г., №№ 1, 3 за 1992 г.

реальной силой. Оно и правда, реальных сил у НТС почти не было. Но была вера в Россию. А это тоже сила и, как оказалось, немалая.

Члены НТС остались верны провозглашенному принципу, за что многие во время войны попали в гитлеровские тюрьмы и лагеря. Живыми из них вернулись далеко не все.

Люди, встречавшие немцев как освободителей, подлинный замысел Гитлера разгадали не сразу. Тем более, что разгадывать так не хотелось: слишком ужасной была эта разгадка. И призывы членов НТС, попадавших на оккупированные территории, - "Ни Сталин, ни Гитлер, а Россия!" - в первое время имели сравнительно небольшой отклик. Но если можно согласиться с талантливым польским писателем Ю. Мацкевичем, что государственная политика Гитлера была "только подобием государственной политики; в действительности же это была цепь непредвиденных личных выходов", то его безумные расовые идеи несколько не менялись до самого конца. Славян он считал "навозом для немецкой расы", а уничтожать евреев призывал еще в своем последнем послании, за несколько часов до самоубийства...

Однако довольно быстро гитлеровскую политику люди стали понимать лучше, симпатии к "немцам - освободителям от большевизма" стали превращаться в озлобление. И тот, кто в начале войны встречал немцев, держа в руках цветы, готовы были взять в руки оружие. Обманутые надежды весьма часто превращаются в лютую ненависть.

Мы уже писали, что в Брянске группа девушек, членов НТС, писала и расклеивала по городу плакаты. Начинали осторожно: "Никто за нас не сделает русского дела!", считая, что это достаточно понятно. Но затем содержание плакатов становилось все более резким. Удалось создавать и нелегальные типографии, например, в Виннице, где на окне стоял многократно и многими использовавшийся, но безотказный сигнал: цветочный горшок, который в случае опасности убирался или передвигался. Типографию создала группа Александра Ипполитовича Данилова, архитектора из Белграда. Там печатали материалы НТС и листовки, которые никак не могли понравиться гестапо.

В оккупированных немцами областях членов НТС гестапо арестовывало неоднократно (см., например, записки А. Ширинкиной, опубликованные в "Посеве"). Но основной и весьма ощутимый удар был нанесен по руководству НТС, находившемуся в Германии, главным образом в Берлине. В тот период и члены Совета НТС, и его Исполнительное Бюро, и Председатель НТС были преимущественно людьми "первой" эмиграции. До войны они жили в Белграде, Праге, Софии, Париже, Брюсселе, где полиция за ними достаточно внимательно наблюдала. Все эти города были оккупированы гитлеровскими войсками, а местные полицейские архивы, в этом можно было не сомневаться, попали в руки гестапо, - вместе с данными о руководителях НТС, вместе с их еще довоенными высказываниями в адрес будущих иностранных завоевателей.

Одним из центров работы НТС в Берлине была редакция "Нового Слова", единственной русской газеты, допущенной немцами. Ее редактором был В. М. Деспотули, русский грек, офицер, в первую мировую войну адъютант командующего русскими войсками в Персии. После войны он

начал издавать небольшую русскую газету, не выделявшуюся среди ряда эмигрантских газет. Его коллега по университету, некий Лейбрандт, с самого начала примкнувший к национал-социалистам, печатал свою небольшую газету в той же типографии. Впоследствии, занявший крупное место в одном из министерств, он-то и добился, чтобы "Новое Слово" не было закрыто (по его высказываниям можно было догадаться, что он не так уж одобряет гитлеровскую политику на Востоке).

"Новое Слово" при Гитлере можно было в какой-то мере сравнить с некоторыми русскими газетами или журналами при Сталине: статья, в которой несколько раз повторялось имя Сталина, а затем вполне приемлемый, а нередко и отличный материал. Единственная крупная антикоммунистическая газета на русском языке, "Новое Слово" пользовалось большой популярностью. Правда, распространение ее в оккупированных областях было запрещено, но она все-таки туда проникала в немалых количествах.

В январе 1944 года в Берлин из родного Днепропетровска прибыл Е. Р. Романов, у которого до этого уже была связь с Деспотули, предложившим ему должность ответственного секретаря редакции. Председатель НТС Байдалаков посоветовал принять предложение. Кроме влияния на содержание газеты, это место было важно еще и как не бросающаяся в глаза явка для членов НТС: в редакции газеты всегда было много посетителей. Среди них было немало интересных для НТС людей, с которыми завязывались знакомства. Кроме Романова, в редакции работали и другие члены НТС: С. П. Рождественский, И. В. Иегулов, М. Д. Одинец, Н. А. Досужкова, В. М. Шимановская.

Поскольку редакция ежедневно получала большое количество писем, главным образом от приехавших или привезенных на работу в Германию с оккупированных территорий, руководство НТС решило использовать это обстоятельство для знакомства с авторами наиболее интересных писем, особенно таких, в которых была критика гитлеровской политики. Специальная группа членов Союза обрабатывала этот обширный материал, вела переписку, знакомилась с людьми. Кодовое название ее было БОН ("Берлин Особого Назначения"). Во главе группы был врач Н. М. Сергеев, а кроме Романова в нее входили Р. Н. Александров (ленинградец, литературовед, известный составитель шахматных задач), А. М. Ползиков (эмигрант из Франции, прозванный членами НТС "Тишайшим" как за то, что был полным тезкой царя с таким прозвищем - Алексея Михайловича, так и за "тишайший" склад характера), инженер из Югославии А. И. Граков и, впоследствии, В. Быкадоров, молодой член Союза из Франции.

Работники БОНа ездили в рабочие лагеря, знакомились, беседовали, оказывали людям помощь, доктор Сергеев помогал, насколько это было возможно, больным.

21 и 22 июня 1944 года, в третью годовщину начала войны, гестапо в Берлине арестовало около тридцати членов Союза. Среди них В. М. Байдалакова, К. Д. Вергуна, Д. В. Брунста, Н. М. Сергеева, А. Н. Неймирка, Т. А. Одинец и ее мужа, А. И. Гракова, М. В. Геккера. Вскоре были арестованы С. П. Рождественский и В. Д. Поремский.

Были обыски, в частности на квартире Ползикова. Искали антинемецкую литературу и списки членов НТС и людей, связанных с организацией.

Литературы такой у Ползикова не было, а списки он успел во время обыска проглотить.

Все арестованные в эти дни были из "первой" эмиграции, что подтверждает высказанное выше предположение о захваченных гестапо полицейских архивах.

Руководство НТС ожидало арестов. И заранее было назначено запасное Исполнительное Бюро, в которое вошли Г. С. Околович, М. Л. Ольгский и Е. Р. Романов. Они устанавливали связь с оставшимися на свободе членами Союза (не обошлось без того, что некоторые испугались и от организации отошли, во всяком случае временно). Е. И. Мамуков, хотя и он был из "первой", белградской эмиграции, не был арестован, гестапо его не нашло. Он снимал комнату почти в самом центре Берлина, выходил из дому то в офицерской форме со значком РОА, то в костюме, то в плаще и встречи назначал на главных площадях города: "Тут им не придет в голову искать". Вместе с Трухиным, Меандровым и другими военными руководителями РОА Мамуков разрабатывал возможности нажима на немецкие власти. Он же участвовал в организации помощи арестованным (во всяком случае автор этих строк именно ему сдавал пакеты с передачами, доставленными в Берлин издавека, через Словакию и Австрию).

Основную роль в этой помощи играли, как это обычно бывает, женщины: М. И. Сергеева (мать доктора), А. А. Цвикевич, Т. В. Поремская, М. Геккер с дочерью Наташей. Передачи накапливались обычно в редакции "Нового Слова" у Иегулова.

В самой редакции произошли перемены: Деспотули был заключен под домашний арест, в редакторское кресло немцы посадили эсэсовца Амфлета; он привел с собой секретаршу, которая вместе с ним вела наблюдение за работниками редакции.

В конце августа 1944 г. из Вены в Берлин для встреч с оставшимися на свободе членами Союза приехали Околович и Ольгский. На обратном пути в Вену оба были арестованы.

Где-то в это время в редакцию пришло письмо Романову от киевского ученого Брунста, брата члена Исполнительного Бюро. Оно было прочтено гестаповцами, и через два дня после ареста Околовича и Ольгского был, в кабинете Амфлета, арестован и Романов.

Почти все члены НТС попали в старую берлинскую тюрьму на Александер-плац, в общие камеры. В одиночках содержали только Романова, Ольгского и М. Г. Гроссена. В лагерь Заксенхаузен из тюрьмы на Гросс-Хамбургерштрассе были направлены Вергун, Сергеев и Неймирок. Николай Митрофанович Сергеев через несколько недель там и умер: заключенных заставляли испытывать обувь для немецкой армии, целыми днями маршируя по кругу. Он натер ногу и получил заражение крови. Неймирок, пройдя через ряд самых страшных лагерей, чудом остался в живых и был освобожден американской армией в Дахау. Вергун в лагерях не умер - весной 1945 года он погиб от прямого попадания американской бомбы, во время налета на Пильзен.

Допрашивали арестованных членов НТС сравнительно немного и без применения "специальных методов": основное, что требовалось выяснить, было у гестаповцев в руках. "НТС - антинемецкая организация, вы представляете для нас опасность", - сказал следователь В. Д. Поремско-

му, которого из тюрьмы тоже на какое-то время отправили в Заксенхаузен, а затем вернули на следствие в тюрьму.

Следователями в гестапо были русские, бывшие энкаведисты, фамилия одного из них Майковский. В гестапо охотно брали этих товарищей как специалистов своего дела. Энкаведисты же шли на работу в гестапо кто по заданию из Москвы, кто сменив хозяина. После окончания войны некоторые из них сменили хозяина еще раз. Так, следователь НКВД, ставший следователем гестапо и допрашивавший А. Е. Ширинкину, впоследствии работал у американцев и доносил на НТС уже в ЦРУ.

Кроме вопросов об антинемецкой деятельности НТС в оккупированных областях, гестаповцы настойчиво добивались ответа на вопрос: как, когда и с чьей помощью руководство НТС пыталось установить через Швейцарию связи с англо-американскими союзниками. На этот вопрос ответа гестаповцы не добились.

А попытки связаться с западными союзниками через Швейцарию действительно имели место: осуществить это руководители НТС поручили швейцарскому журналисту, кажется, Брендштедту. Связь пытались установить главным образом для того, чтобы спасти от преследований и выдачи находящихся в Германии русских, в особенности солдат и офицеров Русской Освободительной Армии, которая только что начинала формироваться. Чтобы разъяснить понятные сегодня любому здравомыслящему человеку вещи: что существует пропасть между русским народом и коммунистической властью, его поработившей, что русские вступают в РОА вовсе не для того, чтобы служить немцам, а для того, чтобы свергнуть Сталина. Но еще никто не знал, что в это время готовилась Ялтинская конференция с "добрым дядей Джо" (как Рузвельт называл Сталина). И из попыток НТС ничего не вышло.

Жизнь в тюрьме была голодная, несмотря на передачи. Тюремный паек, без того минимальный, неоднократно не поступал в тюрьму из-за бомбардировок. Особенно тяжело было тем, кого содержали в одиночках. Е. Р. Романов читал там бывшее у него Евангелие и играл сам с собой в шахматы, сделав шахматную доску из куска картона (он занимался шахматами профессионально и был до войны тренером гроссмейстера Болеславского).

Был один весьма опасный эпизод. Когда гестапо явилось арестовывать члена НТС из Софии, болгарского подданного Заприева, он выпрыгнул в окно, добрался до Гамбурга и скрылся там в болгарском консульстве. К сожалению, он оставил свой пиджак, в котором гестапо нашло фотографии, изображавшие какие-то строения на морском берегу, и тут же начало обвинять НТС в военном шпионаже, что грозило смертью. С разрешения следователя Г. С. Околович написал Заприеву и тот приехал и разъяснил, что это за фотографии и где сняты. Но при этом был арестован и он сам.

★

Через Трухина, Меандрова и главным образом через немецких друзей НТС на высшее гитлеровское руководство оказывалось давление, с тем чтобы освободить заключенных, которые, как объясняли немцам, в нас-

тоящее время необходимы для организации Русской Освободительной Армии, для пропаганды ее идей и т. п. Это в какой-то степени действовало. Во всяком случае, заключенные в Берлине не были отправлены в лагерь, что вначале, несомненно, планировалось: арестованные за год до этого, в июне 1943 года, больше сорока пяти членов НТС в Бреславле были отправлены в лагерь, где многие из них погибли. Обвиняло их гестапо в том же - в антинемецкой деятельности. Но об арестах в Бреславле надо говорить подробнее - в другой раз.

В Берлине же членов НТС стали повторно допрашивать, неспеша и вяло, - уже не энкаведисты на службе гестапо, а немецкие следователи.

Красная армия наступала. Было известно, что немцы при приближении ее расстреливают без разбора всех заключенных. Не зная, насколько успешными будут попытки освободить заключенных, и понимая, что Берлин вскоре будет взят Красной армией, третье запасное руководство НТС создало вооруженную группу, которая в определенный момент должна была ворваться в тюрьму и освободить заключенных. Естественно, что подготовка эта велась в глубочайшей тайне. Насколько мне известно, руководили группой полковник Меандров и председатель эстонской группы НТС А. А. Тенсон. Меандров доставал со складов РОА оружие, в частности, ручные гранаты. Часть ящиков с гранатами хранилась под кроватью А. Р. Трушновича, моего отца. Он рассказал мне об этом только через несколько лет после окончания войны. В группу входило также несколько членов Союза из Прикарпатской Руси.

К счастью, атаковать тюрьму не пришлось. После того, как во время налета были разрушены несколько камер и взрывной волной выбило двери одиночек Ольгского и Романова, их перевели в тюрьму на Плетцензее. Там камеры были более благоустроенные, было больше света. Но и постоянное "мементо мори", напоминание о смерти: приговоренным там рубили головы и удары гильотины отдавались в камерах. Питание на Плетцензее было еще хуже, чем на Александерплац: из-за бомбардировок горячая баланда часто не подвозилась и выдавали только то, что было на тюремном складе, - кусок хлеба и какой-то суррогатный мармелад.

Членов Союза освободили в начале апреля, за месяц до окончания войны, когда бои уже шли за Берлин. Освобожденные разделились на две группы. Одна из них должна была пробираться попутным транспортом по направлению к Боденскому озеру, - к швейцарской границе. Вторую взяло на свое попечение руководство Русской Освободительной Армии и, расположив в нескольких железнодорожных вагонах, направило на юг.

Поезд, где были члены НТС, задержался на железнодорожной станции Пильзена. Была объявлена воздушная тревога. Полковник Кромияди, руководивший этим транспортом, дал взятку железнодорожникам - ящик бутылок с вином, - и уже должен был подойти паровоз, чтобы отвести вагоны в более безопасное место. Но было поздно: началась бомбардировка. Во время нее погибли М. В. Геккер с 18-летней дочерью Наташей, погиб К. Д. Вергун, сгорел, придавленный поваленным вагоном, И. П. Жедилягин, у Байдалакова была сломана нога, Околович был ранен...

НТС встретил окончание войны с немалыми потерями, а задачи перед ним оставались все те же.

Систему знаю изнутри

Я работал директором совхоза. Рабочие выбрали.

Не буду вдаваться в подробности, но скажу Вам, что наше "социалистическое сельское хозяйство" в виде колхозов и совхозов - дело совершенно неэффективное и развращающее дух крестьянина. Я знаю всю эту систему изнутри и "до винтика".

Работать, не веря в свое дело, видимо, можно. Многие так делают, я не смог. Написал заявление об увольнении и, отработав положенные два месяца, не вышел на работу.

На бюро райкома КПСС (я был членом КПСС с декабря 1985 года) мне, с переселением в один голос, был объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку. Остальные голосовали за исключение. Формулировка: "за самовольное оставление работы". Предупредили, что работу не найду нигде.

Но я вышел из райкома, зашел в отдел кадров ремонтного предприятия и устроился рабочим пилорамы. На завтра утром уже вышел на работу, а к обеду из райкома звонят: "Кто позволил Никитина принять на работу?" Опоздали...

Работал на пилораме, плотничал. Затем, на свой страх и риск, редактор районной газеты пригласил меня к себе. Работал корреспондентом сельхозотдела, заведомо, заместителем редактора.

В сентябре 1990 года вышел из КПСС по политическим убеждениям. Должен сказать, что насильно меня в КПСС не тащили, тем, кто так говорит сегодня, - не верьте. Лично у меня была иллюзия активного участия в общественной жизни. И такая иллюзия была у многих коммунистов. Потому КПСС и рухнула довольно быстро. Но это - тема отдельного разговора.

Во время выборов депутатов районного Совета я баллотировался по одному из округов вместе с первым секретарем райкома партии и председателем районного комитета народного контроля. Поскольку меня выдвинули сами мужики, знающие меня по работе в совхозе, то и голоса я собрал почти все. Для райкома это был шок. На сессии райсовета меня избрали членом Малого Совета.

С уважением

М. Никитин

Иркутская область

Помогите механизатору!

В свежем номере "Посева" я прочла в статье Г. Прохельского "Наша бедность не вечна" призыв к оказанию помощи конкретным деревням, конкретным людям. Есть у меня человек, нуждающийся в такой помощи. Он детдомовец, сидел в колонии, нет у него на свете никого, кроме любви к земле и огромного желания трудиться. Работает он механизатором в Самарской области, в глухой деревне. Встретили его не очень приветливо, не один день пришлось походить по кабинетам, прежде чем в деревне устроился, а ведь он не на курорт рвался! Если бы вы знали, сколько гордости в нем появилось: "два дня сеяли овес". Для него деревня, земля - символ утраченной гармонии.

Не знаю, чем помочь ему - я студентка, даже книги по приусадебному хозяйству не могу купить - цена колеблется от 45 до 75 рублей. Поэтому я прошу вас, передайте адрес Юры какому-нибудь фонду или частному лицу. Ему бы оченьгодились книги по современной технологии выращивания овощей, картофеля, по вскармливанию скота. Ведь он начинает с нуля. У него даже нет столярных инструментов, а как быгодились книги по столярным ремеслам! Поверьте, он не пропьет их и не пустит "налево"!

Вот его адрес: 446391 Самарская область, Красноярский район, село Михайловка, Мамаеву Юрию Владимировичу.

Будьте добры, поспособствуйте благому делу! Да поможет вам Бог!

Ирина Кухлина
Йошкар-Ола

Настоящие преступники - не мы

Решип написать вашему журнапу, хотя не знаю, чем вы сможете мне помочь: заставить государство пересмотреть уголовное дело.

Буду излагать только факты, чтобы вас не подвести - не хочу, чтобы у вас возникли неприятности.

В ноябре 1987 года было возбуждено уголовное депо по статьям 96 часть 3 и 89 часть 2. Работал я тогда на семейном подряде: взяли с женой в аренду 1000 голов свиней. Меня обвинили в краже - якобы я на своей собственной ферме систематически похищал поросят и свиней и продавал. В декабре 1987 года меня уволили по статье 33 КЗоТ за систематические прогулы. На семейной ферме? Стали выгонять из квартиры. Зимой. Детей двое - младшему 2 месяца. Я собрал все документы, пошел с ними к районному прокурору Клинцову, написал заявление.

Судили меня почти год. В деле есть справка, что по моей ферме недостачи нет. Несмотря на это, Матвеево-Курганский народный суд Ростовской области осудил меня - один год плюс 20 процентов вычетов. Пишился квартиры, фермы, 50 свиней, двух коров, около 1000 голов птицы - все забрали как незаконное, заплатили 400 рублей.

Куда с детьми? Был у того же прокурора, он заявил, что ничем помочь не может. Оказывается, врагов я себе нажил потому, что **на мне производили опыт** - показывали, что арендаторы не умеют работать, чтобы другим неповадно было. Это мне сказала секретарь парторганизации совхоза - впоследствии ее по моему делу выгнали.

Дальше - хуже. Мы переехали в соседнее хозяйство - колхоз "Искра" Куйбышевского района Ростовской области. Там я снова создал бригаду арендаторов, взяли 300 голов крупного рогатого скота, заключили договор. Проработали около двух месяцев.

Однажды меня вызывает председатель колхоза Черненко - ругается, почему не сказал, что судим, бумаги на меня пришли. Через неделю у нас забрали технику, говорили, что лимит свой исчерпали.

Кое-как, за свои деньги, кормили скот. Я стал ходить по инстанциям - был у всех руководителей района, все обещали помочь. Но время шло, скот терял вес,

начался падеж. Мы хотели расторгнуть договор, но нам сказали, что по договору ответственность за убытки несем мы. Прокурор Клинцов честно сказал мне, что в колхозные дела вмешиваться не может, но по требованию колхоза возбудил дело против нашего звена - за нанесенный ущерб.

Осталось только одно - крутиться самим: украли кормораздатчик, тракторный прицеп, коня, седло. Сами стали косить траву, доставали корма как могли. Решили продать 30 голов скота, чтобы прокормить остальную животину. Наш скот все время проверяли, решили нужные 30 голов просто украсть - в пути нас задержали. Судили по статье 93-1, дали 10 лет и три месяца... Не украдешь - в тюрьму сядешь, украдешь - туда же угодишь. Сiju уже три года, у меня туберкулез - 10 лет не выдержу, а если и выживу, - пользы от меня уже никакой не будет.

Все думаю: почему никто не может понять, что главные преступники - не мы, а такие, как Клинцов (на суде он тоже был). Меня все время мучают письма из дома - все дорого, не во что одевать детей. Они часто приезжают, смотрят на меня из-за забора, просят домой приехать...

Вот и вся исповедь "закоренелого преступника". Я просто хотел жить и работать - оставить детям свое дело. Я вас прошу - помогите мне! Может, еще можно что-то сделать?

Мой адрес: Ростовская область, 346519 г. Шахты. Учр. 398/20, Отряд 5. Ботнар Виталий Васильевич.

P.S. Прошу вас: не забудьте про маленького человека с большим горем.

Требую суда над КПСС!

Уважал и уважаю вашу борьбу с красной чумой, и доверяю только Вам - "Посеву".

Если позволите изложить свои мысли, то вот они.

5 марта 1992 года по "Радио Россия" слышу: рабочий Воронцов застрелил редактора коммунистической газеты, ранил еще одного коммуниста, и за это его приговорили к расстрелу. Последние слова его были: "Если вы не судите преступников - извергов, я сам судил их и вынес приговор".

Слышу молодые голоса горе-философов: "не ты давал жизнь, не тебе и забирать". Если мы, мол, будем идти путем насилия, то оно никогда не прекратится. Спросил бы я этих парней, что они, умнее Солженицына, который в "Архипелаге ГУЛаг" пишет, что если не будет возмездия преступникам всех времен и народов (КПСС), то последующие поколения людей будут озлоблены, ни во что не верящие и мечтающие только об одном - уехать? Или они умнее тех, кто организовал Нюрнбергский процесс?

Много в истории примеров того, как тиран отвечает за свои злодеяния, почему же мы - исключение? Уже геноцида такого размаха, какой устроили большевики над своим народом, мир еще не видел. Уверен, этот Воронцов, - серьезное предупреждение всем!

Думаю, если не будет немедленного международного трибунала над бандой КПСС, все мы обречены!

Теперь несколько аргументов без фактов:

1. Невиданный уголовный террор клопочет и булькает по стране из-за безработицы - да,

из-за низкого жизненного уровня - да,

из-за желания пожить-попить за счет ограбления более крупного жулика - да, но львиная доля террора происходит из-за невозмездия над мафией КПСС.

2. Народ боится брать землю, открывать собственное дело, вкладывать деньги в развитие производства из-за произвола кровососущих структур (налоговые инспекции, ОБХСС и прочая). Из-за засилия бюрократов-коммуняк. Из-за взяточничества, дороговизны техники, несовершенства законов. Но опять же - в основном, из-за невозмездия.

Каждый рассуждает так: я покроюсь мозолями, вложу последний рубль в землю, а к осени явятся, как черт из табакерки, большевики и меня в эту землю закопают.

3. Фашисты были у власти 12 лет, и то какие корни пустили - до сих пор неофашисты орудуют, а большевики были у власти три четверти века! Можно себе представить, какой огромный пузырь с кровью они насосали у народа! У них, наверняка, есть не только деньги партии, но и секретные склады с оружием, даже с атомным, не говоря уже о химическом и бактериологическом.

Вы слышали Невзорова? Без поддержки он бы был скромнее...

Дело о ГКЧП захлебывается, Эрих Хоннекер по-прежнему уходит от возмездия, хотя вопиют молодые, загубленные им жизни.

Чудовище только ранено, и потому наиболее опасно! Пюблю вас, дорогие мои, на вас надеюсь - сломайте хребет этому дьяволу!

Ульянов И. В.

г. Энгельс

От редакции. Лучшим ответом на это письмо может послужить исход Конституционного суда над КПСС в Москве. У Аркадия Аверченко был неплохой рассказ, где он описывает, как собравшиеся в Крыму в 1920 году беженцы со всех концов России обсуждают возможные казни для Троцкого, попади он им в руки. И только офицер Добровольческой армии в ответ на это пожимает плечами и отвечает: "Так что же делать с этим негодяем? Судить его, вот и все..."

Подписку на "Посев" не принимают

Мне в апреле-мае отказывали в продлении подписки на "Посев" под предлогом, что новоуренгойскому агентству "Союзпечати" ничего не известно об изменении стоимости подписки. Когда в середине мая, получив № 3, снова, уже с журналом, пришла в агентство, мне отказали в продлении подписки по той причине, что от "Посева" нет телеграммы о том, что стоимость не изменилась. Я огорчена тем, что мне не удалось подписаться на "Посев" на вторую половину 1992 года. Но может быть есть возможность подписаться на журнал, минуя "Союзпечать"?

Багберг Ольга Федоровна

г. Новый Уренгой

От редакции: Подписная цена на наш журнал на 1993 год - 36 рублей. В течение года она меняться не будет. Подписку принимает "Роспечать" - наш индекс 73308.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА "ПОСЕВ"

Главный редактор: А. М. Югов (в отпуске)

Ответственный секретарь Л. А. Крылова

Редакционная коллегия:

А. Н. Артемов, М. В. Горбаневский, Р. Б. Евдокимов,
Е. Р. Миркович, М. В. Назаров, Ф. Е. Незнанский,
А. В. Окулов, Б. С. Пушкарев,
Р. Н. Редлих, В. А. Сендеров

Адрес редакции:

Possev-Redaktion
Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt a. M. 80
Tel.: (069) 34 18 19
Telefax: (069) 34 38 41

Филиал редакции в России

Для писем: 117602 Москва
Аб. ящик № 325
доцент Горбаневский Михаил Викторович

Телефон заведующего
московским филиалом редакции
М. В. Горбаневского: (095) 283-10-90.

Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора, не обязательно выражают мнение редакции. При перепечатке материалов "Посева" в иностранных издательствах, в оригинале или в переводе, необходимо разрешение издательства и ссыпка на источник. Перепечатка в российских изданиях - приветствуется, но ссылка на источник также обязательна.

Условия подписки для России и бывших республик Советского Союза:

Журнал "Посев" (6 выпусков в год)

Годовая подписка	36 руб.
Подписка на полгода	18 руб.

Индекс в каталоге Роспечати 7 3 3 0 8

Журнал "Грани" (4 выпуска в год)

Годовая подписка	30 руб.
------------------	---------

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПОСЕВ"

POSSEV-VERLAG, V. Gorachek KG
Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt a. M. 80
Tel.: (069) 341265
Telefax: (069) 343841
Postscheckkonto: 33461-608 Ffm
Dresdner Bank AG BLZ 500 800 00, Kto 241275500

Ответственный издатель: М. В. Горачек
Директор: Е. А. Брейтбарт-Самсонова
Коммерческий директор: Л. А. Мюллер

Условия подписки для заграницы:

Журнал "Посев" (6 выпусков в год)

Годовая подписка в издательстве	60 нм
Годовая подписка через посредников	70 нм
Доплата за воздушную почту:	
Сев. Америка, Африка, Бл. Восток	20 нм
Южн. Америка, Дальний Восток	30 нм
Австралия, Новая Зеландия	40 нм

Журнал "Грани" (4 выпуска в год)

Годовая подписка в издательстве	60 нм
Годовая подписка через посредников	70 нм

Торговые представительства издательства "ПОСЕВ"

АВСТРАЛИЯ. S. Sesin, Unification Bookstore,
43 Croydon Rd., Surrey Hills, Vic., 3127

БЕЛЬГИЯ. В. Р. 1094-Bruxelles 1

БРАЗИЛИЯ. О. Aleksandrow, Av. Lavandisca 648,
Moema, 04515 Sao Paulo

ВЕНГРИЯ. Bartók Béla, út 16. l.em. H-1111 Budapest.
Tel.: /361/ 186-2527

ИТАЛИЯ. N. Timofejeff, Casella Postale 630, Roma-
Centro

США.

G. Valk, 501 5th Ave. Suite 1612, New York, NY 10017

ШВЕЙЦАРИЯ. G. Bruderer, Möslweg 40, CH-3098
Köniz

"Социум"

- ежемесячный иллюстрированный журнал-дайджест по вопросам политологии, социологии, философии и культуры издается на русском и английском языках с января 1991 г.

"СОЦИУМ" - это максимум проблемной информации о судьбах людей, идей и общества.

Подписка на "СОЦИУМ" открыта с любого месяца.

Наш индекс по каталогу "Сюзпечати" - 73389.

Стоимость подписки на 1993 год:

1 экз. - 15 руб.

3 мес. - 36 руб.

6 мес. - 54 руб.

Подписаться можно как в отделениях связи, так и непосредственно обратившись в редакцию.

Адрес редакции:

107082, Россия, Москва ул. Большая Почтовая д. 7

Журнал "Социум"

Тел.: (095) 261-02-69, 265-59-35, 265-56-80

Факс: (095) 265-38-80- СОЦИУМ, 975-20-65 СОЦИУМ

ВНИМАНИЕ! Вопросами подписки на наш журнал за рубежом России занимается представитель "Социума". Обращайтесь по телефону:

(510) 651-0381, факсу (510) 651-0606

Fremont, California, USA, Mrs. Alex B. Alshvang

Подписано к печати 11.08.92. Формат 60х90/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,0. Усл. кр-отг. 8,37. Уч.-изд. л. 10,7.

Заказ 990 . Тираж 20000 экз. Цена 3 руб.

Ассоциация совместных предприятий, международных объединений и организаций. Издательский центр «ТЕРРА». 109280, Москва,

Автозаводская, 10, а/я 73.

Отпечатано на Ярославском полиграфкомбинате Министерства печати и информации Российской Федерации. 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

СВОБОДНОЕ СЛОВО - ДЛЯ СВОБОДНЫХ ЛЮДЕЙ

Открыта подписка на журнал "Посев" на 1993 год

Друзья! После многолетнего нелегального распространения журнала "Посев" мы добились права на свободный доступ к отечественному читателю.

Но журнал мы можем выпускать пока ограниченным тиражом, и купить его в розничной продаже трудно. Как сделать так, чтобы журнал, за которым ранее охотилось КГБ, попадал к вам на стол быстро и надежно?

ВЫ МОЖЕТЕ ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ
НА ЖУРНАЛ "ПОСЕВ" В ЛЮБОМ ОТДЕЛЕНИИ СВЯЗИ

Наш индекс по каталогу "Роспечати" -
7 3 3 0 8 (раздел "Журналы").

СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ НА ГОД - 36 РУБЛЕЙ
НА ПОЛГОДА - 18 РУБЛЕЙ

Журнал выходит шесть раз в год.

Редакция расположена во Франкфурте-на-Майне (Германия),
представительство и корреспондентские пункты -
в Москве, Санкт-Петербурге, других городах великой России.

"Посев" - это аналитические и дискуссионные, правдивые и острые материалы по вопросам политики, экономики, социальных проблем и культуры.

"Посев" - это изложение идей российских солидаристов, это - разговор о путях к солидарности и свободе.

"Посев" - это конструктивные предложения к обустройству России, это поиск путей служения Отечеству.

"Посев" - это пристальный и честный взгляд в прошлое России; без такого анализа нельзя строить ее будущее.

"Посев" - это правдивая информация об НТС, о его истории и его нынешней деятельности.

Мы будем верны давно избранному девизу журнала -
"НЕ В СИЛЕ БОГ, А В ПРАВДЕ!"

Хотите быть нашими постоянными читателями?
Подписывайтесь на "ПОСЕВ"